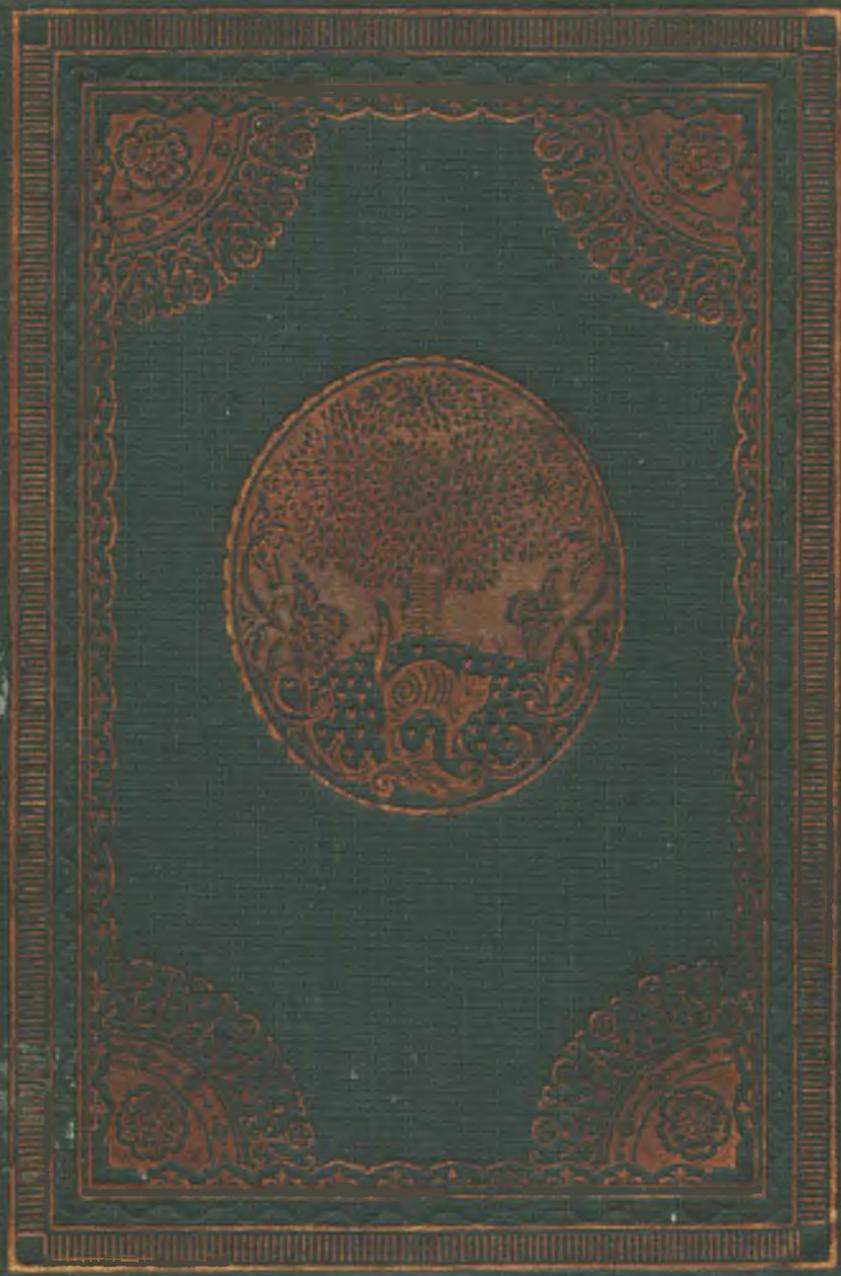

Р. У. С.
С. К. А. А.
С. К. А. Б.
К. А.

I

ACADEMIA

ТОМ
ПЕРВЫЙ

СОКРОВИЩА
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РУССКАЯ
СКАЗКА

АКАДЕМИА

**РУССКАЯ
СКАЗКА**

**ИЗБРАННЫЕ
МАСШЕРА**

**РЕДАКЦИЯ
И КОММЕНТАРИИ
МАРКА
АЗАДОВСКОГО**

АКАДЕМИА

**РИСУНОК ПЕРЕПЛЕТА И ГРАВЮРЫ НА
ДЕРЕВЕ: ОБЛОЖКА, ТИТУЛ, ЗАСТАВКИ,
КОНЦОВКИ И ИНИЦИАЛЫ РАБОТЫ
П. А. ШИЛЛИНГОВСКОГО**

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящая антология русской сказки несколько отличается от обычных сборников такого типа. Материал в ней распределен не по отдельным видам или типам сказок, не по сюжетам и темам, но исключительно по их носителям — антология мастеров русской сказки. Поэтому, в нашем сборнике отсутствуют некоторые весьма популярные в русской сказке сюжеты, поэтому же отдельные сюжеты представлены не наиболее типичной для них формой, но формой, в которой наиболее ярко проявились художественное своеобразие и мастерство сказочника.

Приведенные здесь сказки взяты, главным образом, из поздних сборников: старинные сборники (Афанасьев, Худяков, Эрленвейн и др.) остались неиспользованными, так как, во-первых, они не дают сведений о сказочниках, — во-вторых, очень часто помещенные в них тексты тронуты корректирующей рукой собирателя или редактора. Наконец, при выборе материала приходилось руководствоваться и тем, насколько тот или иной мастер достаточно полно представлен записями.

Материал для сборника взят, главным образом, из печатных источников. Обширный рукописный материал, хранящийся в архивах ученых обществ и учреждений, а также на руках у собирателей, как правило, нами не затрагивался. Исключение сделано только для тех сказочников, характеристики которых уже имеются в печати и которые, таким образом, уже вошли в литературу, как напр., Е. И. Сороковиков и «Куприяниха».

Сказки совершенно не отделимы от той словесной структуры, в которой они даны. Сказка, переданная без сохранения сантаксических и диалектовых особенностей речи, теряет свою художественную ценность и колорит. Но печатать в том виде, как они даны в научных сборниках, со строгим соблюдением всех особен-

ностей и оттенков местных говоров, значило бы слишком затруднить читателя, — поэтому нами избран средний путь. Особенности местной речи сохранены лишь постольку, чтоб не нарушился основной диалектический рисунок и не исчез местный колорит и специфический тон речи. Синтаксические же особенности сохранены без каких бы то ни было изменений. Различия же в передаче особенностей говоров в отдельных текстах объясняются различием в методах записи собирателей. Местные слова и выражения переданы в печати рядкой.

Рисунки, сопровождающие текстовую часть книги, заимствованы из различных лубочных изданий сказок и так называемых народных картинок. Они не являются иллюстрациями в тесном смысле этого слова: они иллюстрируют не тот или иной отдельный сюжет или определенный эпизод в какой-либо сказке, но они являются общим иллюстративным материалом: они иллюстрируют характер тех образов, которые живут в сознании носителей сказки и их аудитории, так как позднейший и современный репертуар сказочников в значительной степени обязан своим происхождением этой лубочной литературе, с одной стороны, непрерывно вводящей новые темы, с другой — поддерживающей своими перепечатками старую традицию.

При выборе иллюстративного материала большую помощь мне оказали сотрудники отдела искусств Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде — М. Л. Лозинский, В. О. Петерсен и С. Г. Гасилов, которым и приношу глубокую благодарность. Сердечно признателен я также Н. П. Гринковой и Н. М. Хадзинскому за разрешение воспользоваться их неопубликованными записями.

РУССКИЕ СКАЗОЧНИКИ

В Петропавловской крепости, работая над «Повестью в повести», Чернышевский вспоминал о сказках. «Есть сказки не для детей» — писал он: «сборниками сказок больше, чем самим Данте, славилась итальянская литература эпохи Возрождения. Их очаровательное влияние господствует над поэзией Шекспира; все светлое в ней развилось под этим влиянием»... «Но мои грёзы», — вспоминает далее Чернышевский, — «были взлелеяны не ими. Я в молодости очаровывался сказками «Тысяча и одной ночи», которые также вовсе «не сказки для детей»; много и много раз потом, в мои зрелые годы, и каждый раз с новым восторгом я перечитывал этот дивный сборник. Я знаю произведения поэзии, не менее прекрасные, более прекрасного я не знаю».¹

Как всегда, Чернышевский с удивительной силой и четкостью сумел вскрыть одну из существеннейших сторон сказочной поэзии. Правда, в этом отрывке речь идет только о сказках арабских и сказках итальянских, по художественный метод и сущность сказок всегда одни и те же, будь то сказки итальянские, арабские, монгольские или русские. И точно так же, как по слову Чернышевского, «очаровательное влияние» итальянских сказок «господствует над поэзией Шекспира», так русские сказки, в значительной степени, формировали поэзию Пушкина.

И Чернышевский, и Пушкин, и целый ряд великих художников слова чувствовали и ценили прежде всего художественную сторону сказок, их увлекательную выдумку, свободное развитие действия, сочный и яркий

¹ Цит. по книге П. Е. Щеголева «Алексеевский равелин» 1929, стр. 41. (Из предисловия к «Повести в повести»).

язык. Сказка раскрывалась перед ними, главным образом, как *художественное произведение* и была равноправна с другими памятниками мировой поэзии, иногда даже превосходя их.

Как ни странно, но в наши дни такое понимание все более и более стирается. Сказка как будто вычеркивается из рядов художественных памятников и переходит в разряд памятников или даже документов этнографических. В этом отношении она разделяет судьбу и других видов так называемого «народного творчества». Такой же узко-этнографический подход был к памятникам искусства изобразительного. Изделия каких-нибудь неведомых художников русских деревень или чукотских и якутских юрт интересовали только в силу своей этнографичности и мало кто задумывался над тем, что их создал тот же творческий импульс, который вызвал к жизни картины Винчи или скульптуру Микель-Анджело, что они не только музейный документ, но и воплощение в своеобразных формах живой жизни и творческих устремлений художника, что они также являются художественным воплощением чувств и мыслей создавшей их среды.

Так, мы разрываем с безличной этнографией и входим в круг мастеров-художников, в круг деятелей искусств, где *общая коллективная работа* отмечена печатью создающих и ведущих ее ярких художественных индивидуальностей.

Не мир «безличной этнографии», но — мир искусства. Так же дело обстоит и со сказкой. Какую бы роль ни играла она в этнографических изучениях, она является вместе с тем и, главным образом, художественным памятником, и ее носители также являются деятелями *общей художественной культуры*.

Не так давно сказка была предметом яростной дискуссии. Накопилась даже некоторая литература по вопросу о педагогическом значении сказки и ее роли в художественном воспитании ребенка. Из этой сферы вопрос как-то незаметно переносился в сторону общего значения сказки. Но в этой дискуссии проблема приняла односторонний характер. При этом забылось то, с чего, как раз, начинал Чернышевский. Сказка — не только детское чтение. Вернее сказать, сказка только в меньшей части является уделом детской аудитории. В основе

же своей сказка предназначена для других слушателей. И создавалась и бытует она не в детской среде и не для детского уровня. Она также мало создана для детей, как не для детей «Декамерон» или «Путешествие Гулливера» и ряд других великих созданий мирового искусства. Сказка — в той же сфере, она часть общего наследия классической литературы, и вопрос о ней неотделим от общего вопроса о наследии классиков. Сказка не только прошлое, но и настоящее — творческое ее бытие еще далеко не оборвалось, но является в полной мере фактом сегодняшнего дня.

Иногда раздаются голоса: да нужен ли, вообще, современному читателю этот мир сказочных образов и сказочной фантастики. Нужны ли и интересны все эти рассказы об Иванах-Царевичах и Василиях-купеческих сыновьях — их подвигах и удачах, кончающихся неизменной женитьбой и добыванием царства. Но так ставить вопрос — значит невероятно снижать его. При такой постановке совершенно забывается особая природа сказочной фантастики. Сказочная фантастика самым тесным образом связана с породившим ее реальным миром, его потребностями и задачами, его социальными противоречиями и острой социальной борьбой. Дело не в фавеле, не в сюжетной схеме, но в художественном методе, в целостной системе образов и скрывающемся в них мировоззрении. Мир царей и королей — это только внешняя оболочка, внешняя сюжетная схема, за которой раскрывается иной мир и иное миропонимание.

В рассказах о королях и купцах разворачиваются богато разработанные картины трудовой обстановки русского крестьянства и мир созданных им образов. Сказка, в том виде, как мы ее знаем — есть уже порождение крестьянского быта и крестьянской психологии, отражающее и социальное расслоение внутри самого крестьянства и борьбу его с другими общественными классами.

Вс. Иванов как-то писал, что «классическим» произведением может быть «прежде всего создание радостное и веселое». Веселое здесь, конечно, употреблено в том же смысле, в каком, например, Блок говорил о поэзии Пушкина: «Пушкин — веселое имя!» Редко к чему так приложимо это красочное определение, как к сказке. Заражающая бодрость и высокая веселость, — вот

основные свойства сказки. Эта бодрость коренится, несомненно, в том, что сказка тесно связана с мотивом социальной борьбы и что эти мотивы борьбы и победы определенно настраивали и слушателя и рассказчика; в этом же коренится и сущность ее художественного метода, здесь же причины той огромной распространенности и популярности, какие имеет сказка и до сих пор в определенных слоях народа, где она является любимым источником развлечения.

И как подлинное классическое наследие, сказка имеет огромное значение, как элемент литературного воспитания и литературной учебной работы. На съезде крестьянских писателей, Максим Горький с особенной силой настаивал на необходимости постоянного обращения к фольклору. «Я не теряю интереса к фольклору, — говорил он: — народные песни, народные сказки, народные легенды, — вообще все народное творчество, которое собственно и называется фольклором, — должно быть постоянно нашим материалом». М. Горький не раскрыл в краткой речи на съезде всего значения этой литературы. В дополнение к его словам, необходимо подчеркнуть, что особенно важно и ценно взглядеться, как одна и та же тема, один и тот же сюжет получает различное воплощение у разных мастеров-сказителей, как идет непрерывная борьба с традиционными формами, как под напором классовой борьбы и тех или иных социальных сдвигов беспрерывно расширяются традиционные литературные формы, впитывая в себя новое содержание и новое миропонимание.

Это мастерство сказки великолепно чувствовал и понимал Пушкин, знакомившийся с ней не по книжным текстам, а непосредственно «из уст народа», слушая ее у своей старой няни, у крестьян-рассказчиков, у слепцов Святогорского монастыря. «Сказка-сказкой — писал он, — а язык наш сам по себе и ему-то нигде-то нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать, чтоб выучиться говорить по-русски и не в сказке... Что за прелесть эти сказки. Каждая есть поэма».

Но Пушкин чувствовал не только художественность сказки, — его влекла не только сказочная фантастика, — он остро чувствовал и социальную природу сказки и ее связь с реальной жизнью. На ряду с волшебными

сказками о Царе-Салтане или о Мертвой Царевне, ёго творческое внимание привлекла и сатирическая сказка о жадном попе и его хитром работнике. И формой той же «народной сказки» пользуется Пушкин для создания меткой, хотя и тщательно затушеванной, политической сатиры («Сказка о золотом петушке»). Эту традицию продолжали Салтыков-Щедрин, пропагандисты-народовольцы, и завершается она уже в наши дни, в замечательных сказках-прокламациях Демьяна Бедного.

Одной из причин, препятствующих пониманию истинного значения сказки, как художественного памятника, являются все еще не изжитые и довольно распространенные, неверные представления о так называемом «народном творчестве» (теперь принято говорить: устное творчество или устная словесность, фольклор) и его процессах.

Все «устное творчество» (или фольклор) в целом обычно противопоставляется собственно литературе. В литературе — борьба живых сил и вечно творческая работа; в фольклоре — мертвая традиция; в литературе — выступают и подвизаются отдельные творческие единицы, индивидуальные художники, создаются и борются школы и направления, идут беспрерывные поиски новых форм и методов воплощения; фольклор — творчество безличное и безыскусственное, не связанное с отдельными индивидуальностями, но принадлежащее всему народу, отражающее общенародную психологию и общенародные верования и тесно связанное с архаическим мирозерцанием.

Такое понимание было заложено еще в самом начале научных изучений «народной словесности», в эпоху романтизма и оказалось необычайно устойчивым. У нас оно особенно укрепилось в эпоху народничества, подхватившего и своеобразно интерпретировавшего эту теорию.

Идея безличного, общенародного творчества очень удачно сочеталась с основными представлениями народничества о народе-общине, народной мысли и народном мировоззрении, как о каком-то едином и «сплошном» процессе. Эту основную тенденцию народнических концепций четко вскрыл Плеханов одной цитатой из Успенского:

«Теперь пойдет все сплошь, — жаловался Успенский, — и сом сплошь прет, целыми тысячами, целыми полчищами, так что его разогнать невозможно, и вобла тоже «сплошь идет» миллионами существ, одна в одну, и народ пойдет тоже «один в один» и до Архангельска, и от Архангельска до «Адесты» и от «Адесты до Камчатки»... все теперь пойдет сплошное, одинаковое, точно чеканенное: и поля, и колосья, и земля, и небо, и мужики и бабы, все одно в одно, один в один, с одними сплошными красками, мыслями, костюмами, с одними песнями... Все — сплошное — и сплошная природа, и сплошной обыватель. Сплошная нравственность, сплошная правда, сплошная поэзия, — словом, однородное, стомиллионное племя, живущее какой-то сплошной жизнью, какой-то коллективной мыслью и только в сплошном виде доступное пониманию. Отделить из этой миллионной массы единицу и попробовать понять ее — дело невозможное».

Таким же «сплошным местом», отражением сплошного, однообразного быта и мирозерцания представлялась и «народная поэзия», и в ее «архаических, застывших и окаменелых» формах стремились вскрыть подлинные истоки «народной души» и «народного мирозерцания».

Позже исследователи отошли от такой народнической романтики, но долго еще не могли отойти от народнической методологии. Перестав понимать фольклор, как какое-то мифическое, народное творчество, стали говорить о творчестве крестьянском, не видя и не понимая различных социальных слоев в самом крестьянстве и таким образом понятием единого крестьянского фольклора невольно затушевывали моменты социальной дифференциации и классовой борьбы.

Этому общему представлению содействовало (и содействует) и то, что содержание сказок вообще идентично. Многочисленные записи в разных местах страны дают одни и те же сюжеты, и более того, эти сюжеты оказываются сходными с текстами французскими, немецкими, восточными и т. д. Частичные же отличия в передаче сюжетов объяснялись, обычно, особенностями и свойствами памяти отдельных рассказчиков-передатчиков. Изменения же, в которых можно было видеть сознательное вмешательство в исконный текст рассказчика, рас-

сматривались, как искажение и отсебятина. Авторитетные ученые-исследователи предлагали даже игнорировать такие изменения текста и при изучении и анализе тщательно удалять это «досадное вмешательство». Издатели же первых сборников считали возможным самостоятельно устранять эту «постороннюю стихию» и вносить те или иные поправки в записанный текст, восстанавливая таким образом своеобразную «чистую культуру». По такому методу составлен и наш классический, знаменитый сборник Афанасьева, который, кстати сказать, следовал в данном случае примеру создателей мировой фольклористики — братьев Гримм.

Но эти изменения имеют более глубокий смысл и значение. И, если одни из них, действительно, являются только продуктом забвения, путанности и т. п., то другие относятся к разряду явлений чисто творческого порядка, в которых вскрываются следы индивидуальной, чисто-творческой работы.

Первые наблюдения над жизнью эпических творений были произведены еще знаменитым собирателем былин, А. Ф. Гильфердингом. Былины представлялись наиболее неподвижным и устойчивым образованием — и, в сущности, на их материале и покоились все утверждения о неподвижной природе эпоса. Между тем, Гильфердинг установил, что текст былин ни в коем случае не является чем-то неизменным, неподвижным и даже «окаменелым», как думали первые исследователи господствовавшего тогда в науке мифологического направления.

Наоборот, непосредственное изучение жизни былинных текстов обнаружило их необычайную изменчивость и подвижность. В былинах был обнаружен целый ряд пластов. Оказалось, что не только текст былин изменялся, переходя из поколения из поколения, но одна и та же былина изменялась на протяжении времени в устах одного и того же сказителя.

А. Ф. Гильфердинг вскрыл и основной путь, по которому идут эти изменения. Каждая былина, по его наблюдению, состоит из двух элементов: из типических мест, куда относятся так называемые «*loci communes*» («общие места»), речи богатырей и т. п., и переходных, которые соединяют эти типические места и помогают развить действие. Первые заучиваются наизусть, вторые же — нет; в памяти певца хранится только как бы

скелет, который каждый раз может облекаться в иную форму.

Но и типические места подвергаются изменениям: у каждого певца всегда готов в памяти тот или иной запас образов из поэтики эпоса, и этим запасом он располагает по своему усмотрению и своим склонностям. Соответственно этому претерпевают изменения и основные образы богатырей. У одного певца богатыри делаются более набожными, у другого выдвигаются на первый план черты удали и лихого разгула и т. д.

Таким образом, в былинах тесно сплетены моменты поэтической традиции с моментами личной деятельности. Каждая былина, по формуле Гильфердинга, содержит в себе «наследство предков, личный вклад певца и отпечаток местности» — под последним, разумеется, нужно понимать не только географическую, но и социальную среду.

Эти наблюдения оказались общими не только для русских былин, но общими для эпического творчества в целом, не только для русского эпоса, но и для эпоса других народов. Вместе с тем, они ясно показали, что огромный мир памятников так называемой «народной поэзии» нельзя отрывать от общей сокровищницы мировой художественной литературы.

Наблюдения Гильфердинга были тогда же необычайно удачно подкреплены наблюдениями В. В. Радлова над эпическим творчеством сибирских народностей. Свои наблюдения и записи он производил в 60-х годах, итоги же его наблюдений суммированы в V т. его «Образцов»,¹ вышедшем на несколько лет позже сборника «Онежских былин». Таким образом, оба эти ученые работали почти одновременно и независимо друг от друга; выводы же их вполне совпадают и местами идентичны.

Вот как описывает В. В. Радлов процесс эпического творчества у кара-киргизов:

«Всякий опытный певец поет по вдохновению, так что он не в состоянии спеть одно и то же два раза, не изменяя форму изложения. Но не следует думать,

¹ Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым, ч. V. Наречие белокаменных киргизов. СПб. 1885; см. также его очерки «Aus Sibirien». Bd. I—II. 1872.

что импровизация есть постоянное сочетание новых стихов. Импровизирующий певец поступает не иначе, как и импровизатор-музыкант, который соединяет только знакомые ему пассажи, переходы и музыкальные фразы по минутному вдохновению в одну целую картину, выражающую его внутреннее настроение и таким образом составляет новое из затвердившегося в нем старого. Так же поступает и певец эпических песен. Вследствие частых упражнений у него наготове целый ряд отдельных частичек песен (если можно так выразиться), которые он и присоединяет друг к другу в соответствующем ходу рассказа порядке. Каждая из таких частичек песен изображает описание известных случаев и происшествий, как то: рождение героя, развитие героя, похвалу оружию, приготовление к борьбе, шум борьбы, разговоры героев перед борьбою, описание личности и лошадей, характеристические черты известных героев, похвалу красоте невесты, описание жилищ, юрты, пированья, приглашение к пиру, смерть героя, плач об умерших, описание ландшафта, наступление ночи, начало дня и т. п. Искусство певца состоит только в ловком соединении готовых уже частичек картины в одно целое, смотря по роду обстоятельств. Опытный певец умеет воспеть все приведенные частицы картин различными манерами. Он в состоянии обрисовать одну и ту же картину несколькими штрихами, изобразить ее обстоятельнее или же, наконец, расплываясь в мелочах, пуститься в подробное описание... Количество готовых частичек картин и ловкость соединения их служат мерилом достоинства певца. Опытный певец в состоянии воспеть какой угодно ряд событий, если только знаком с ходом дела...

Певец-импровизатор воспевает, не размышляя о форме, все, что хочет, если только извне приступают к нему какие-нибудь побуждения, так же как говорящий произносит слова, не думая об артикуляциях, необходимых для произнесения отдельных звуков, когда ход мыслей требует известного слова. Дельный певец может петь, не переставая, день, неделю, месяц, так же как и в продолжение всего этого времени он может говорить. Но с певцами, — добавляет тонкий наблюдатель, — случается то же самое, как и с красноречивыми говорунками, которые, болтая слишком долго, в конце концов начи-

нают повторять уже высказанные мысли и поэтому становятся скучными и утомляют слушателей». ¹

Позже эти наблюдения были продолжены и углублены одним из учеников В. В. Радлова — Б. Я. Владимирцевым, который в своей книге о монголо-ойратском героическом эпосе блестяще зарисовал не только общую картину создания эпической поэмы, но и процессы работы профессиональных певцов, творцов-исполнителей.

Б. Я. Владимирцев подробно описывает, как молодой ойратец, почувствовав в себе «дар, способность и любовь стать певцом богатырских сказаний», готовит себя к этой деятельности. Начав учиться (у старых певцов-тульчи), молодой человек прежде всего стремится освоиться с сюжетом какой-нибудь облюбванной им эпопеи и с ходом развертывания ее действия. «Он знакомится (практически и теоретически) со схемой, планом данной эпопеи и вообще эпопеей; учится разбивать эпопею на составные части, заучивает «общие места» и «формулы»... и пытается приладить все это к знакомому сюжету».

Каждый настоящий певец (как и русский сказитель былин) располагает большим запасом всевозможных таких общих мест и формул. Он «щедрой рукой сыплет, где надо, свои украшения». Он «то по вдохновению, то по расчету может выявлять свои способности, свои богатства при воспроизведении эпопей. Его искусство проявляется в умелом и увлекательном для слушателей способе пользования общими местами и украшениями. Певец то нанизывает их, как бисер, удлинняя и растягивая разные эпизоды, то делает свое описание сухим и обрывистым и ведет его быстро и бегло».

«Но самый сюжет эпопеи — незыблем; выбросить тот или другой эпизод — невозможно; это даже считается греховным делом, — но и зато все остальное зависит от самого певца, от силы его вдохновения, от умения пользоваться поэтическими средствами». ²

¹ Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым, стр. XV—XVII.

² Монголо-ойратский героический эпос. Перевод. вступительная статья и примечания Б. Я. Владимирцев в а, 1922, стр. 30—31.

Таким образом, ойратских певцов нельзя считать только передатчиками, только «простыми исполнителями вытверженного наизусть». В их деятельности «широко проявляется творческое начало, обучение же и школа только помогают проявиться этому творчеству». Поэтому же и их произведения ни в коем случае не могут называться «безыскусственным народным творчеством». Окончательный вывод исследователя: эпические произведения современных ойратов — «именно искусные и искусственные произведения, это те же «литературные произведения, только не записанные, сохраняющиеся не на бумаге или пергаменте, а в памяти профессиональных исполнителей». Наконец, сами певцы тесно связаны со своей социальной группой (в данном случае — с кочевой аристократией) и служили ей, вполне проникаясь ее идеалами и социальными тенденциями.¹

Так устанавливаются два существенных момента, необходимых для понимания процессов устного творчества: школа и личное начало. Существование специального профессионального сказительства установлено почти для всех народов, имеющих эпические сказания; они существовали и у нас, — и в этой среде хранились, напр., и разрабатывались былины, переходя от поколения к поколению;² в этой среде создалась их поэтика и тот особый тип, который характеризует былинку, как таковую.

Такая же определенная устойчивая ткань, вырабатывавшаяся, несомненно, в определенных профессиональных поэтических кругах, существует и в сказке и является характерной для нее, как особого вида устно-поэтического творчества. Сказка обычно начинается и заканчивается специальными присказками («начин» или «зачин» и «концовка»); начало непосредственного изложения сводится к ряду типичных и характерных формул; при переходе от одной сюжетной линии к другой или даже иногда от одного эпизода к другому употребляются также определенные формулы («скоро

¹ Монголо-ойратский героический эпос. Перевод, вступительная статья и примечания Б. Я. В л а д и м и р ц е в а, 1922, стр. 35.

² См. В с. М и л л е р. Очерки русской народной словесности, т. I, стр. 32.

сказка сказывается, да не скоро дело делается», «это оставим, и другое начнем» и т. п.); устойчивые формулы существуют и для целого ряда описаний и положений (седланье коня, описание богатырской поездки, скачки коня, избушки на курьих ножках, диалог между хозяйгой избушки и вошедшим в нее богатырем, удивление какого-либо змея или кощея при появлении в его дворце богатыря («русский дух... русью пахнет»), надписи на ростанях и т. д., и т. п. Имеется и целый ряд деталей, которые также являются характерными и типичными для сказки: напр., исполнение с помощью различных помощников трудных задач; волшебные предметы, которые помогают герою (шапка-невидимка, ковер-самолет, дубинка-драчунка, скатерть-самобранка или сума, из которой выскакивают помощники, волшебный перстень, чудесный платок, колобок, указывающий дорогу, чудесные музыкальные инструменты и пр.). Наконец, в сказке строго соблюдаются общезнаменитые законы: трехчленность (три сына, три дочери, три подвига, три противника, три задачи, три попытки добиться желаемого), причем трехчленность тесно связана с градацией: каждый противник сильнее предыдущего; змей о трех головах, о шести, о двенадцати; каждая задача труднее предыдущей, а каждое царство или дворец — ценнее: царство медное, серебряное и золотое и т. д.

Все эти характерные для сказки черты принято называть, как предложил еще Афанасьев, «сказочной обрядностью» или «сказочным каноном», как говорят другие исследователи. Его наличие ясно указывает на существование в прошлом определенной школы сказителей, где вырабатывалась, хранилось и культивировалось это мастерство. «Вся техника сказок, — пишет автор специальной работы по этому вопросу, — прибаутки, при сказки, начало, окончание, вставки, типические детали, — все эти традиционные обороты, обнаруживающие удивительную живучесть и устойчивость, ярко свидетельствуют, что народная сказка — не случайного происхождения, не мимолетная фантазия какого-нибудь рассказчика, но сложилась в среде профессиональных сказочников, в специальной школе, где постепенно, исподволь, в течение, быть может, нескольких столетий вырабатывалась сказочная поэтика, переходила от учителя

Прохор да Борис, да Фомушка с Еремой.

к ученику, тщательно оберегавшему полученное наследство, и, наконец, застыла в неподвижных формах».¹

В этих-то специальных школах сложились и главные сюжетные схемы, как сочетания отдельных мотивов. Сами отдельные мотивы восходят во многих случаях к глубокой древности и связаны с психикой и бытом доклассового общества, определенные же сочетания и способ обработки ведут уже, несомненно, к историческому времени, к артистической среде, в лице, главным образом, шпильманов, жонглеров, мимов, скоморохов, бахарей.

Мы не располагаем достаточным количеством материала, чтоб проследить последовательно все стадии обработки сюжета и те группы, в которых происходила эта обработка, и где, вообще, жило и цвело сказочное мастерство. Но основные стадии более или менее определяются. На русской почве кульминационным пунктом было скоморошество, в репертуар которого входили не только шуточные и сатирические произведения, но и серьезные эпические поэмы и серьезная волшебная сказка. Как специальное искусство, сказочное мастерство процветало в кругах княжеских бахарей и дворцовых, а также и боярских, шутов. Но позже это перестает быть уже делом специальных кругов, и знание сказок и умение их рассказывать соединяются с другими профессиями и работами — так жила сказка в помещичьих усадьбах, где она сугубо культивировалась в дворовой среде, но это уже не специально сказочники. Это — скотницы, няньки, егеря, казачки и проч. Одновременно с этим сказка живет и в иных социальных сферах, являясь орудием развлечения уже не барства и знати, по тем же самым дворовых и крестьян; живет в среде городского мещанства, в разнообразной деклассированной среде тюрем и солдатских казарм.

В этих социальных кругах сказка доживает и до нашего времени. Современный сказочник, по преимуществу, представитель крестьянства; в дореволюционное

¹ Н. Л. Бродский. Следы профессиональных сказочников в русских сказках. Этн. Об. 1904, 2, стр. 8—9. Замечание о неподвижности, конечно, должно быть значительно ограничено. Личное начало в различных формах сказывается и на этой внешней ткани.

время сказки были неизменным атрибутом казарменных досугов.

Сфера сказки в крестьянской среде была чрезвычайно разнообразна. Сказку рассказывали в семье, на посиделках и вечерках, на постоянных дворах, на работах. Особенно широко бытует сказка в разнообразных артелях. Нередко можно было услышать сказку на мельнице, где часто мельник являлся выдающимся рассказчиком сказок, и это умение рассказывать создавало ему лишнюю клиентуру. Знатоками сказки являлись и владельцы «постоялых», ямщики и т. п. Но чаще всего сказка не связана с каким-нибудь определенным занятием. Настоящий сказитель, по истине, «вольный художник», чаще всего бедняк без определенной профессии и занятий. Но знатоков сказки очень любят и знают. Есть целый ряд работ, где присутствие сказочника скрашивает тяжелую работу и как бы даже поднимает дух. Там, где работают артелями, там всегда процветает сказка. Этим в значительной степени объясняется полноценная и полнокровная жизнь сказок на Севере и в Сибири. И, главным образом, они культивируются там в артелях: охотничьих, рыболовных, лесорубных и др. На Печоре, по свидетельству Н. Е. Ончукова, староста, составляющий артель, всегда стремится залучить в нее всеми мерами сказочника или «старинщика», т. е. певца-знатока былин.¹

По свидетельству одного из молодых сибирских собирателей, в рыболовных артелях на Байкале, сказочнику давали лишний пай и освобождали от целого ряда работ. «Человек, хорошо рассказывающий сказки, уже выше всей рыбацкой артели. Он — душа ее, источник светлых, бодрых настроений, которых так жаждет каждый человек и особенно рыбак, усталый после работы. По колено в воде, усталый, намокший, озябший, не всегда с хорошим уловом — он не падает духом, сидит далеко за полночь и слушает сказки, а рано утром окрик башлыка «по-дымайся!» заставляет его снова взяться за работу».²

¹ Н. Е. Ончуков. Печорские былины... стр. XXIII.

² Сказки из разных мест Сибири. Под ред. М. К. Азадова и С. Г. Ирка. Иркутск, 1928, стр. 134 (сообщение А. В. Гуревича).

Сейчас еще трудно говорить о роли и месте сказки в современной, переходящей на путь решительного социалистического переустройства, деревне. С окончательным уничтожением различия между городом и деревней, несомненно, окончательно изживется и отомрет устное творчество в целом; но в переходный момент сказка, конечно, еще значительное время будет сохранять свою роль и значение; по крайней мере недавние наблюдения в ловецких колхозах также обнаружили огромную роль сказителей и их значение во время промыслов.

О том же свидетельствует и другой молодой сибирский собиратель, В. А. Кудрявцев, записывавший сказки в Минусинском округе. Если сибиряк едет на пашню или на покос, то едет на целую неделю и живет там в избушке или стану. В этих жилищах обычно помещаются две-три семьи. В ненастье иногда собирается десятка два человек и среди них всегда может оказаться посказатель.¹ И сам он вспоминает из своего детства крестьянина Бакаева, часами рассказывающего в ненастные дни сказки.

Кроме того, сказки рассказывались и разносились разного рода странствующими сельскими ремесленниками: катанщиками, пимокатами, портными.

Носителями сказок являлись солдаты, разносящие по всей стране выслушанные и усвоенные ими в казармах сказки. На Волге, на Урале эту роль выполняли бурлаки, на Урале же и особенно в Сибири — бродяги, поселенцы.

Эти разнообразные группы сказочников весьма различны и по своему качеству. Одни из них знают одну-две, несколько сказок, пользуясь этим, так сказать, для домашнего употребления, другие обладают значительным репертуаром, включающим в себя порой по несколько десятков текстов; одни — рассказывают просто, не думая о средствах воздействия на аудиторию, другие — выступают, как художники-артисты, любящие и умеющие чувствовать и покорить аудиторию. Одни — сказители случайные, другие — прирожденные мастера, сказочники-специалисты. И хотя в настоящее время не приходится говорить о сказочниках-профессионалах,

¹ Сказки из разных мест Сибири, стр. 5.

т. е. разумея под этим определенный способ добывания средств к жизни, подобно тому как это было во времена скomoroxов и бахарей, все же мы можем назвать таким именем — именем профессионалов-специалистов — современных сказочников-мастеров, чтобы подчеркнуть не случайность, но полную и глубокую органичность их дарования.

В каком же отношении находятся современные сказочники с традиционным сказочным мастерством? В данном случае повторяется та же ситуация, которую отмечали Гильфердинг и Радлов у былинных певцов. Их наблюдения и выводы оказались вполне приложимыми и к другим видам устного творчества. Те же процессы можно наблюдать в причитаниях, текст которых всегда импровизируется, на основе определенных элементов поэтики. В еще большей степени это проявляется в сказке, прозаическая и несвязанная размером и напевом речь которой дает огромный простор личному воздействию ее носителей. Современный сказочник также располагает определенными схемами; он также хранит и помнит формулы, общие места, типичные детали. На основе этой сказочной ткани выступает уже личное начало, проявляющееся в выборе тем и сюжетов, в отборе их, в той или иной комбинации сюжетов, мотивов и отдельных эпизодов, в новой мотивировке действия, в новых приемах описания, в той или иной манере организации речи.

Подлинный знаток-сказитель располагает прежде всего собственным, более или менее постоянным и определенным репертуаром и уже здесь отчетливо проявляется личное начало. «От личного вкуса сказителей, — замечает один из собирателей, — зависит выбор материала из обильного сказочного репертуара в данной местности». «Сказочник перенимает не все, но то, что так или иначе близко и дорого ему, волнует его фантазию и западает в душу». Наоборот, по наблюдениям собирателей, сказка хранит глубокие следы личного опыта и личных переживаний рассказчика: его бытность, занятие тем или иным ремеслом, — все это оказывает глубокое влияние на текст рассказываемых им сказок.

В сказках аналогичных примеров — необозримое количество. Можно сказать, что такого рода изменения — закон. Так, напр., излюбленная сфера сказок замеча-

Шут и шутиха (лубочная картинка).

тельного пермского сказочника, А. Д. Ломтева — купеческая среда, с которой он связан многими личными нитями, — и в его текстах даже Илья-Муромец оказывается приказчиком у купца; у ремесленника Саврулина (Пермский край) заметно стремление определенным образом повлиять на работодателя, так, напр., он в весьма заманчивом виде изображает харчи, которые получает у чорта работник.

Личные свойства сказителя отражаются и на моральной стороне сказок. В этом отношении очень интересны «женские сказки», т. е. сказки, рассказанные женщинами. Собиратели отмечают в них особенную задушевность, мягкость и нежность тона. Это отражается даже в передаче некоторых традиционных сюжетных положений. Так, напр., во всех сказках, где выведена «неверная мать» («Золотая утка», «Звериное молоко»), рассказ кончается суровым наказанием матери, готовой было, в угоду своему любовнику, извести сына. Но в «женских сказках» это суровое наказание или смягчается (тюрьма, напр., — но не смерть), или часто даже сын прощает мать. У Винокуровой же дается формула такого поведения: «Нет правъ таких, чтоб мать казнить».

Но эти изменения в форме и содержании сказок отнюдь не являются результатом случайной воли или настроения. Все эти «случайности» являются только кажущимися, и за ними раскрывается та же закономерность и необходимость, которая действует в целостном мире искусства. «Социологические законы действуют в литературе и искусстве через посредство целостной психологии конкретных творцов, которые также насквозь социологизированы». Эта формула определяет и законы развития сказки. Мир ее изменений обусловлен социальной практикой, в которой творят индивидуальные художники-сказочники.

Изменения, под влиянием которых сказка непрерывно принимает все новые и новые очертания, можно разделить на две основные категории. С одной стороны они являются чисто механическими, случайными, с другой — имеют органический и закономерный характер.

К первым принадлежат всевозможные случаи изменений, являющихся результатом простой забывчивости,

плохого знания текста и т. п. Отсюда — путаность изложения, пропуски отдельных эпизодов, смешение имен, искажение отдельных событий, плохая мотивировка. При анализе это достаточно легко обнаруживается, так как сразу же выясняется отсутствие художественной целиности.

Изменения же, которые мы называем органическими, следует рассматривать, не как случайный момент, но как факт определенной художественной деятельности. Певец-северянин, описывая в былинах скачку богатырского коня по южной степи, прибавляет:

«Мхи-болота между ног пускал».

Этим явно искажается исконная картина пейзажа и создается противоречивый образ природы. И тем не менее не следует это рассматривать, как простое искажение текста. Здесь налицо стремление певца осмыслить непонятную и чуждую ему и его слушателям картину. Пейзаж без мхов и болот не понятен ему. Данный ему образ природы явился для него как бы пустой формой, которую он и стремится заполнить конкретным содержанием. Таким путем, образ вводится в систему понятий певца и его среды.

Такой же процесс наблюдается и тогда, когда образ фантастического царства принимает черты какой-нибудь сибирской или печорской деревни, или когда богатырь-царевич наделяется чертами местного охотника. В сказках мы беспрерывно наблюдаем перенос действия в обстановку, близкую сказителю и его аудитории. Действие сказки разыгрывается то на Волге, то у северного моря, то «в Урале», то в сибирской тайге.

Этот перенос действия из одной местности в другую не ограничивается только простой географической локализацией. Это локальное приурочение гораздо шире. Оно захватывает и включает в себя и всю местную, социально-бытовую обстановку. Вместе с морем входят в сказку и морские промыслы и рыбная промышленность, герои же являются охотниками-рыболовами. Сибирь вносит не только имена новых рек (Ангара, Енисей, Обь), но и сибирскую тайгу, сибирский тракт, сибирских охотников, прискателей, лоцманов на сплавах, рабочих-поселенцев и проч. Таким образом, локальное приурочение является частью более общего процесса — приурочения

социального. Так создаются типы сказок объединенных локально (печорские, южно-русские, сибирские) с возможными подразделениями внутри (енисейские, ленские, тункинские, алтайские) — и этот местный тип обладает своей целостной системой образов, выросших на основе местной социально-экономической обстановки и ею обусловленных. Создаются в некотором роде местные школы. В этих местных школах — свой местный репертуар: свои излюбленные типы и сюжеты, — излюбленные группы сказок. Суждения и окончательные выводы в этой области, однако, еще преждевременны за отсутствием полно подобранных материалов.

Это переформирование сказки идет и по другой линии — по линии социальных категорий: по линии социальной или профессиональной. На сказку накладывают свой отпечаток и те группы, через которые она так или иначе проходит. Одной из самых мощных групп была солдатская среда. Казармы были одним из главнейших приютов бытования сказки. Отсюда — огромная группа сказок, которые мы называем солдатскими. «Солдатская казарма, солдатская походная и военная жизнь были той обстановкой, где творилась и воскресалась своя солдатская сказка». ¹ Она характеризуется также особым репертуаром, особым кругом тем, особым подбором эпизодов и своей особой портикой. Лучшим представителем солдатской сказки является ленский сказитель, Ф. И. Аксаментов, затем вятский — Верхорубов, — но, кроме того, солдатские сказки встречаются в репертуаре многих сказочников, лично не связанных с солдатской средой (напр., у Ломтева). Солдатская сказка сама по себе не связана с определенной местностью, но, занесенная в Сибирь или на Север, она является уже в преломлении местной географической и социальной среды.

Другой тип социально-групповой сказки — бурлацкий, т. е. распространяемая и переделывавшаяся в бурлацкой среде. Она тесно связана с Волгой или Уралом, где бурлачество являлось в апофеозе воли и свободного, пышного разгула. В дальнейшем бурлацкая сказка заносится в другие местности, заходит на север, сохраняя многие бурлацкие черты, но вклинивая этот материал в иную социальную и географическую среду.

¹ Б. Соколов. Русский фольклор, т. II, стр. 97.

Наконец, есть группы, которые своеобразно видоизменяют всю структуру сказки. Таковы сказки — бродяжки, поселенческие. Поселенческий элемент обнаруживается, с одной стороны, во внесении в сказку отдельных специфических бытовых штрихов и деталей, напр., мотивы скитальчества, бродяжничества. С другой стороны — выражается в композиции. Сказка для бродяги-поселенца — не только простая забава, не только средство развлечения, но существенный момент добычи пропитания, в некоторой степени ремесло. Отсюда необходимость придать сказке максимум занятости, забористости, остроумия, — отсюда же обилие непристойных элементов, вырывающихся — порой совершенно неожиданно — в сказку, отсюда — разнообразные и сложные сплетения сюжетов и обилие вводных эпизодов, часто разрастающихся до самостоятельного и самодовлеющего значения. Поселенческим влиянием отмечены, главным образом, сказки уральские и сибирские. Потому-то все наиболее длинные сказки записаны в этих местах.

Установление таких местных и социально-групповых сказок переводит вопрос уже в плоскость коллективного начала. Действительно, устное творчество есть прежде всего творчество коллективное; в личном раскрывается общее, и на фоне коллектива рельефно выступает индивидуальное начало. Понятие фольклора — понятие социологическое. В отличие от любого собственно литературного памятника продукты устного творчества — к какому бы виду они ни принадлежали — всегда неразрывно связаны с каким-нибудь коллективом и вне его не могут существовать. Среда же, коллектив, является и фактором, направляющим определенное развитие и течение сказки. Они определяют ее содержание и ее форму; поэтика сказки есть результат коллективной работы, основанной на взаимодействии сказочника и его аудитории; напр., поэтика солдатской сказки — поэтическая система, усвоенная данной средой. Индивидуальное и коллективное начало — две стороны единого процесса. Сказочник в своем творчестве не отрывается от коллектива, но творит вещи в пределах установленной схемы, выражая коллективную мысль и коллективную эстетику.

Таким образом, воздействие личного начала и безгранично и ограничено. Каролина Павлова как-то сравнила писателя, разрабатывающего какой-нибудь общеизвестный

сюжет, с шахматистом, играющим наверняка. Результат игры уже известен и бесспорен, — все дело в том, как и на какой клетке будет дан мат. Так и для сказочника: конечные цели обозначены строго и точно, — дело в путях, которыми он подойдет к ним. Творчество сказочников — не в создании новых фабульных или сюжетных схем, но — в новом освещении событий, в манере пользования художественными деталями, в манере словесной и звуковой игры, в умении связать сюжетную схему и установленную форму с близкими и порой волнующими фактами и, наконец, в насыщении их теми или иными социальными тенденциями, ибо в творчестве каждого сказочника, органически связанного со своей средой, выражается ее социально-классовое содержание, что, конечно, и определяет собою всю творческую работу сказочника.

* * *

Так раскрывается подлинное значение и сущность сказочного сказительства. Сказочники — ни в коем случае не являются простыми передатчиками, но то непрерывное изменение текста, которое сопровождает последовательную передачу сказок из уст в уста, от поколения в поколение, имеет, несомненно, ярко выраженный творческий характер. Сам Гильфердинг и особенно его непосредственные последователи и продолжатели сводили все к узко-биографическим факторам. С этой точки зрения все изменения в сказке определялись только личными свойствами и личным опытом сказителя, короче — личной его биографией. Задача изучения сводилась к тому, чтоб определить эти личные напластования, снять их и таким образом воссоздать «подлинную» структуру сказок.

Но, конечно, невозможно объяснить все изменения в сказке только фактами внешней биографии и тех или иных особенностей в характере сказителя. Едва ли всегда с должной отчетливостью можно установить, что относится на долю этого личного элемента и что следует отнести к общей поэтике сказки или местной традиции. Например, в сказках Винокуровой очень часто упоминается прислуга, в частности горничная является частым персонажем в ее текстах и играет иногда далеко не последнюю роль. Прислуга — обязательный атрибут каждого

дома; у царя за дочерьми обязательно ухаживает горничная, горничная доносит царю о дурном поведении дочери («Купеческая дочь и дворник»); горничная же оказывается важную услугу хозяйке, за что очень дорого платится («Верная жена»), горничная первая слышит «милостыню ради орла-царевича», и, наконец, в одной сказке («Заклятый сад») горничная же является центральным персонажем в завязке и выполняет функции, которые, обычно, в других местах, связаны с царскими или купеческими дочерьми.

Из биографии Винокуровой известно, что она в молодости жила в городе (Иркутске) «в прислугах». Было бы очень просто все отмеченные факты объяснить исключительно личными моментами сказочницы. Но в целом ряде случаев мы находим упоминание роли прислуги, той же горничной, и в сказках, рассказываемых другими сказочниками, в том числе и мужчинами. Другими словами, ограничить собственно личные моменты и моменты чисто художественные крайне трудно. И если, напр., сцена глажения белья в «Орле-царевиче» (№ 17) внесена, несомненно, всецело из личных воспоминаний, то уже ни в коем случае нельзя этого сказать про образ горничной в сказке о верной жене; фактами личного порядка может быть объяснена разве только подчеркнутость этой роли в передаче нашей сказочницы да некоторые бытовые детали, внесенные ею в этот образ.

В рассказывании сказки играют роль и определенно осознанные эстетические моменты. То или иное распределение материала, усиление или ослабление той или иной черты, введение или опущение какого-либо эпизода, особый поворот диалога объясняются какими-либо соображениями сказителя эстетического порядка. Замечательный сказочник Асламов каждый раз перед моим приходом готовился к сеансу, повторяя про себя сказки, и потом тщательно заботился, чтобы «все было на месте и к месту». Енисейский сказочник Ф. И. Зыков утверждает, что самое главное и трудное в сказке «разговор» (т. е. диалог). «Тут одно как слово неладно — и ничего не получится. Тут надо все быстро делать». Винокурова, рассказавши мне сказку об орле-царевиче, по окончании ее добавила: «Славно я мышку-то подвела» (т. е. присказку о мыши и воробье, которой обычно начинается эта сказка). Очевидно она имела в виду сделанный ею удач-

Плясун и скоморох (лубочная картинка).

ный переход, который связал присказку с самым сюжетом: во время суда возникла ссора, орлу подстрелили крылья, он остался — его увидел купеческий сын, и отсюда уже начинается самая сказка. Иногда же, и очень часто, присказки являются оторванными от основного рассказа.

В общем же можно смело утверждать, что перед длинным сказителем-мастером лежат те же задачи, что и перед каждым художником: задача упорядочения материала, его 'выбор и распределение, развитие художественного замысла, короче — в его деятельности в полной мере проявляется то, что Л. Толстой называет «сознательной силой художника».

Дело, конечно, не во внешней биографии, но в художественной индивидуальности сказителя. Среди сказителей встречаются богато одаренные и поэтические натуры, с огромной творческой изобретательностью, и сказочники-передатчики, почти совершенно лишенные творческого воображения или очень скудно им одаренные; есть сказители со склонностью к фантастическим образам, любовно и внимательно задерживающиеся на описании волшебных и чудесных явлений и предметов, и есть сказители, для которых на первом плане — описание бытовых подробностей повседневной жизни. Наконец, есть сказители с исключительной любовью к шутке, к балагурству, которые превращают в легкомысленный анекдот самую серьезную фантастическую сказку.

К сожалению, у нас нет еще надлежащей классификации сказочников. Сейчас еще очень и очень трудно дать такую классификацию, так как мы не располагаем достаточным количеством материала. Мы почти не располагаем, за немногими исключениями, целостными репертуарами сказочников. Собиратели, по большей части в погоне за большим количеством имен и пунктов, не стремились изучить до конца встречавшихся им сказителей, — поэтому очень часто самые замечательные сказочники представлены всего несколькими (иногда три-пять) текстами (папр., Чупров, Семенов, Чима и др.). Это же привело и к тому, что все имеющиеся классификации строятся по разным признакам, т. е., в сущности, никакой классификации не дают, а только намечают отдельные группы сказителей, или отдельные проблемы в изучении сказительства и переформирования сказки.

В связи с последним вопросом, т. е. вопросом о переформировании, стоит и вопрос об исконном тексте. Как будто при такой постановке вопроса подразумевается существование какого-то определенного, исконного текста, претерпевшего в дальнейшем различные трансформации. В действительности, поскольку дело касается устной традиции, едва ли может идти речь о каком-нибудь твердом пратексте. Речь может идти только о более древних текстах по сравнению с более поздними и новейшими. Ибо, вероятно, с самого начала один и тот же сказочный сюжет существовал в нескольких редакциях.

Обычно считают древнейшей формой сказку фантастическую, волшебную. Фантастическую сказку, переданную с соблюдением всей системы сказочной обрядности, именуют классической, и сказителей, обладающих в своем репертуаре большим запасом волшебных сказок и рассказывающих их с соблюдением этой обрядности, называют классиками, иногда — эпиками

Но, несомненно, что наряду с волшебно-фантастической (или также богатырской, т. е. сказкой о богатырях) существовали с очень же давнего времени и сказки-новеллы, существовали также сказки-сатиры, и уже очень рано начало складываться взаимодействие этих элементов. И наряду с классическим стилем очень рано начал складываться тип рассказа шуточного, острого, с определенной юмористической или сатирической установкой. — стиль, обычно называемый исследователями балагурным, получивший свою формовку в скomorошьей среде. Ярким представителем такого направления в русской сказке является знаменитый волжский сказитель, Абрам Новопольцев. Модернизованная его форма представлена современной воронежской сказительницей Барышниковой (Куприянхой).

Классический тип сказок в его чистом виде довольно редок. Более всего образцов такого рода мы находим в сборнике Афанасьева. Но, в очень многих случаях, есть опасение, что мы имеем дело с текстом выправленным, подведенным под определенный стиль. Такое стремление дать «подлинный текст», создать как бы своего рода «чистую культуру» — весьма характерно для начала науки об устной народной словесности. Оно характерно не только для Афанасьева, но и для самих основоположников мировой фольклористики, братьев Гримм.

В позднейших и современных сборниках «классическая сказка» — редка. Наиболее замечательные образцы мы находим в текстах, записанных в начале нашего века на Печоре от 70-летнего старика Алексея Чупрова; реально бытовые моменты только слегка входят в его повествование, в большей степени они звучат у близких к нему по типу сказителей — Ильи Семенова, Еф. Кокорина (Чимы) — и, наконец, получают свое завершение в сказках Ломтева, Винокуровой и др., из которых многие являются в полной мере нашими современниками.

Волшебнo-фантастическая сказка все более и более окутывается реалистической стихией, причем это сплетение фантастики с бытом у различных сказочников проявляется различными путями и в различных формах. Одни, тщательно заполняя волшебные схемы реалистическим содержанием, все же стремятся сохранить и соблюсти и сказочную обрядность, другие, наоборот, совершенно разрывают с ней и разрушают ее. У одних быт еще оказывается как бы во власти фантастики; по удачному замечанию одной исследовательницы, фантастические подробности так крепко соединены с бытовыми, что отделить одни от других не представляется возможным... С другой стороны, сказочники осмысливают «непонятные черты фантастического быта и в то же время придают' обычным подробностям некоторую таинственность».

У других сказочников — наблюдается обратное явление: фантастика всецело растворяется в быте: самый сюжет остается фантастическим, чудесным, но материал для его развертывания, для решения тех или иных композиционных задач черпается исключительно из бытовых наблюдений. Вместе с тем в сказку врываются, преобразуя ее, элементы нового быта, углубляются и развертываются моменты психологические и социальные, отражаются в той или иной степени общественные сдвиги, и таким образом создаются новый тип сказки и новая поэтика.

Основной характер этого переформирования, или быт может, точнее сказать, основной принцип, — реально-бытовой. Фантастика является то в призме крестьянского быта, то в солдатско-казарменном преломлении, то оказывается связанной с бурлацкой или поселенческой стихией. Б. М. Соколов очень удачно показал, как «чудесный мир волшебных существ, царей и королевичей.

богатых бояр и купцов изображается в меру крестьянских представлений и воззрений». Сказочники в своей неуклонной творческой работе стирают черты прежних социальных формаций и создают новый «сказочный мир» на основе «узкого круга своей трудовой жизни» (выражение Э. Рюде) и своей трудовой психологии. Царь или король является в виде какого-нибудь богатого мужика или барина-помещика, царевичи и королевичи — в виде домовитых и энергичных деревенских парней или охотников. Царь встает и затопляет печку; царевич, собираясь на подвиги, велит приготовить сухариков; отправляя мужа в неведомую страну, мудрая жена печет ему подорожники; царь встречает солдата на кухне; даже самое понятие «царить», как метко подмечает Б. М. Соколов, строится на аналогии с крестьянскими отношениями. Чудесный пример — в сборнике Н. Е. Ончукова: «Жило семь братьев, шесть царило, а седьмой был у них в прислугах... ему братья на житье ничего не давали».

В солдатской сказке фантастика почти всегда является в призме казарменной обстановки и казарменных впечатлений. Судьбы фантастической сказки можно особенно удачно проследить в репертуаре сибирского сказителя, Ф. И. Аксаментова. Само собой, что он не единственный представитель солдатской сказки, но он является одним из самых замечательных и блестящих представителей этого типа сказок, и кроме того он — один из немногих сказочников, репертуар которых известен нам почти целиком и, во всяком случае, достаточно полно, а не случайными отрывками.¹

Сказки Аксаментова еще в значительной степени сохраняют свою выработанную в профессиональных школах обрядность. Он тщательно бережет канон в разных его проявлениях: закон трехчленности (три царские дочери, три мастера, три попытки освобождения), повторяемость эпизодов, традиционные зачины и кон-

¹ Считаю нужным оговориться, что здесь и в дальнейшем изложении я широко пользуюсь своими прежними работами: «Сказки Верхнеленского края», вып. I. Иркутск, 1925; «Pohadky Hrnolenskeho kraje, s. II. 1928; «Eine sibirische Märchenerzählerin» (Folclore Fellow Communications, № 68), Helsinki; 1926; «Сказки из разных мест Сибири». Иркутск, 1928.

Разговор Фарноса и Пигаси с целовальником Ермаком.
 (Лубочная картинка.)

цовки, внутренние формулы и т. д. Но на ряду с этим идет и процесс модернизации. Напр., фантастическая локализация в солдатской сказке обычно отсутствует. Всевозможным «за тридевять земель», «неведомо где» и проч. нет места в таких сказках, герой локализован.

Уже само понятие: солдат — конечно «русский солдат» — приурочивает рассказ к определенному месту, а часто и времени. Потому-то в большинстве случаев в солдатских сказках дело происходит в Москве или в Петербурге, а персонажи их зачастую падеются именами исторических лиц. Чужая же страна (иное царство), в которой обычно происходят подвиги героя, также получает определенное географическое приурочение. У Аксаментова это, по большей части, Франция и город Париж:

«Город Парыж парит».

В сказке «О деревянном орле» вступительный эпизод разыгрывается не «у одного царя», не «в некотором царстве», а «в Москве, в одном кабаке»...

Репертуар Аксаментова типично солдатский. Любимая его тема: какое-нибудь приключение солдата, кончающееся удачной женитьбой на дочери какого-либо лица, стоящего неизмеримо выше по социальной лестнице: на графской дочери, на царской крестнице, на дочери короля и т. п. Соответственно этому в его сказках занимают огромное место различные атрибуты солдатско-казарменного быта: часовые, казармы, разводные, фельдфебели, гауптвахты, увольнительные записки и проч. Наконец, солдат заходит и в фантастическую сказку.

В сказке о похищенных царских дочерях героем-освободителем является солдат — игрок и пьяница; роль же завистливых и неудачных соперников (традиционно: старшие братья или товарищи-богатыри) падает на долю естественных антагонистов солдата — генералов. Героем пролога сказки о деревянном орле является, правда, не солдат, а удалой мастер-орельщик, но он обрисован в типичных тонах солдатской забубенной головушки.

Впрочем, дело не столько в самих отдельных персонажах, сколько в общем колорите. Солдатская стихия пронизывает всю сказку, подчиняя и поработая себе

отдельные детали и придавая своеобразный оттенок фантастике.

Одним из характернейших и существеннейших моментов этого «солодатчивания» сказки, на ряду с указанными уже подробностями казарменного быта и солдатской службы, следует назвать введение в рассказ пьяниц, карточной игры, гостиниц, гулянок. Завязка сказки о деревянном орле разыгрывается в московском кабаке: генералы и солдат, отправляясь на поиски похищенных царевен, прежде всего заходят в питейное заведение; свидание дочери французского короля с ее возлюбленным — принцем происходит в номере гостиницы. Царский сын, очутившись в чужой стране, поступает в трактир, где развлекает публику игрой «на ворагане». В одной сказке даже сам царь с царицей открывают гостиницу. «Вот что, душечка, я придумала, — говорит царю его жена, — зачем же нам платить в чужой гостинице деньги, лучше откроем свою»...

В тесной связи с этим частые упоминания о «гулянках», «выпивках», «азартных играх» и т. д. Порою эти картины пьянства обращаются даже в какой-то апофеоз пьяницы.

Таков пролог о мастерах («Деревянный орел»), таков эпилог сказки о трех царских дочерях.

Последняя сказка является в полном смысле апогеем кабацкого героя. После двух неудачных генеральских походов на поиски похищенных царских дочерей вызывается «солдат-пьяница». Его сначала не пускают, отталкивают: «куда ты пойдешь, пьяная морда? Ступай, под забором проспись». Солдат настаивает на своем, тогда: «государь подумал, помечтал» и потом: «Да ведь из пьяниц-то лучше выходит»... После выхода из подземного царства, где солдат был обманом оставлен коварными генералами, он принимает через старика, у которого он живет на квартире, заказы на изготовление царским дочерям ботинок, чулок и платья, в котором они «на тем свете» были. Изготовление этих заказов сопровождается все время усиленным пьянством солдата; наконец, после сдачи последнего заказа, когда царские дочери уже догадались о его возвращении и отправляются сами на его поиски, солдат снова идет в кабак, напивается пьяным, и царские дочери находят его, уже

валяющимся в грязи «... лежит, орет. Те услышали по голосу, что вот наш благодетель где-то ревет, отыскали его и видят, лежит он весь в грязи. Слезли с кареты, оттерли его, посадили во карету и привезли во дворец». Так своеобразным торжеством «солдата-пьяницы» завершается вся сказка.

Таким образом, перед нами происходит как бы растворение фантастики в бытовых элементах солдатской сказки. В план волшеббно-фантастической сказки вьется казарменная стихия и преобразует ее — происходит как бы некоторое снижение плана и стиля. Это снижение можно проследить и на самом характере речи. Для речи Аксаментова характерно почти полное отсутствие эпитетов, редкое употребление сравнений, бедность образов. Вместе с тем исчезает художественный реквизит старой сказки, заменяясь предметами казарменного и трактирного обихода.

Это обеднение и снижение стиля ни в коем случае не следует относить исключительно за счет личности нашего сказителя. Оно характерно вообще для солдатской сказки и объясняется, конечно, культурой той новой среды, в сфере которой вошла прежняя сказка. Разнообразный материал сказки Аксаментова с явным преобладанием солдатских элементов особенно, быть может, показателен в этом отношении, так как дает возможность проследить путь и методы этого переформирования сказки.

Нужно оговориться. Когда мы говорим о преобразовании и снижении сказки, то мы вовсе не имеем в виду расценивать эстетическую значимость солдатской сказки, как менее художественную. Речь идет не о гибели, не о разложении сказки, но исключительно о новом ее типе, вернее, новой структуре. Это снижение, в сущности, знаменует собою перевод сказки из одного плана в другой, из плана фантастики в план бытовой, при чем, в данном случае, материал для обрисовки и характеристики этого быта черпается, главным образом, из мира солдатских представлений.

В чем сущность художественного метода Аксаментова, который является вместе с тем и методом солдатской сказки?

В фантастический мир волшебной сказки, в волшебно-

сюжетную схему он вводит героя, образ которого создан в мире солдатских идеалов и казарменных настроений. Но это вторжение героев из чуждой сферы происходит не механическим путем, но путем органического слияния разнообразных и первоначально противоположных элементов. В сказке о трех царских дочерях солдат не просто заменяет какого-нибудь Ивана-Царевича, но вместе с ним ворвалась в старую сказку новая жизнь. Весь антураж сказки оказался перестроенным в полном соответствии с новыми персонажами. Неудачными соперниками становятся генералы, первым этапом на пути — питейное заведение, первым препятствием — игра в карты; чудесным предметом, помогающим обманутому герою снова выйти на белый свет, является не какой-нибудь волшебный рожок или дудка или гусли (как обычно в сказках этого типа), но — предмет, тесно связанный с казарменным обиходом — балалайка.

Эту целостность в системе образов можно проследить и дальше. С каждым новым заказом освобожденных принцесс, все отчетливее обнаруживается и обрисовывается подлинная натура героя, и, наконец, все это венчается своеобразным апофеозом: извлечением принцессами пьяного солдата из грязи, завершающимся женитьбою на младшей дочери.

Таким образом, перед нами строго выдержанный, единый и целостный художественный план. Не трудно заметить, что здесь та же тема, что лежит в основе большинства солдатских историй и побасенок (а в сказках Аксаментова особенно): удачная женитьба героя на невесте из высшего социального круга.

Из этих же «солдатских историй» и «побасенок» выхвачен и введен в сказку образ героя. Войдя же в нее, он не остался там чуждой и одинокой фигурой, но подчинил и поработил себе все существенные детали. Сохранилась вся традиционная оболочка: похищение, вызов, находка, борьба с похитителями, зависть и предательство соперников, обманное оставление в подземном царстве, выход с помощью нечистой силы, вынужденное согласие освобожденных на брак с обманщиками, заказы и пр. Строго соблюден и закон трехчленности и градации (три дочери, три вызова, три змея с прогрессивно увеличивающейся силой).

Но все эти традиционные положения получили и новый смысл и новую социальную окраску. Традиционные положения и традиционные формулы старой сказки воплощают уже новую тему, с иным внутренним содержанием.

Общая идея о превосходстве младшего, бесхитрого и чистого сердцем над коварными и сильными старшими братьями сменялась идеей о превосходстве героя, выходца из социальных низов, над представителями высших слоев общества. Новая социальная среда, в которую попала старинная сказка, вдохнула в отвлеченную этическую схему новое содержание — и соответственно этому произошло переформирование сказки.

Замечательно, что и заключительный эпизод разбираемой сказки: валяющийся в грязи солдат, откуда подбирают его освобожденные им принцессы, в сущности, также широко традиционен. Герой-победитель перед окончательным торжеством своим также валяется где-нибудь в грязи, в какой-нибудь требушиной одежде, неумытый, нечесанный, опаршивевший, вызывая презрение и насмешки окружающих; так торжествует Иван крестьянский сын над своими умственными зятьями, переодетый крестьянином Иван-Царевич — над зятьями-княженецами, «Козья шкура» — над зятьями-чиновниками и т. п.

Но во всех этих и других подобных случаях (число которых легко можно значительно увеличить) этот жалкий, непривлекательный вид накануне окончательного торжества является в полной мере мнимым, сознательно принятой личиной, — в сказке же Аксаментова перед нами подлинное состояние героя. Валяние в грязи пьяного солдата — уже не декоративное, но подлинное, нестемлемое от всей природы солдата, явление.

Но тем сильнее его торжество, тем эффектнее апофеоз, возводящий на престол подлинного пьяницу-гулвана.

Правда, этот социальный момент, характерный для солдатской сказки и особенно остро подчеркнутый в текстах Аксаментова, как будто можно проследить и во многих несолдатских сказках. Неоднократно встречается в качестве заместителя какого-нибудь Ивана-Царевича — Иван-дурак, Иван-крестьянский сын, Иван-нянькин сын и т. д.

В этих вариантах также торжество над подлинными царевичами и царскими зятевями падает на долю представителей социальных низов. Но эти замены чисто механичны и не связаны с таким острым социальным самосознанием, как в сказке солдатской: герои же солдатской сказки являются солдатами не только по названию, но и по всему своему как внешнему, так и внутреннему облику. В первом случае — чисто внешняя социальная окраска, во втором, в солдатских сказках, этот социальный элемент органически вырастает в сказку.

* * *

В сказке крстьянской, которая, в сущности, и является основным массивом русской сказки, мы не находим уже такой резко выраженной социальной заостренности. Только в сказках о попах, о барах, о рабочих и хозяевах остро отразились социально-экономические противоречия народной жизни. Правда, подавляющее большинство сюжетов этой группы сказок не национального происхождения и является так называемыми бродячими сюжетами, известными очень давно у многих народов. Но у нас они были вполне усвоены и ассимилированы, стали насыщенными местным колоритом и пригодились для выражения социальных чувств и настроений той среды, в которую вошли они и где начали новое творческое существование.¹

«Сюжет — замечает по аналогичному поводу Лафарг — порой может быть занесен извне, но он принимается только в том случае, когда соответствует духу и обычаям тех, кто его усыновляет».²

Существует воззрение, что крестьянство вообще не смогло выработать четкой оформленной идеологии. В интересном докладе «Кого считать крестьянским писателем» В. Карпинский утверждал, что вполне оформленную идеологию «может создать только развивающийся

¹ Ср. по этому поводу интересную статью Ю. М. Солова. О социологическом изучении фольклора. «Литература и марксизм», 1928, III.

² Поль Лафарг. Свадебные песни и обряды. Цит. по русск. переводу в сборнике статей Лафарга «Очерки по истории культуры», стр. 55.

Музыканты (Лубочная картинка).

класс: класс, идущий и приходящий к господству. Крестьянство же не было, не является и не может быть таким классом». «В эпоху феодально-крепостную крестьянство было особым классом-сословием, противостоящим другим классам-сословиям тогдашнего общества. Оно было угнетенным классом феодально-крепостного общества, распыленным по всей стране, неспособным к классовому объединению и завоеванию власти. Поэтому-то оно в то время не создало и не могло создать ни своей идеологии, ни своей художественной литературы». Но, — добавляет автор, — «цельность социального состава, устойчивость экономики и быта обеспечили и способствовали известному развитию некоторых видов так наз. «народного» или крестьянского искусства» (в том числе, конечно, и сказки).¹

В этих замечаниях, конечно, очень много верного и бесспорного, но здесь недостаточно подчеркнуто то, что, несомненно, хорошо знает и сам автор: невозможность говорить о крестьянстве в целом: его классовая структура гораздо сложнее. Даже в пору расцвета крепостного права не существовало «единого» крестьянства. Поэтому нельзя так решительно, как это делает автор, противопоставлять крестьянскую литературу, в которой должна отразиться крестьянская идеология, фольклору, связанному «с целостностью социального состава и устойчивостью быта».

«В современном обществе крестьянин уже не является единым классом; это противоречие — не доктрины, а противоречие самой жизни. Это не сочиненное, а живое противоречие. Поскольку в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию. Поскольку сохраняются еще крепостные отношения — постольку крестьянство продолжает еще быть классом, т. е. не буржуазного, а крепостного общества. Это «постольку — поскольку» существует в действитель-

¹ «Пути развития крестьянской литературы». Стенограммы и материалы первого всероссийского съезда крестьянских писателей, под ред. П.С. ВОКП. М. — Л., 1930, стр. 6.

ности в виде крайнего сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной русской деревне».¹

Фольклор так же связан с классовой дифференциацией в крестьянстве, как и всякое другое выражение идеологии. Нельзя, стало быть, говорить об единой крестьянской идеологии. Отдельные слои и группы крестьянства и при крепостном праве и особенно после него сливались в едином потоке нарастания и развития буржуазии. Это отразилось и в художественном творчестве.²

Идеология крестьянской сказки отражает собой, главным образом, тот средний слой в крестьянстве, в котором преобладают зажиточные прослойки и который являлся проводником культурных влияний, идущих «сверху» — из дворянских и буржуазных кругов. Огромное количество сказок, бытующих в крестьянской среде, связано с купеческим бытом и купеческой идеологией. Купеческий сын вытесняет прежнего богатыря-царевича, и часто герой-богатырь оказывается царевичем только по названию, являясь по существу типичным купеческим сыном. У некоторых сказителей иногда черты царевича совершенно спутываются с чертами купеческого сына. Так, у замечательного мастера-сказителя, Ильи Семенова, Иван-Царевич в конце концов неожиданно оказывается вместе с тем обладателем купеческой торговли и винной лавки.

Как замечает Б. М. Соколов, в большинстве сказок купец выведен не только как положительный тип, но и как тип идеальный». И, по мнению исследователя, причина лежит «в мелкобуржуазном строе психо-идеологии значительных групп крестьянства, во всяком случае, его зажиточных кулацких слоев и той середняцкой массы, которая в дореволюционное время также достаточно ярко отражала свою мелко-буржуазную природу».³

¹ Н. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии. Сочинения, изд. 2, т. V, стр. 92—93. Статья написана в 1902 г.

² Некоторыми формулировками здесь я обязан В. А. Десницкому.

³ Б. М. Соколов. Русский фольклор..., II, стр. 89. См. также «Сказки и песни Белозерского края». Сказки содержат в себе также бесчисленное доказательство положительного отношения крестьян к купеческому сло-

Давление этой буржуазной идеологии сказалось и на характере крестьянской сказки и на методах ее разработки. На первом плане — усиленный интерес к быту, к формам внешней жизни, к психологии персонажей. Восприняв из иных социальных слоев (и беспрерывно воспринимая в дальнейшем, в частности из книжной литературы) определенный тип волшебной сказки, крестьянские сказители, как уже отмечено раньше, вводят ее в свой быт и кругозор. Их внимание всецело устремлялось в бытовую плоскость, в плоскость бытового осмысления фантастики, и потому естественно, что, вместо четких и ярко выраженных социальных картин и характеристик, создавались и разрабатывались картины и образы психолого-бытового характера. Но в сказках не волшебных, сказках-новеллах, связанных с сюжетами о барах и попах, как уже сказано выше, резко выступают моменты социальные, их социальная направленность достаточно остра и убедительна. И это вполне понятно. Четкую формулировку этого положения мы находим в той же, цитированной уже, статье В. И. Ленина, который показывает, как во всех случаях и отношениях, когда налицо в той или иной форме остатки крепостнического порядка, «врагом его является *крестьянство как целое*». По отношению к нему крестьянство выступает уже как класс, — это отражается и в памятниках фольклора. Позднее такие сказки культивируются главным образом, в наиболее заинтересованной среде — среде бедняцко-батрацкой.

Богатый материал для уяснения путей и методов психологизации волшебной сказки дает творчество одной из лучших представительниц русского сказочного мастерства, сибирской сказительницы, Н. О. Винокуровой. Позволим себе несколько подробнее задержаться на ее творчестве, так как на этом примере особенно четко обнаруживаются пути развития сказки и индивидуальное мастерство сказителя-сказочника.

Сама Винокурова — крестьянка-беднячка, всю жизнь упорно борющаяся с нуждой: принадлежность сказочницы к бедняцкому слою довольно резко отразилась

вию. Звание «куща» или просто «богатого», пользуется значительно большим уважением, чем прозвище «барип» (стр. XXV).

в ее сказках и наложила значительный отпечаток на характер развиваемых ею сцен и образов, — но вывести сказку в новую сферу идеологии, придать ей иной социальный смысл она оказалась не в силах, ибо сама она всецело еще во власти мелкобуржуазной собственнической стихии.

* * *

Для Винокуровой прежде всего характерно некоторое, если можно так сказать, пренебрежение к сказочной обрядности; зачины и концовки, присказки, разнообразные сказочные формулы у нее крайне редки, она не соблюдает обязательного в сказочном каноне закона трехчленности, избегает повторений и т. д. Ей не только чужды методы усложнения фабулы, как это часто встречается у сказителей — и в сибирской сказке, благодаря поселенческой традиции особенно, — но, наоборот, самая фабула обычно ее как будто даже мало интересует. Эпilog, напр., у нее в большинстве случаев короток, скомкан, мало мотивирован. Чувствуется определенное стремление как-нибудь, лишь бы закончить. Таков, напр., путанный и мало мотивированный эпilog в лучшей ее сказке «Колдун и его ученик» (см. № 18).

Это происходит вследствие того, что интересы сказительницы направлены, главным образом, в сторону бытовой и психологической обстановки. Сюжетные линии для нее только канва, необходимая скрепа бытовых и психологических деталей.

Остановимся для анализа на одной из сказок, приведенной в настоящем сборнике, на сказке об орле-царевиче. Возьмем для примера сцену возвращения орла домой со своим покровителем Иваном-купеческим сыном. «Подходит он и начинает милостыню не ради Христа, а ради орла-царевича. А у окошка стояла горнишна — белье гладила. Ну и со всех ног к барыне бросилась. «Што такое, по новой форме милостыню просит». Барыня это дело догадалась, пошла сама к окну. Рассказал он ей все про дело и просит ключи. Она выслушала это дело и говорит: «Хоть сколько я с братом не видалась, но пушай ишо столько не увижусь, а ключи не дам». Ну приходит он к нему, обскаживает: «Што же, тут не удалось, пойдем к другой сестре, в другой город». Ну, короче сказать, тут ему также отка-

зали. Пошли в третий город, к меньшей сестре. Та от всего сердца обрадовалась. «А где же он, орел-царевич?» — «А вот, дай мне эти ключи, и на свиданье тебя ему приведу». Подала она ключи эти. Ну, и потом пришли они с етим с орлом. Стали беседовать, пир у них. Свиданье, значит, у сестры младшей с братом сделалось. Ну, а потом орел-царевич повенчал Иван-купеческого сына со своей сестрой. «А я пойду, — говорит, — свою долю искать». А Ивану-царевичу все двенадцать подвалов препоручил; в них много всякого золота и серебра.

Этот пример чрезвычайно показателен и характерен. Хороший традиционный сказитель, сказитель-классик, прежде всего подробно и обстоятельно, трижды воспроизвел бы в той же форме просьбу милостыни и соответственные ответы сестер, но такого рода эпические повторения для Винокуровой не обязательны и не интересны. Она просто объединила ряд эпизодов формулой «короче сказать», — и эта формула, вообще, очень часто встречается и в других ее сказках.

Точно так же очень коротко и сжато изложен ряд событий: свиданье с сестрой, женитьба Ивана-купеческого сына на сестре орла, поручение ему драгоценных подвалов, уход орла, — все это изображено в нескольких строках, в сущности путем простого перечисления фактов, тогда как бытовой обстановке, подробностям бытового характера, уделено неизмеримо больше внимания. Момент неожиданного появления брата, столкновение любовного чувства сестры со скупостью занимают ее гораздо больше, чем все чисто-сказочные детали женитьбы героя.

Ее интересует не волшеббно-фантастическая сторона, но исключительно бытовая и психологическая. В центре ее внимания — определенный психологический эпизод, неожиданное появление давно пропавшего без вести брата, — и вот она стремится точнее представить, как все это могло произойти. И таким образом зарисовывается яркая жанровая картинка: к окну подходит странник, просящий милостыню, у окошка горничная гладит белье, она пугается необычной «новой формы» милостыни, бросается со всех ног к барыне и т. д.

В дальнейшем продолжении сказки этот художественный метод обозначается еще отчетливее. «А орел-царевич приходит в чужестранный город. В этом городе

жил бессмертный кощей, владел этим городом. И у его была купеческая дочь украдена — держал ее у себя. Несколько времени проживал этот орел-царевич в этом городе и стал гостить к этой кошшейке, как кощей в городе нет. И эта кошшейка стала от него забеременела. И в одно время захватил кощей орла у себя во дворце и снес ему голову. И как кощей уехал, она без его родила. И не знает, куда с ём деться. Все равно кощей его убьет. И удумала она его в дубовый боченок положить. На боченке написала, што не хрещеное чадо, и спустила в море». Какое обилие фактов и никакого художественного воплощения, одно перечисление, какая-то голая регистрация. Но дальше рассказ снова возвращается в бытовую обстановку: находка боченка, воспитание приемыша, игры и ссоры детей и т. д., и сказка снова получает образность и художественную детализацию. Так, на первом плане у Н. О. Винокуровой всегда стремление приблизить сказочную обстановку к реальной действительности.

Замечательно, что и само пребывание орла у кощей почти совершенно лишено фантастического ореола, превратившись в какой-то бытовой адюльтер, — и в связи с этим следует указать, что в ее сказках очень часто наблюдается и пропуск и путаница фантастических моментов, и полное отсутствие канонических вступительных формул фантастического типа: «в некотором царстве, за тридевять земель и т. д.», ее начало всегда реалистично и тотчас вводит в круг действующих лиц и сферу действия. «Вот у царя было три сына; старшего звали...», «жил-был старик со старухой и крайне бедно они жили», «как король жил с женой, и надо ему отлучиться...» и проч. Все это, как и общее невнимание к сказочной обрядности, стоит в связи с тем, что внимание сказительницы всецело поглощено бытовыми и психологическими моментами. Не следует думать, что это слабое выражение сказочной обрядности при наличии углубленного реализма является только личной особенностью Винокуровой. Отнюдь нет, оно встречается, напр., и у замечательного пермского сказочника Ломтева и у других сказателей-реалистов. Очевидно, последовательное развитие и углубление реалистической стороны ведет неизбежно к ослаблению канонических моментов, сохранение же и преобладание фантастики тесно сви-

зано и с сохранением в более полном виде сказочной обрядности.

Психологический уклон Винокуровой с огромной силой проявляется и в композиции ее сказок. У нее совершенно отсутствует многосюжетность, многоэпизодность, и это — особенно в связи с отсутствием повторения — придает ее сказкам некоторую монолитность, цельность и единство.

Она выдвигает на первый план два-три эпизода, задерживается на них и подробно развивает. При чем, эти эпизоды далеко не все являются центральными по их значению в развитии сюжета; в изложении же их внимание сказочницы направлено не на внешнюю мотивировку, не на строгую последовательность фактов, но на мотивировку внутреннего характера, на внутренние пружины действия. И здесь она обнаруживает незаурядные качества психолога-наблюдателя.

Особенно отчетливо проявилось это в сказке «Колдун и его ученик» (наст. сб. № 18). Схема такова: сын старика, попав к колдуну, выучивается разным хитростям. Возвратившись к отцу, он превращается в коня (иногда в птицу) и велит отцу продавать себя, строго наказывая не продавать с уздой (с клеткой), иначе он не сможет снова оборотиться в человека. Два раза продает его старик и два раза тот возвращается обратно. На третий раз отец все же продает его с уздечкой, и он попадает в руки колдуна.

Эта схема одинакова почти во всех вариантах, но причины и обстановка последней купли индивидуализируются сказителями. Обычное объяснение: старик соблазняется большой суммой денег. Напр., у Афанасьева (№ 140, вар. *d*): «продай с уздечкой — надбавлю», говорит купец. В украинских сборниках — покупатель предлагает продавцу столько золота, сколько тот может взять (Чубинский, II, № 102); цыган-покупатель прибавляет на узду пять рублей. Старик соображает: «узда стоит всего тридцать копеек, а он целых пять рублей дает», не может устоять от соблазна и уступает коня с уздечкой (Рудченко, ч. II, № 29), у Афанасьева (вар. *b*) старик просто забывает снять узду; то же у Яворского (№ 36). В Пермском сборнике Зеленина (№ 59) как бы смешиваются два эти мотива вместе: старику надбавили — вместо трехсот рублей дали пятьсот — и он

на радостях забыл снять «абродачку». Иногда купец отбирает узду силой. Так у Чубинского (т. II, №№ 103, 104), у Афанасьева (вар. с). Иногда покупатель обращается за содействием к окружающим, и общественное мнение присуждает уступить вместе с конем и уздечку. Так в основном варианте Афанасьева. «На деда накидываются все барышники». «Так де не водится, продал лошадь — продай и узду». Дед вынужден уступить. Приблизительно так же передается в варианте, напечатанном в «Живой старине» (1895, III—IV). В сказке Ф. И. Аксаментова (сборник Азадовского) колдун-покупатель обращается к полиции — и та заставляет продать с уздечкой.

Наконец, в некоторых вариантах встречается мотив сбиды: записи Садовникова, Афанасьева (вариант с), Вятский сборник Зеленина. Наиболее полно разработан этот мотив в первом сборнике у знаменитого Новопольцева: «Старик ведет сына лесом. На березке каркат ворон. Старик спрашивает сына: «Ты у Оха жил, дак можеш знать, что ворон-то каркат». — Сын отнекивается от ответа, боясь рассердить отца. Тот настаивает. Тогда сын говорит, что ворона предсказывает ему царство. «Ему быть чарем да ноги мыть», а отцу — «ополоски пить». Старику это не понравилось, и он грозится еще раз его продать (Оху он был не просто отдан в ученье, а продан). Затем следуют обычные две продажи. На вырученные деньги живут два года. На третий год старик снова ведет продавать сына, вспоминает старое предсказание и решает продать «с обороткой». «Он мне налил, так я его продам и с обороткой».

В сказке Садовникова эпизод обиды вытесняет эпизоды обертывания и продажи. Старик заставляет сына сказать, что «промеж себя говорят гуси». Сын после отнекиваний рассказывает: «Они вот что говорят: когда мы приедем с тобой домой и будем в горенке во новой, а матушка будет мне на руки поливать, а ты будешь предо мной с полотенцем стоять». Старику эта речь не понравилась, и говорит: «Рази ты, сынок, барин мой, а ништо я — слуга твой?» Тихохочко подобрался, да с божей помощью бултых в Волгу — и говорит: «Вот я и буду с полотенцем для тебя стоять. Да я лучше по мпру буду собирать».

Иначе у Афанасьева (вар. с). Отец, выкупивши сына,

идет с ним домой. Над ним летит стая гусей и что-то громко гогочет. Отец спрашивает, о чем говорят гуси. Сын отговаривается незнанием. Тогда отец, разгневавшись, что сын «столько учился, а ничего не знает», столкнул его с досады в море. Этот мотив обиды делается центральной пружиной рассказа у Винокуровой. Но действие у нее разворачивается не так прямолинейно непосредственно, как в вар. Зеленина или особенно у Садовникова. Развязка подготавливается и разворачивается исподволь. И весь эпизод, несмотря на внешнюю чудесность, приобретает глубокую внутреннюю правдивость и убедительность.

В некоторых вариантах встречаются моменты оьянения старика-отца. Это случайное упоминание разворачивается у Винокуровой в сложную, богатую бытовыми и психологическими подробностями, сцену. Старик уже знает о том предсказании, которое сделали вещицы птицы. Но как будто это не произвело на него никакого впечатления. Наоборот, он успокаивает сына, которому «совестно» было рассказать об этом. «Ну да ничо. Ведь все ето неправда. Мысленно рази тебе царем быть», говорит он Митьке. Но вот на третий день по дороге с сыном (уже обернувшимся в коня) в город, он видит: стоит «кабачок раствореный». Ни разу не бывавший в кабаке старик решаетея зйти. «А что я, мало-мало копейку имею. Зайду, выпью шкалик». Привязывает жеребца, сам заходит. «Ну-ка, целовальник, налей шкалик». Подал целовальник, он выпил. Как ему поглянулось: «Наливай и второй». В голове уж его дурность заходила от этих шкаликов. Долгое время он пробыл в этом кабаку. У пьяного много разговоров наберется. Жеребец начинает уж там сердиться, лапой бьет около кабаку етого — а он ишо выпил, и сделался пьян старик. Приходит из кабаку, отвязывает коня, хлещет, дёргат поводом. «Я тебя захочу, так с уздой седня продам, а то, что ты запачивал, что будешь поги мыть, а я воду пить. — Ну, что же, пьян, так пьян и есь». Приходит на базар, запрашивает «триста рублей без узды». Покупатель начинает просить: «Ну, нельзя ли, дедушка, с уздой». — «А бери, пользуйся». — «Ну, чо же, и продал, пьяный, с уздой» . . .

Таким образом, мы видим, как углубилась и осложнилась мотивировка в передаче Н. О. Винокуровой. В ва-

рианте Вятского сборника причина и следствие даны в виде как бы простого рефлекса. Это — обычная манера сказочного повествования. Определенное действие — и немедленное реагирование на него; всякие промежуточные моменты, оттенки действия отсутствуют. Не то у Винокуровой. Она вводит в рассказ целый ряд промежуточных, последовательных моментов, одни из них только намечает, другие развивает подробно — и в результате на их сплетении строит и развертывает свой рассказ.

Притворное равнодушие отца к услышанному предсказанию, постепенное опьянение, раздражение при виде недовольства сына, ломание и издевательство пьяного над сыном, пьяная похвальба и угроза и, наконец, громкое обнаружение затаенной обиды, завершающееся сознательной уступкой уздечки. Вот тот последовательный ряд ступеней, по которым ведет свое изложение сказительница. Причем действие непрерывно нарастает, и рассказ ведется в неизменно напряженном тоне, — опьянение передается рядом монологических реплик (не диалогом); недовольство и беспокойство сына — путем передачи ряда движений («лапой бьет»), также и раздражение отца («хлещет, дёргат»). И если в вариантах сборников Зеленина и Садовникова эта расправа отца с сыном носила чисто внешний, сказочный характер, то у Винокуровой она делается убедительной и приобретает глубоко правдивый и обоснованный характер. Внешние перипетии сказочного характера становятся подлинно человеческими переживаниями.

Нужно отметить еще одну деталь. Обычно сказители за продажей сына сейчас же забывают об отце. Он появляется вновь на сцену только для того, чтобы было выполнено еще предсказание птиц. Иногда только коротко упоминается об обнищании старика-отца. Винокурова и здесь выделяется из общей традиции. Прежде чем перейти к изложению дальнейшей судьбы проданного сына, она задерживается на настроениях и переживаниях старика-отца. Последовательно воспроизводит она его отрезвление, осознание случившегося, раскаянье, наконец, отчаяние и безуспешные поиски сына. «Вот он покаль по городу ишо бегал, а как хмель-то вышел, он и стрекнулся». «Что-то я наделал. С уздой на что же я продал. Видь, не видать мне топеря сына. На что же

я в этой кабаке зашел, зачем я водку пил». — Ждал, ждал Митьки, на котором месте всегда встречались. Нет Митьки и нет. Целую неделю он и в город бегал, все думал, не встретится ли где. Нет, не встречается. Ну и стал без Митьки жить»... Этот эпизод углубляет драматическую ситуацию сказки и точно вносит последний штрих в очеловечение внешней чудесности.

Умение схватить и передать явление в его внутренней сущности, осветить его психологическими деталями, мы можем проследить в сказке о неверной сестре. Обычная схема: сестра, подговариваемая любовником (разбойником, змеем, волшебником, у Винокуровой — лешим), посылает брата на различные трудные предприятия, где тот неминуемо должен погибнуть. С помощью чудесных зверей брат благополучно одолевает все препятствия, убивает ее любовника и придумывает наказание для сестры. Форма этого наказания в общем довольно однообразно повторяется во всех вариантах.

В Красноярском сборнике (№ 29) — брат приковывает сестру к столбу и ставит кадучку в пять ведер. «Наполнишь когда ее, эту кадочку слезами, тогда я тебе поверю». Так же в сборниках Раздольского (№ 36) и Зелепина (Вятский сборник, № 6) — только в последней сказке наказание имеет некоторые извращения жестокие подробности: сестра подвешивается «к матице кверху ногами».¹ Несколько иначе у Афанасьева (№ 118, вар. с): «Иван-царевич посадил сестру на каменный столб, возле положил вязанку сена да два чана поставил: один с водой, другой порожний. Эту воду выпьешь, это сено съешь, да наплачешь полон чан слез, тогда бог тебя простит, а я прощу». Эта же форма наказания встречается в осложненном виде. Ставятся две кадки, два чана, которые сестра-изменница должна наполнить слезами: одну по брате, другую — по любов-

¹ Другие формы наказания: застрелил сестру (Перм. сб. № 41); ослепил (№ 5); отрубил голову (Афанасьев, III, 118 вар. в); привязал голову к дереву (*ibid.*, основной вариант); сестру разрывают на части звери (Чубинский, II, № 50); заклеывают птицы (Афанасьев, II, № 118, вар. d) «вывез в темный лес, подвесил ее за лесину вверх ногами, нажег жару и подставил ей под голову» (Садовников, № 11).

нике. Иногда это осложняется мотивом выбора. В сборнике Яворского (№ 30, где неверную сестру заменяет жена) муж ставит для испытания два ушата. Один из них — порожний, другой — с угольями. Если она раскаивается, то должна наполнить первый слезами; если же еще тоскует по дьяволе (любовнике своем), должна съесть уголья. На утро оказалось, что она ничего не наплакала, а, наоборот, «съела все уголья дочиста». Тогда муж велел своим собакам разорвать ее и выбросить в овраг к дьяволу. Также приблизительно построена сказка у Чубинского (т. II, № 48). Афанасьев в примечаниях приводит интересный вариант из Буковины: «доброй молодец вырывает три ямы: в две ямы устанавливает по бочке, а в третью закапывает свою сестру по пояс. «У тебя, говорит, дурное сердце, и тебе нужно раскаться. Направо бочка пусть будет моя, налево — змеиная; мне хочется видеть, какую из них ты скорее наполнишь слезами. Вслед затем он ушел странствовать по свету и воротился через год. Левая бочка была полна слез, правая оставалась пустой. Тогда брат закопал злую сестру совсем в землю с головой».¹

Сказка Н. О. Винокуровой примыкает по замыслу к приведенным последним редакциям. Но она выгодно отличается от всех их (превосходит их) силою и яркостью изображения.

Брат приводит сестру к тому месту, где он расправился с ее милым (лешим): «Вот где твой милый». Она плакала, плакала, пепел рыла, рыла, и клык нашла, этот клык схватила, к сердцу прижала, воеет об им, об лешево клыку». Тогда брат устанавливает два столба между ними подвешивает ящик — и садит туда сестру. Около нее ставит две бочки. «Вот», говорит: «бочку наплачь обо мне и бочку наплачь об етим лешем, тогда опущу тебя. Об ком же ты напереть плакать будишь: обо мне или вот о клыке?» — «Нет, братец, напереть о клыке буду плакать, потом об тебе». Таким образом, в сказке Винокуровой опять-таки повторена готовая сюжетная схема, но эта схема получила у нее живую человеческую окраску — ей сообщено движение, жизнь. Вместо застывшего образа сестры-изменницы встает

¹ Афанасьев, т. III, стр. 95, изд. 1914 г.

Храбрый рыцарь Франциль.

живой и сильный образ охваченной страстью и горем женщины. В этом, ярко зарисованном моменте отчаянья, когда она прижимает к сердцу клык милого, обливая его слезами, в этом гордом и правдивом признании чувствуется уже не «марионеточная фигура» эпоса, но живой образ любящего и страдающего человека.

Едва ли, конечно, здесь может идти речь о сознательном расчете. Но здесь сказался и обнаружился тот художественный инстинкт, который, при других условиях, в другой культурной среде, позволил бы ей развернуться в огромного художника-повествователя, и далеко не случайно, что внуком одной из таких сказительниц явился Максим Горький, и недаром в творчестве его так остро чувствуется струя фольклора.

* * *

На этом же пути идет и обогащение — и вместе с тем некоторое переформирование сказочной поэтики. Возникают новые моменты, которых не знала старая сказка. Усиленное внимание к быту, ко всему окружающему, интерес к человеческой личности заставляют раздвигать старые формы и вносить новые элементы. Появляются неизвестные старой сказке рисунок портрета, пейзаж, изображение жеста, человеческих движений и т. п. И здесь сказка идет, в сущности, тем же путем, каким шло вообще развитие литературы. Роман также шел от схематической цепи событий и нагромождений приключений к острому и разностороннему постижению жизни и человека, все время вырабатывая новые пути и средства изображения.

Но, конечно, не все изобразительные средства, которыми пользуется художественная литература, нашли свое место в поэтике сказки. Сказка отличается от любого художественного произведения тем, что она обязательно исполняется, сказочник — не только мастер-художник, но и мастер-рассказчик, мастер-исполнитель, и это, в значительной степени, определяет художественный метод сказки. К сожалению, и в этой области у нас мало материала. В имеющихся сборниках мы не находим почти никаких указаний на манеру сказа и на связь его

с характером сюжета и вообще сказкой. Очень мало материала и по вопросу о взаимоотношении рассказчика и слушателя. Для всего этого нужны еще дополнительные наблюдения и исследования.

Позволю себе привести несколько выписок из своего дневника, веденного мною в Тункинском крае, где я собирал сказки (летом 1927 г.). Там мне удалось познакомиться с великолепнейшим мастером-сказочником Д. В. Асламовым, который по богатству репертуара и умению рассказывать, несомненно, войдет впоследствии в ряды наших лучших сказителей. Мне приходилось слышать от него сказки и один-на-один, и в небольшой тесной группе, и в большой аудитории. Как мастер-исполнитель, он особенно разворачивается, когда перед ним много слушателей. «Рассказчик он превосходный. Он то повышает, то понижает голос, делает паузы, играет и жестикулирует. Он рассказывал Фомку-вора: когда Фомка-вор появляется перед слугами, переодетый губернатором, он кричит, топает ногами, хмурит брови. Когда выясняется безнадежная глупость губернатора и окружающие разъясняют ему ее, сказочник придает своему голосу увещательные и внушительные интонации. Отдельные подвиги и похождения он отмечает восклицаниями и вопросами: Ага! Хорошо! Ловко! Вот как! Ловко сделано!» и т. д. Или наоборот замечаниями: «Вот дурак-то!» «Ну чо же, смекалки-то не хватает!» Рассказывая, он все время находится в движении: обочачивается то в одну, то в другую сторону, иногда приподнимается с места, руками обозначает размеры, если приходится, например, говорить о величине, росте, вообще, размерах чего-нибудь или кого-нибудь. Настроение и восторг слушателей передаются и ему и, особенно, когда аудитория не может сдержать смеха, он увлекательно и заразительно хохочет вместе с ними, прерывая рассказ. Необычайно подвижно и его лицо. Морщины его то собираются, то разглаживаются, брови насупливаются, когда речь идет о суровых и печальных фактах; с появлением же в рассказе сентиментальных и идеалистических сцен на его лице появляется улыбка. В торжественных и патетических местах он приподнимается, лицо становится суровым, поднимает руку и грозит пальцем».

«Как рассказчик Асламов — полная противополож-

ность Егору Ивановичу.¹ Тот рассказывает спокойно, плавно, в несколько приподнято торжественном тоне, но в общем эпически спокойно. Он спокойно сидит на месте, спокойно его лицо, и только голос модулирует, подчеркивая различный характер разворачивающихся событий. Особенно резко различие между ними и Асламовым в комических пассажах. Асламов весь живет, увлекается сам, поддается заражающему хохоту аудитории и в свою очередь сам увлекательно хохочет, Егор Иванович остается спокойным и только слегка улыбается в ответ на восторг аудитории». Такого же типа енисейский сказочник Зыков, изученный молодым сибирским собирателем, И. Г. Ростовцевым. «Многолетняя практика выработала у него опытность и спокойную уверенность. Он не волнуется, не заминается и не останавливается, подыскивая слова. Не вскакивает с места и не бегаёт по избе, как народные актеры. Рассказывая, он неподвижно сидит на лавке, сочно сплевывая и перебирая кисет с табаком. Только в патетических местах делает несколько энергичных жестов». ² К типу спокойных рассказчиц принадлежит и Винокурова.

Вполне понятна связь между исполнительским материалом и поэтикой. Так, сказка почти не знает ремарок. Это естественно. В них нет надобности, так как сказочник дополняет рассказ игрой. Он — не писатель, но рассказчик, он не только передает сюжет, не только воспроизводит словом тот или иной эпизод, но он живописует его собственным жестом, мимикой, игрой лица. Иногда жест и мимика получают такое значение, что являются доминирующими в передаче рассказа, и происходит как бы некоторая театрализация рассказа.

Собирательница сказки на севере, И. В. Карнаухова так описывает манеру одного из сказителей: «Он настолько детально и обильно изображает все то, что он говорит, что уже не жесты его являются иллюстрацией к рассказу, а рассказ является простым пояснением, подписью к его изображению». ³

¹ Егор Иванович Сороковиков — тункинский сказочник. См. в наст. сб. №№ 36—38.

² Сказки из разных мест Сибири... стр. 53.

³ И. В. Карнаухова. Наблюдения над исполнителем народной сказки. Печатается в журнале «Художественная литература».

Чем больше идут сказочники по пути психологизации, тем сильнее проявляются у них и эти элементы. Это опять-таки очень наглядно — в сказках Винокуровой. У нее очень часто встречается и несет самостоятельное значение жест. Диалог у нее сопровождается описанием движений и мимики, и часто в нем можно уже видеть высокую степень мастерства — одним только движением или жестом характеризуется какое-нибудь подчас сложное переживание героя. Возьмем ту же сказку об орле-царевиче. Иван-купеческий сын обещает кормить орла: «в сутки по барану». Приносит отцу, обсказывает все. Отец помолчал. «Ето. говорит, дорого». В той же сказке: герой в своих скитаниях дошел до того, что ему уже нечего есть и «ни купить, ни нанять ничего нельзя». У него остается только один заплесневелый сухарик. Он решил помочить его в воде и съесть. Но этот кусок вырывает у него рыба. «Он упрекнул рыбу за то, что она у него, у прохожего, «остальной кусочек» взяла, «плечом пожал и пошел дальше». Можно также напомнить сцену в сказке «Колдун и ученик», где настроения отца и сына удачно подчеркивается изображением движений: жеребец (сын старика) *начинает сердиться, лапой бьет*, — пьяный же старик, у которого в хмелю вышел наружу скрытый до того гнев, *хлещет коня, дергает поводом и т. д.* Наконец, в разобранном выше варианте сказки «Брат и сестра» (в винокуровской же редакции) жестами и движениями воссоздается яркая и отчетливая картина сложных переживаний героини. Аналогичные зарисовки находим у Ломтева, Кошкарлова (Антоня Широшника) и других сказочников, в творчестве которых сильна психологическая струя.

Обычно очень мало развит и рисунок портрета. Портрет в сказке, по большей части, носит черты идеализованные, не реальные. «Был у них взгляд ясного сокола, брови у них были черного соболя. Личико было белое и щочки у них алые...» Или же передается описательно: «ни в сказке сказать ни пером описать». Отдельные же реалистические черты каких-нибудь персонажей воспроизводятся, вернее — поясняются, движениями и мимикой рассказчика. Но иногда уже — особенно в позднейших

ственный фольклор», VI—VII; цит. по книге Б. М. Сололова «Русский фольклор», II, стр. 35—36.

Рыцарь Гуак.

записях — можно найти и четкий словесный рисунок. У Винокуровой: «неоткуль прибегает к нему мальчик, в коротеньком сертучке и чорненская фуражка». Необычайное мастерство изобразительности — в сказках Антона Широшника: «Женщина она (жена великого князя Константина Павловича) жирная, здоровая была: грудь это у ней, задок — так ходуном и ходит». Или возьмите портретный рисунок дочери графа Воронцова: «он глядит — тут кудри, пудры, румяна, белила, духами такими-то заграничными несет, глазки ему так и эдак щурит...»

Иногда удается как бы подглядеть, как происходит в процессе рассказывания развитие и обогащение основных элементов сказочной поэтики. Здесь несомненно, не малую роль играет и обратное влияние аудитории. Чуткость ее, взаимодействие с ней, ее прямые вопросы и указания. Превосходный, методически ценный, пример находим в сборнике украинских сказок, собранных О. Раздольским. При рассказывании сказки о верной жене, во время эпизода с переодеванием в мужское платье, один из присутствующих заметил: «А вуса мала?» (т. е. а усы были?), на что сказочник, ни на минуту не задумавшись, сейчас же ответил: «Помастила помадой пару рази, та й виросли йак йжови». ¹ Очень возможно, что при следующих передачах этой сказки сказитель уже сам отмечал это наличие усов и мазанье помадой.

Сравнительно мало развиты в сказке пейзажи, образы природы. В традиционной поэтике сказки пейзаж играет самую незначительную роль и обычно бывает едва только намечен. Некоторые исследователи отмечают даже, что «описания природы совершенно чужды народной поэзии», так думал, напр., Е. Аничков. Более глубокими и верными представляются наблюдения Е. Н. Елеонской. «Пейзаж в сказке, — пишет она, — занимает вообще мало места; ему уделяется внимание лишь тогда, когда им обусловлено действие, развивающееся в сказке, поэтому две-три резкие черты бывают достаточны, чтобы определить внешние условия событий. Эти черты обычно

¹ Галицькі народні новелі. Зібрав Осип Роздольський. У Львові, 1900. Етнографічний Збірник, т. VIII, стр. 6.

одни и те же, установившиеся, застывшие (крутая гора, дремучий лес, синее море и т. д.).¹

Но расширение и углубление сказочных тем и интересов, более пристальное внимание к окружающему, расширение кругозора сказителей, а также, отчасти, и книжные влияния оказывают свое воздействие и в этой сфере. В более поздних и современных нам записях мы встречаем уже большую детализацию в отдельных чертах природы и порой даже более или менее разработанные картины. Большим мастером-пейзажистом является Антон Широшник, который вводит в сказку уже такие подробности, которых совершенно не знала старая сказка и старые сказители. Рассказывая о том, как мамка Любава подбросила сына своей хозяйки в монастырь, он добавляет: «луна была ущербная». В сказке о Марье-Царевне он с такими подробностями зарисовывает сцену купанья девиц: «был уж полдень, солнце палящее изливало такой зной, такая тошнота, што невозможно было дышать... Ну была тишина, ничего не было видно ниоткуда и никакого разговора не слышно»...

С большой изобразительной силой описывает Винокурова (в сказке о Марке богатом) старый дуб: «вот стоит дуб, качается-мается. Нагнется, наклонится, без утыша качается». Наконец, у ней в сказке о верной жене (наст. сб. Приложения) зарисовывается картина весенней природы: «подошел май месяц, зацвели цветы в садах, пошли они с ей розгуливатца. Вот он в саду гулял, гулял, да вздохнул чижоло. Она к ему и пристала: «Что же это ты вздохнул в недовольствии? чем ты недоволен?» Ну он: «да так себе тамо-как». А потом и говорит: «вот што-душечка, как я был холостой, в его время всегда налаживал корабли и плову. А сейчас мне и скушно стало». Здесь уже картина природы поставлена в связь с непосредственными переживаниями героев.

Вполне естественно, что при этом художественном реалистическом методе особенно развивается в сказке жанр, понимая этот термин в смысле бытовой картины. Примеров таких жанровых сцен было приведено не мало выше. Личное начало здесь, пожалуй, более всего ощу-

¹ Е. Н. Е л е о н с к а я. Великорусские сказки Пермской губ. Влияние местности на сказку. Этн. Об. 1915, I—II, стр. 39.

тимо, так как наиболее полно и богато разрабатывается то, что лучше всего знакомо и близко сказителю. Ломтев любит переносить действие в купеческую среду и подробно рисует хорошо знакомые ему картины купеческого быта. Аксаментов тщательно задерживается на подробностях казарменного обихода и ритуале солдатской службы; Винокурова дает четкие жанровые сценки из быта притрактовой сибирской деревни и т. д. Многие сказители любят тщательно воспроизводить картины кабацкого обихода, плясок, трактирных гулянок. Такие яркие зарисованные сцены мы встречаем у Новопольцева, Аксаментова, Широшника, отчасти даже у «классика» Семёнова и пр. Музыка и песня встречаются также и у Винокуровой, но в другом колорите. Сама Винокурова — очень музыкальна, очень любит песню, и это нашло богатое отражение и воплощение в ее сказках. Игрой на скрипке пленяет Кашея переодетый девушкой сын орла-царевича. В сказке о жене-оборотне «на вечер» завели «тонкую, тихую музыку», потом заводят «тонкие, нежные песни». С большим размахом и поэтическим воодушевлением воспроизводит она игру колдуна:

«Во дворце у царя «собрался вечер». «Подпили, подзакусили, пошли у их танцы-музыка. Потом слышат: кто-то простой деревенской балалайкой под окном играет. Послали денщика посмотреть: пришел, объяснил: кто-то новой музыкой играет. Прислухались они — им музыка пондравилась. «Ну-ка, зови в избу». Зазвали его. Кто смеялся над его музыкой, кто плакал, кто утешался, плясал. Показалась им антиресной эта музыка».¹

Индивидуальная стихия и связанная с ней творческая переработка сказки вызывают значительные изменения и в ее словесной ткани, в развитии и в характере диалога. Интересные, хотя и в приподнятом эстетизирующем тоне, замечания по этому вопросу — в статье А. М. Смирнова-Кутачевского. На богато подобран-

¹ Для сравнения приведем этот эпизод в редакции афанасьевского сборника: «Учитель... взял к себе гусли звончатые, идет по улице, разыгрывает. Марфида-царевна и говорит царю: «Нельзя ли, батюшка, позвать его к нам». Царь велел позвать. Вот один раз был, на гуслих играл, царевну с царем потешал, и в другой и в третий был. Спрашивает его царь: «Чем тебя наградить?» и т. д.

ном материале он вскрывает, как в сказке творится слово и каждый раз плетется новый словесный узор. «В сказке слову дана полная свобода. Нигде нет такого плетения словесного узора, как здесь; нигде не найдем такого непринужденного звукового перелива, такой живой, быстрой игры словом, как в сказке... В каждом новом рассказе, в каждом повторении рассказчик бессознательно стремится знакомую тему развернуть в новом словесном материале. Чтобы сказочная история была увлекательнее, само слово, в котором она преподносится, должно быть интереснее... Каждый рассказчик, в меру своих дарований, обнаруживает здесь и свой словесный запас, и особенности в словосочетаниях, а вместе и бессознательные попытки создания новых слов».¹

Тексты некоторых сказочников представляют огромные собрания таких новых слов, словосочетаний, созвучий. Н. О. Винокурова, в ответ на мой вопрос о значении и распространенности какого-то неизвестного мне слова, сказала как-то: «А кто его знает. Так *на разу доспелось*», т. е. сразу, само собой, создалось и сказалось. Таких «на разу доспетых слов» много в ее сказках.

Немецкий исследователь Löwis-of-Ménar в последней своей работе обратил внимание на особенное значение в русской сказке диалога. По мнению исследователя, в этой диалогической форме — наиболее существенное различие между художественной структурой русской и западно-европейской сказки.² Но едва ли всегда диалог был характернейшим отличием русской сказки. Древнейшие записи, по большей части, дают преобладание сказа, а не диалога. И в поздних записях, в сказках «классических», т. е. волшебнo-фантастических, с богато выдержанной сказочной обрядностью, еще очень сильна сказовая стихия. Примером могут служить: сказки Чупрова, отчасти Семенова, та единственная сказка, которая записана у замечательной сказительницы-классика, Тараевой; сказ преобладает и в некоторых сказках Новопольцева.

¹ А. М. Смирнов-Кутачевский. Творчество слова в народной сказке. «Художественный фольклор», II, М. 1927, стр. 71—72.

² Russische Volksmärchen, übersetzt und eingeleitet von A. Löwis-of-Ménar. Jena, 1921.

Заметную и значительную эволюцию прodelывает и диалог. Обычно диалогическая речь в сказке — схематична. Все действующие лица говорят одним и тем же языком, связь речи и характера отсутствует. Но у отдельных сказочников мы можем наблюдать попытки овладеть характером чужой речи и индивидуализировать ее. Одним из таких сказочников является Аксаментов, у которого уже довольно отчетливо видно стремление уловить для каждого персонажа его особую манеру разговора и оттенками речи передать их настроения. Речи солдата в его передаче резко отличаются от речевой манеры графских или королевских дочерей, в особенности в специфических солдатских сказках: в речи представителей социальных верхов преобладают «вежливые» формы обращения («вы» вм. обычного «ты»), уменьшительные и ласкательные формы, стремление к «городскому» выговору («что», «конечно» и т. п.). Речь солдата индивидуализируется в зависимости от его роли и положения. В обращении к дочери французского короля, когда он приходит к ней под видом принца (№ 23), чувствуется определенное стремление подражать «вежливой» манере речи: «Нет, не гля чего (огонь зажигать)... А то, за чем вы меня пригласили, за тем я и пришел»... «Что же, душечка, мне теперь нужно уезжать»... и т. д. Его тон меняется, когда он говорит с той же царевной, но уже чувствуя себя победителем. «Да он — принец, да дурак!» В разговоре с государем или великим князем речь солдата носит типично-казенный характер со всевозможными: «точно так», «слушаюсь», «виноват» и проч.

В сказке о деревянном орле он с большим искусством воспроизводит групповой диалог: «Вот оне, значит, пошли и между собой дорогою говорят: «вот, братцы, теперя зайдем в кабак, опохмелимся и подем свое ремесло важный исполнять». Вот оне заходят в кабак: первый берет бутылку — выпили; потом берет второй другую: «давай ишшо выпьем». Третий, как орельщик: «и моя ложка не шшербатая — и мне бутылку надо вжать».

Особенно остры и типичны диалоги в сказках узкобытовых: в сказках о попах, о барах, о цыганах, в разнобразных сказках-анекдотах. Примером могут служить соответственные сказки Новопольцева (№№ 6 и 7), хотя в сказках волшебных его диалог сравнительно мало индивидуализирован. Наконец, есть сказки, которые можно

назвать чисто диалогическими, в которых нет никакого действия и все сводится к какому-нибудь остро переданному диалогу: споры мужа с женой, ссора женщин. Влезающим примером может служить сказка о рябке, записанная на Урале от крестьянки М. И. Вдовкиной.

Весьма значительно на диалоге и всей структуре сказки сказывается книжное влияние. Огромная роль книги в развитии устного творчества еще не изучена со сколько-нибудь достаточной полнотой. Принято думать, что лучшие сказочники — всегда неграмотны; что вообще грамотность и книжная культура являются разрушающими факторами в жизни сказки и устного творчества в целом. Все подобные утверждения очень мало проверены и в значительной степени покоятся на априорных и традиционных воззрениях на сущность «народной словесности».

Внимательные изучения последних лет — в особенности работы Наумана и Иона Майера в Германии — обнаружили как раз обратное явление. Выясняется, что устное творчество непрерывно опирается на книгу, находя в ней новые творческие источники. Очень многие из памятников современного фольклора являются, так сказать, вторичным образованием, памятником, занесенным в устно-народную среду и закрепленным в ней книжными источниками. Так, целый ряд записей сказки о золотой рыбке является уже отражением не непосредственно устной традиции, но пушкинской сказки. Сильно повлиял пушкинский текст и на сказку о чудесном сыне (сюжет «Царя Салтана»). Целый ряд разнообразных литературных памятников вошел в народную среду посредством лубочной литературы, в необозримом репертуаре которой встречаются и рыцарские романы, и сентиментально-мещанские повести, и классики, и те же произведения устного творчества, которые, таким образом, вторично попадают в свою среду, но в измененном виде и в новой формации.

Также необходимо пересмотреть и традиционные воззрения на соотношение грамотности и сказительства. Считается, что хороший сказочник обязательно неграмотен, что знание грамоты заставляет уже порывать со сказкой и т. п. Это все еще реминисценции прежних романтических и народнических представлений о сущности устно-поэтического творчества. Между тем, специальная иссле-

дованше обнаруживает, что среди выдающихся сказочников очень многие являются грамотными. Неграмотные сказители очень часто перенимают свои сказки от грамотных. В Тунке мне пришлось встретить замечательных сказочников: брата и сестру. Оба были неграмотны, но их репертуар и искусство унаследованы ими от матери, которая была очень хорошо грамотна и происходила из духовного звания.

Очень часто утверждают, что грамотность и книжность уродуют стиль сказки. Обычно приводят, в качестве примера стиля грамотных сказителей, сказки белозерского сказочника, Ершова. Вот отрывок, цитируемый Б. и Ю. Соколовыми и А. И. Никифоровым: «Когда минул уже восьмой час, прислуга вся быстро начала справлять государю утренний чай, и в эту минуту Зеленый дал знаками прислуге, чтоб доложили государю позволение войти ему в комнату. Прислуга постаралась передать такой вопрос поскорее, так как их удивляло самих в таком вопросе. Государь, получивши от прислуги объяснение, немедля время приказал войти ему в его чайную комнату. И вот паш Зеленый входит в комнату, и он вежливостью своих ручных знаков подал им на тарелке два румяных яблока, которые он в течение ночи приготовил в его застарелом саду. Этому вопросу государь был очень рад» и т. д.

Но этот пример очень односторонен; он типичен только для очень ограниченного числа случаев. Это, так сказать, пример еще неусвоенного, не отстоявшегося книжного влияния, пример «полукультуры», как всегда, проявившейся и здесь в уродливой форме. Но такое явление вовсе не обязательно для всех сказочников, прикоснувшихся в той или иной мере к грамоте и книге. У некоторых сказочников грамотность и чтение книг не является резко осязуемым в структуре их сказок, и знакомство такого сказочника с грамотой устанавливается только биографическим путем (пример — Аксаментов), у других же грамотность и книжное чтение заметно отражаются и в их манере, и в словарном запасе, и в системе организации речи: обилие «книжных», иностранных и специальных слов и терминов; книжные, не свойственные крестьянской речи, выражения и формы диалога и т. п.

Сказителей-сказочников, в текстах которых опреде-

ленно обнаруживается эта книжная стихия и связанная с этим деформация стиля, можно назвать сказочниками-книжниками. В настоящем сборнике к ним принадлежат Антон Чирешник и Е. И. Сороковиков. Вообще же в пределах стиля таких «книжников» можно наблюдать целый ряд промежуточных форм или ступеней, от уродливой формы Ершова до органического усвоения в сказках только что названных Чирешника или Сороковикова.

* * *

Все эти факты и материалы дают полную возможность утверждать, что сказка — ни в коем случае не архаика, но крепко и прочно связана со всеми процессами жизни и современности. Поэтому необходимо поставить и особо выделить важнейший вопрос — о тех формах, в каких отразилось в сказке и ее поэтике влияние революции и тех социальных сдвигов, которые пережили разнообразные слои населения, в особенности крестьянские.

К сожалению, дать сколько-нибудь полный, исчерпывающий ответ на этот вопрос очень трудно. В нашем распоряжении еще слишком мало материалов. Некоторые исследователи полагают даже, что эта задача «пока еще преждевременна». «Чтобы на сказке отразилось это влияние основательно, нужно, чтобы новые начала жизни глубоко внедрили в массовый народный быт».¹ Это, конечно, не так, — тем более, что есть основания предполагать, что с дальнейшим укреплением этих «новых начал» сказка, вообще, утратит свое значение, и ее бытование постепенно будет сходиться на нет. Поэтому нужно стремиться теперь же учесть все те изменения, которые уже в настоящее время в той или иной форме отразились на сказке. А. И. Никифоров правильно указывает, что наиболее модернизованную форму сказки мы в праве ждать из центральных частей СССР, по как раз оттуда почти совершенно нет материалов. Новые сказочные тексты в послереволюционную эпоху поступали, главным образом, из Сибири и северных районов Союза, а там

¹ «Русские народные сказки». Составила О. И. Капцова. Вступительная статья А. И. Никифорова. Гиз, 1930, стр. 54.

эти изменения заделали только отдельные части сказки, не преобразовав ее целиком.¹

Во всяком случае среди сказочных материалов последних лет мы не имеем ни одной цельной сказки, органически связанной с революционными мотивами. Мы не имеем пока еще ни новых сюжетов, ни резкой переделки старых текстов. Правда, Ю. М. Соколов в статье «Что поет и рассказывает деревня», приводит весьма остроумный и оригинально разработанный текст сказки о красноармейце Курослепове, устроившем на том свете исполком, — но эту сказку нельзя причислить к общему типу фольклорных памятников, так как она «сделана» местным талантливым писателем-краеведом, Шергиным,² и у нас нет никаких сведений, что эта сказка принята и усвоена в крестьянской среде. Иногда в печати проскальзывают сведения о разного рода «новых сказках», но это очень редко удается проверить. Б. М. Соколов сообщает о существовании вологодской сказки о Ленине, однако самого текста исследователь в руках не имел.³ В той же статье, где приведена сказка о Курослепове, сообщается о сказке, где бродячий сюжет о недалеком муже и ловком солдате, открывающем ему глаза на проделки жены и любовника, сплелся с именами бывшего царя, его жены и Распутина.⁴ — но опять-таки сам текст не опубликован ни в самой статье, ни позже, хотя с тех пор уже прошло более пяти лет.

Пожалуй, наиболее интересна сказка, записанная одной из участниц студенческой саратовской экспедиции в 1926 году. Сюжет сказки — известен и широко распространен: золотая утка (см. в настоящем сборнике № 11). Но в ней старые элементы сказки тесно сплетены с элементами нового мировоззрения. Так, когда мужик встречается с баринком, и последний просит показать ему чудесную птичку, мужик сейчас же отдает ее. «Тогда барину никакого отказа не было», замечает рассказчик. Во время скитания детей «помер царь у нас в Расее»... «И вот Коля говорит Ване: «Я, брат, пойду на перемы-

¹ Ibid., стр. 55.

² Ю. М. Соколов. Что поет и рассказывает деревня. «Жизнь», 1924, № 1, стр. 294.

³ Ю. М. Соколов. Русский фольклор, II, стр. 104.

⁴ Ю. М. Соколов, названная статья, стр. 292.

боры царя». Когда Колю, согласно сюжетному канону, выбрали царем, он «наградил крестьян землею, а голод уничтожил. И вот когда он начал крестьян дарить землею, господа стали жаловаться на царя. И вот у них стал каждый год третий процент убавляться хозяйства»... Наконец, родители присылают царю письмо: «Совсем мы отказываемся от земли и хотим жить крестьянством (это буржуазия, отец!)». Тогда царь требует отца к себе и открывает им свое происхождение. Рассказчик — сельский школьный сторож, слышавший эту сказку в военных казармах в г. Ульяновске.¹ Этот пример, повторяем, один из наиболее интересных, но и здесь еще нет органической переработки старого сюжета; в ней еще только, как правильно заметил автор цитируемой статьи, «сквозь старые сказочные трафареты *проступает* новая жизнь».

Гораздо сильнее отразилась революционная современность в легенде. Соответственные материалы приведены в только что названных работах, а также в упомянутой выше статье А. И. Никифорова.²

Как указывает Б. М. Соколов, большая часть этих легенд вышла из слоев кулацких, «классово-враждебных пролетариату города и беднячеству деревни». «Воображение таких социальных слоев привело к возрождению легенд о конце мира. Большевик в таких легендах превратился в антихриста, красная звезда — в антихристову печать и т. д. Точно так же серию мистико-эсхатологических легенд породила эпоха голода 1920—1921 гг.»³

Но в отдельных деталях: в зачинах, концовках, в тех или иных бытовых чертах сказки, эта революционная современность проявляется порой довольно остро. Воронежский сказитель Трухачев изобрел такую присказку: «В восемнадцатом году начал белый войну на матушку на Москву. Ленин думать да гадать красну армию на-

¹ А. Н. Лозанова. Отражение Октябрьской революции в устно-поэтическом творчестве. Нижнее Поволжье, 1927, № 10, стр. 234—235.

² См. также: Г. Виноградов. Этнография и современность («Сибирская живая старина», вып. I, 1923); М. Азадовский. Беседы собирателя. Иркутск. 1925.

³ Б. М. Соколов. Русский фольклор, II, стр. 103.

брать, усеx белых потоптать». Сибирский сказитель Тугаринов в традиционную кондовку «стали жить-поживать-торговать», прибавл: «покаль советская власть не пришла». Иногда это веяние современности дает себя знать в различных оговорках, личных вставках и т. п. «Крестьяне, — замечает А. И. Никифоров, — несколько ко-леблются употреблять в качестве героев столь необходи-мых сказке царей и царевичей; а иногда вносят и чер-точки иронии к царям, иногда в сказке проскользнут мелочи нового быта: милиция вместо полиции, русская горь-кая и т. п.».¹ К сожалению, приходится еще раз по-вторить, все эти сведения и материалы крайне малочи-сленны и случайны.

Более решительно сказалась революционная стихия на общем духе, на основных настроениях сказки. Для су-ждения об этой стороне дела найдется, пожалуй, более материалов. Так, несомненно, сюда нужно отнести за-остренность и подчеркнутость социальных мотивов, ко-торые мы встречаем в современных записях. В нашем сборнике эту революционную стихию отражает со-циально-заостренная сказка С. И. Скобелина и в еще большей степени сказки Антона Чиропника, с его едкими замечаниями и инвективами по поводу монахов, великих князей и прочих особ царской фамилии, включая сюда и самих царей.

* * *

Социальный состав русских сказочников, конечно, очень разнообразен. По свидетельству И. В. Карнауковой, на севере каждая бенщина знает сказки. А. И. Ники-форов во время двух своих собирательских поездок по Онеге и Пинеге в короткий срок записал около 600 тек-стов от 150 лиц. Ясно, что сюда входит почти все крестьян-ство в целом, все его слои. Но творческое бытие и сказки поддерживается не случайными рассказчиками, знающими одну-две сказки; не они дают ей тон. Тон этот

¹ А. И. Н и к и ф о р о в. Назв. ст., стр. 54. О. Б р и к сообщает о такой присказке: «В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы жи-вем, жил-был царь-миротворец, а за ним виноторговец») (О. Б р и к. Барин, поп и кулак. Народные сказки. Гиз, 1920). Но эта присказка также не документирована.

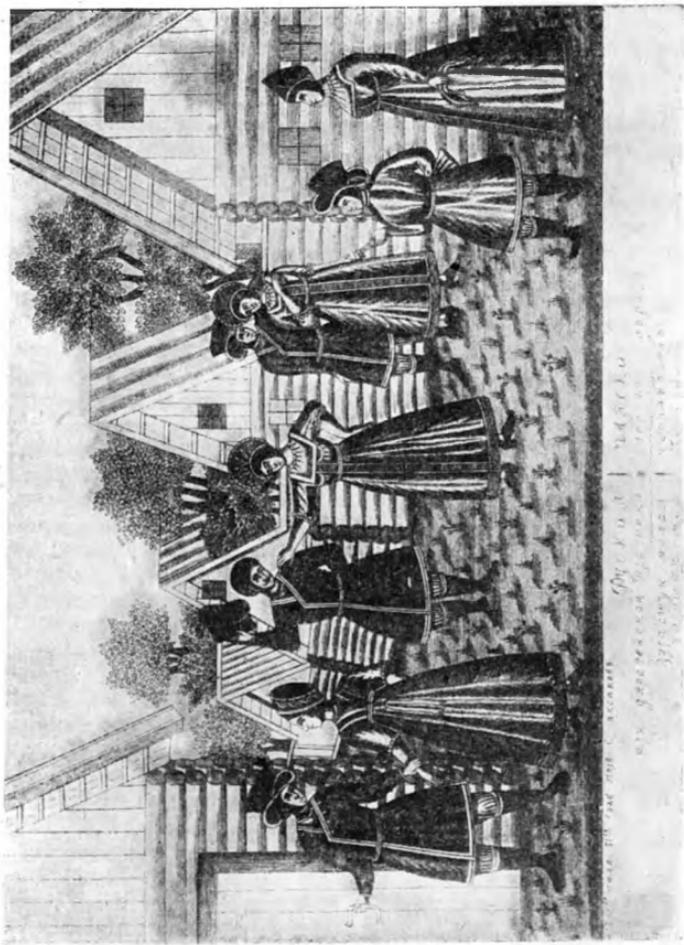
создается основными носителями сказочного мастерства, которые и составляют руководящую группу в каждой местности. К ним прислушиваются, у них учатся и перенимают, от них сказка расходится по периферии, — и именно их сказки после рассказывают в узком кругу случайные сказители, со случайным и ограниченным репертуаром. Это своего рода создатели и руководители школ.

Конечно, в среде выдающихся сказителей также представлены различные его слои. Так, мы уже отмечали, что видное место среди сказителей занимали мельники, иногда содержатели постоянных дворов; но в общем данные наших сборников позволяют констатировать, что подавляющее большинство лучших мастеров принадлежит к беднейшим слоям крестьянства.

Самые замечательные сказочники Белозерского края — Илья Семенов, Парамон Богданов — нищие, живущие подаванием; Маремьяна Медведева — бедная крестьянка; Василий Богданов, Созонт Петрушечев — дерковные сторожа, жившие за счет общества: знаменитая архангельская Кривополенова — нищенка. Нищий же и один из самых выдающихся вятских сказителей — Краев. Пермский Ломтев — горький бедняк. Известные нам лучшие сибирские сказители-сказочники — почти сплошь бедняки: Чима, Антон Чирошник, Винокурова, Скобелин, Аксаментов; Е. Сороковиков — на грани между беднотой и середнячеством; на этой же грани и воронежская Куприяниха. Крестьянин-бедняк — Ерофей Плутанский, которого эскизно зачертил еще в 60-х годах — М. И. Семевский Биография Новопольцева нам неизвестна, но поскольку мы представляем себе его образ, можно предположить, что и он относится к той же категории.

С этим социальным слоем тесно связаны и другие основные группы носителей сказочного искусства в недавнем прошлом и отчасти настоящем — бурлаки, солдаты, бродяги-поселенцы, странствующие ремесленники, — все это также большею частью представители беднейшего крестьянства, безземельные и порой бездомные скитальцы.

Да и в бытовом плане не трудно представить себе причины, почему искусство сказки оказалось связанным, главным образом, с различными кругами бедноты. Довольно трудно представить себе зажиточного крестьянина в роли сказителя-увеселителя на беседах или в артелях.

Русская пляска.

Крестьяне-богатеи не всегда бывали и в артелях — этих лабораториях сказки — предпочитая отправлять туда своих работников. В этой среде, т. е. в среде верхушечного слоя крестьянства, по большей части, сказителями бывают женщины, культивирующие это мастерство преимущественно в узком домашнем кругу.

Основное же культивирование искусства сказки происходит в среде, где оно связано с теми или иными жизненными функциями. Сказки — не только «Lust zum Fabulieren», не только радость творчества, но и орудие в борьбе за существование. И, конечно, одним из основных моментов для поддержания и развития этого искусства является момент профессионализма — как бы ни понимать этот термин. Сказка давала и дает лишний пай в артели, лишний стакан водки «в беседе», ночлег и ужин. Сказкой же какой-нибудь скиталец-бедняк, какой-нибудь представитель крестьянской богемы, завоевывал право хотя бы на временное внимание и уважение.

Конечно, это не значит, что именно эта среда обусловила собой и путь развития крестьянской сказки и ее поэтику. Крестьянская богема так же тесно связана со своим классом, как всякая другая. Как уже было подчеркнуто на примере Винокуровой, сказка не переводится в иную социальную плоскость, но остается в мире все той же основной мелкобуржуазной стихии. То же можно сказать и о сказках Семенова, Ломтева и сказках других замечательных сказителей, представителей деревенской бедноты. Поэтика их сказок обусловлена этой мелкобуржуазной собственнической стихией, но в ней же отражаются и следы тех противоречий, которые существуют между сказителем и его средой. Сильнее и резче всего они обнаруживаются в многочисленных личных вставках и отступлениях, которыми обычно так богаты сказки.

Эти личные отступления очень разнообразны по своему характеру, и при непрерывном непосредственном общении с аудиторией их роль очень значительна. Иногда в них высказывается то или иное отношение к сказке, к рассказываемому эпизоду, к тому или иному действующему лицу в роде: «поди, враки все это?», или «вот как раньше-то бывало!» или «вот тут он ей и заветил»: «вот тут пойми эту задачу!» и т. д. В таких случаях они и говорятя чаще всего особым голосом, по театральной

терминологии «à part», «в сторону». Сказитель Асламов (в Тунке) часто перебивал свой рассказ замечаниями эстетического порядка: «Хорошо?!» «Интересны мои сказки?!» «Мои сказки быстро интересны». Некоторые сказители перебивают рассказ непосредственными обращениями к собирателю: «И зачем ты это пишешь?» или наоборот: «Ты ладно ли написал?» или «Смотри, не напутай» и т. д.

Но чаще всего эти замечания органически слиты с текстом и составляют его неотъемлемую и неразрывную часть. Иногда в них сказитель дает как бы своеобразный комментарий к рассказу, вскрывая тем свое собственное отношение к рассказываемому. Таково, напр., сочувственно ироническое вставное замечание Чирошника: «Раньше ведь разбойнички-то буржуйчиков пшупали!» или: «Тогда еще царей-то слушались» (замечание одного сибирского сказителя), или наоборот: «Тогда еще отцямать почитали» (также записано в Сибири).

Таким образом, в этих личных вставках и отклонениях достаточно четко отражаются моральные и социальные симпатии и антипатии сказителей, и определяется их собственное социальное место. И очень часто, порой совершенно неожиданно, но всегда отчетливо и убедительно для аудитории оборачивалась новой стороной старинная и традиционная сказка. Так связывает сказку с современностью своими острыми замечаниями Антон Чирошник; так совершенно далекую от каких бы то ни было реальных проблем современности сказку о Царе-Чернокнижнике превосходный и мудрый северный сказитель Чупров сумел своими замечаниями о дурности царей повернуть к острым и жгучим вопросам тогдашней действительности.

Чаще же всего в такого рода личных замечаниях встречается непосредственное обращение к себе, своей судьбе и своему быту, при чем, во многих случаях они носят и некоторый обобщающий характер, являясь высказываниями социального порядка. Винокурова, напр., так передает эпизод о покупке священником товаров в лавке: «Ну, и спрашивает тот — не наши злыдни — тово и етово: набрал там на целые тысени». Чима, упоминая о бедном дворике героя, добавляет: «вот бы как наш». Ломтев перебивает рассказ сентенциями о бедности и богатстве.

Но вместе с тем этому слою обязан своим культивированием и развитием и целый ряд тем, мотивов и образов. Несомненно, в этой среде особенно привились и заострились сказки о попах и батраках, здесь пользовались большой популярностью сказки солдатские, бурлацкие и различные сказки о героях — выходцах из социальных низов. Отсюда, в значительной степени, столь распространенные в русской сказке картины пьянства и разгула; отсюда же и образы лихой голытьбы, помогающей герою, или самостоятельно совершающей могучие подвиги, отсюда же картины неприглядной бедности и нищеты, сплошь и рядом с большим искусством развернутые в сказках. С этой же средой, быть может, следует связать и культивирование мотивов фатализма, а также образов судьбы и горя, на доминирующую роль которых в русской сказке давно уже указано исследователями.

Недавно к этому же вопросу вернулся и Б. М. Соколов.¹ Подобно Веселовскому и Потебне, он считает одним из центральных образов русской сказки — «гнет в форме недоли». Но в отличие от названных исследователей, Б. М. Соколов полагает, что это образ гнеущей судьбы-недоли рожден не русским народом в целом (как утверждал, напр., А. Веселовский), но «сознанием бедняцкой среды, неимущей, обездоленной части крестьянства, находившейся в суровых тисках жестокой, экономической эксплуатации, помещичьего бесправия, безнадежно-отсталых форм труда и производства. Мелкое индивидуальное хозяйство держало бедняка-крестьянина в узких рамках беспомощного индивидуализма — отсюда преобладание идеи о личной доле, отсюда бесплодность его борьбы за улучшение своего личного положения, своего счастья». Эти социально-экономические условия определяли и «направленность» идеалов крестьянина-бедняка; в условиях капиталистического строя, при давлении буржуазной идеологии на почве мелко-собственной природы крестьянства, идеальный выход из под власти «своей доли» мерещился ему в получении

¹ «Классовые основы русских сказок». Доклад в заседании Секции Искусства и Литературы народов СССР Коммунистической Академии в 1930 г.; в сокращенном виде вошел в книгу «Русский фольклор», вып. II, по которой и цитируется здесь.

«доли» богача, т. е. в личном обогащении, в частности, в переходе в кулаков-богатеев. Социально-классовая проблема не получила своего разрешения, поскольку бытие и сознание дореволюционного крестьянства в целом находилось во власти собственнической системы и идеологии». ¹

Очень кратко и четко сформулировано это в знаменитой статье В. И. Ленина «К деревенской бедноте»: «Все средние крестьяне за хозяевами тянутся, собственниками хотят быть, но удается это очень и очень немногим». ²

Но, в общем, должно сделать оговорку: все эти высказывания о социальной природе русской сказки и о социальном составе ее носителей могут иметь — при современном состоянии исследований — пока только характер гипотетический. Сказка — сложный и пестрый конгломерат: в ней сохранились следы различных социальных образований. Различные социальные группы, через которые она проходила, оставили в той или иной мере свой след в общей ее структуре. Старое в ней тесно слито с новым, отжившее с только что возникающим; элементы и пережитки мировоззрения доклассового общества с обостренными классовыми моментами. Все это делает очень трудным изучение ее социологического эквивалента и основных социальных позиций.

1 августа 1930 г.

¹ Б. М. Соколов. Русский фольклор, II..., стр. 92. Автор считает наиболее яркой в этом отношении сказку: «Две доли» (А ф а н. 172); в настоящем сборнике см. особенно № 11.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. IX (изд. 1-е), стр. 340.

СКАЗКИ А. В. ЧУПРОВА

А. В. ЧУПРОВ

ЧУПРОВ Алексей Васильевич (Алексей Слепой) — печорский сказитель. Тексты его записаны и напечатаны Н. Е. Ончуковым, который предпослал им следующую характеристику сказочника. «Алексей Чупров — старик 70 лет, живет в Усть-Цыльме; сказки знает твердо, рассказывает их прекрасно, строго соблюдая то, что называется обрядностью: из слова в слово повторяя обыкновенно до трех раз описания отдельных сцен и действия, особенно удачные выражения и обычные эпитеты. Сказки его поэтому всегда очень длинны... Знает А. В. и былины, но с тех пор, как его постигло большое несчастье (ослеп), он религиозно настроен и ничего не поет, кроме духовного. Религиозность не мешала ему, впрочем, рассказывать мне всякие сказки, иногда и очень скабрёзные. Но и эти последние А. В. рассказывал строго и серьезно, с сознанием, что делает он не совсем пустое дело: передает он — старик — то, что сам когда-то слышал от стариков, — и не его вина, если в старину так сложили сказку».

Даже по этой краткой заметке можно вывести заключение, что репертуар его очень значителен; к сожалению, собиратель далеко не исчерпал его в полной мере. Н. Е. Ончуковым записано от него всего семь сказок, при

чем, записи сделаны не вполне точно, напр., опущены повторения, что нарушает ритм сказки.¹

Собиратель называет его рассказчиком-эпиком, «единственным сказочником» на Печоре, «который передает сказки так, как они, может-быть, должны были говориться в старину». Действительно, к А. Чупрову более всего применим термин сказочника-эпика или классика, сохраняющего в своем репертуаре «сказку, классическую по форме, т. е. со всей сказочной обрядностью и фантастическую по содержанию».

Эта «обрядность» выражается у него в богатстве повторов, сказочных формул, эпитетов и сравнений общеприимского характера, в разнообразии типичных сказочных деталей и т. д. Наконец, его тексты выделяются своей ритмичностью, некоторой даже певучестью (напр., «пошел молодец из царской палаты, вышел на чистое поле, овернулся серым волком, бегал, бегал, рыскал по всей земле, овернулся медведем; шаврал, шаврал по темным лесам, тогда овернулся горностаем чернохвостиком, бегал, бегал, совался под колодинки и по корешки, прибежал к царским палатам, овернулся буравчиком» и т. д.

Быт в его сказки вторгается очень слабо; он проskalывается только в случайных моментах, которые отнюдь не нарушают целостности и яркости его фантастических образов. Все это заставляет признать в нем одного из самых лучших мастеров, мастеров-классиков, блестящего артиста рассказчика и художника, творца, обладающего несомненным и подлинным чутьем стиля.

Скудость материала не позволяет ясно установить социальную позицию сказочника. Замечательной страницей

¹ Собиратель отмечает только: «повторяется дословно» или «повторение» или даже в такой редакции: «повторяет, что видел». Между тем, опыт показывает, что далеко не всегда каждое повторение является точной копией предыдущего, отличаясь иногда любопытными тонкими деталями, особенно же отличаются рассказы о виденном. Кроме того, такой метод записи, нарушая, как уже сказано, ритм, мешает непосредственному восприятию сказочного текста. Особенно пострадала замечательная сказка «Иван-Царевич и Царь-Девича» (Ончуков, № 3).

в мире русской сказки является его диалог царя с Черепаном: «А разве государь-от у нас дик? — А как не дик?» и т. д. Такого же типа и его сентенции (в сказке о Царь-чернокнижнике) о дурности царей. Эти страницы, действительно, замечательный пример и свидетельство той роли, какую играло устное художественное слово в определенной среде, но в данном случае трудно и почти невозможно установить и разграничить личное и традиционное. Впрочем несомненно и то, что определенный выбор материала также характеризует в достаточной степени сказочника и его настроения.

В текстах несомненно, должна обратить внимание непоследовательность в передаче «ц» и «ч»: «молодец» и «молодеч», «царь» и «чарь» и т. п. Так передано в сборнике Ончукова, и это, видимо, отражает живую черту индивидуального говора сказителя.

1. ЦАРЬ-ЧЕРНОКНИЖНИК

ЖИВАЛ-БЫВАЛ царь вольней человек, жил на ровном месте, как на скатертé. У него была жена, дóчи, да люди робóчи. Он был чернокнижник. Доспел он себе пир на весь мир, про всех бояр, про всех кресьян и про всех людей пригородных; собрались, стали пировать, и стал царь клик кликать: «кто от меня, от царя уйдет-упрячется, тому полжитья-полбытья, за того свою царевну замуж выдам, а после смерти моей тому на царстве сидеть».

Все на пиру приумолкнули и приудрогнули. Выискался удалой доброй молодец и говорит царю: «Царь, вольней человек! Я могу от тебя уйти-упрятаться». — «Ну ступай, молодец, прячься, я буду завтра искать, а если не уйдешь, не упрячьешься — голова с плеч!»

Вышел молодец из царских палат, пошел вдоль по городу, шел, шел, шел, дошел до

проті поповой байны, думаёт в умі: «Куда же мне от царя уйти упрятаться? Зайду я в попову байну, сяду под полók, в уголок, где же меня царю найти?»

Стават царь-чернокнижник поутрú рано, за-топляет печку, садится на ремешат стул, берёт свою книжку волшебную, начал читать-гадать, куда молодец ушел: «Вышел молодец из моих белокаменных полат, пошел вдоль по улицы, дошел до поповой байны, думаёт в умі: «куда же мне от царя скрыться?»... *(повторяется дословно все снова)*... «ступайте слуги, ищите в поповой байне и ведите суда!»

Побежали скоро слуги, прибежали в байну, открыли полок, молодец под полком в уголку. «Зрастуй, молодец!» — «Зрастуйте, слуги царские!» — «Давай, ступай, тебя батюшко-царь к себе звал». Повели слуги молодца к царю на личо, привели к царю, говорит царь: «Што не мог от меня уйти-упрятаться?» — «А не мог, ваше царско величество». — «Не мог, надобно голова с плеч снять!» Взял свою саблю вострую и смахнул у его буйну голову.

Этому царю што дурно, то и потешно. На другой день опять сделал пир и бал, собрал бояр и хресьян и всех людей пригородных, разоставил столы, и пировать стали, и опять стал на пиру клик кликать: «Кто от меня от царя уйдет-упрячется, тому полжитья-полбытья...» *(и т. д. Выискался снова один молодец, условились, в таких же, как и прежде, выражениях.)* Пошел молодец, вышел из царских белокаменных полат и пошел вдоль по городу, шел, шел, шел, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, стоит

превеличающей овин. Думает молодец: «Забьюсь я в солому, да в мекину, где меня царь найдет?» Забился и лежит.

Царь - чернокнижник ночью просыпал, поутру рано ставал, ключевой водой умывался, полотёнышком утирался, затопил свою печку, берет свою книгу волшебну, садился на ремешат стул, начал читать - гадать, куда молодец ушел: «Вышел молодец из моих белокаменных палат»... *(Повторяется все по старому, до снятия головы с плеч включительно.)*

Этим царям што дурно, то и потешно: на третий день опять стал делать пир-собрание... опять выискался молодец. «Я могу от тебя уйти - упрятаться, да только до трёх раз». Царь согласился. Вышел молодец из белокаменных полат, пошел вдоль по улице, шел, шел, шел, овернулся горносталём - чернохвостиком и начал бегать по земле; и под всякой корешок и под всяку колодинку забиватчи и бегат по земли; бегал, бегал, прибежал перед царски окошки, овернулся золотым буравчиком и начал кататься перед царскими окошками; катался, катался, овернулся соколом и в которых полатах живет царевна — надлетел соколком перед ти окошка.

Царевна соколка увидала, свое окошечко отпирала и себе соколка призывала: «Экой сокол хорошей, экой сокол прекрасной!» Сел сокол на окошечко, скочил на пол, стал прекрасной молодец; царевна молодца встречала, за дубовы столы сажала, пили, панкётовали, пировали и чего надомно по правлели; тогда молодец овернулся злач-

ным перстнем, царица взяла, себе на руку наложила.

Царь - чернокнижник ночью просыпал, по утрам рано ставал, ключевой водой умывался... *(повторение)*. . . говорит слугам: «Идите, слуги, мою дочь ведите или перстень несите». Приходят слуги: «Звал тебя царь на лицо». — «Для чего-де, пошто?» — «А сама нейдешь, дак отдай перстень с руки!» — Царица сняла перстень с руки, отдала слугам. Приносят слуги перстень, отдали царю в руки: взял царь перстень, бросил через лево плечо, стал прекрасной молодец. «Здрастуй, молодец!» — «Здрастуй, царь вольней человек!» — «Ну я тебя нашел, надобно голова с плеч!» — «Нет, царь, вольней человек, мне-ка еще два раза прятаться, так у нас было условье». — «Ну ступай!»

Пошел молодец из царской полаты, вышел на чистое поле, овернулся серым волком; бегал, бегал, рыскал, рыскал по всей земле, овернулся медведём; ш á в р а л, ш á в р а л по тёмным лесам, тогда овернулся горностаём - чернохвостиком; бегал, бегал, совался под колодки и под корешки, прибежал к царским полатам, овернулся буравчиком; катался перед царскими окошками, овернулся соколом и надлетел над окошки, где царица живет.

Царица соколка увидала, свое окошечко отпирала. «Экой сокол хорошей!» Сел сокол на окошко, скочил на пол, стал прекрасной молодец. Царица молодца встречала, за дубовы столы садила, пили, пировали, панкетовали, чего надобно по правляли, и стали думу думать, куда от царя уйти-упрятаться, и придумали:

овернуться ясным соколом, полететь дáлече-далече, в чистое поле. Овернулся молодец ясным соколом, царевна окошечко отпирала, сокола на окошечко посадила, соколку приговаривала: «Полети соколок дáлече-далече в чистое поле, овернись соколок в чистое поле в семьдесят семь травин и все в одну траву...»

Царь-чернокнижник ночью просыпал, поутру рано ставал, ключевой водой умывался... (*посторонние*) говорит царь слугам: «Идите, слуги в чистое поле, каку траву найдите, в беремё рвите, да всю ко мне несите!» Пошли слуги, нашли траву, вырвали, принесли царю. Царь сидит на стуле и выбирает траву; и выбрал траву, бросил через лево плечо, стал прекрасной молодец. «Зрастуй, молодец!» — «Зрастуй, царь вольной человек!» — «Ну я тебя опять нашел, теперь над мно голова с плеч!» — «Нет, еще раз прятаться послéнни». — «Ну хорошо, ступай, я буду заутра искать».

Вышел молодец из царских полат, пошел вдоль по улице, вышел в чистое поле, овернулся серым волком, побежал; бежал, бежал, бежал, добежал до синего моря, овернулся щукой рыбой, спустился в синее море; переплыл синее море, вышел на землю, овернулся ясным соколом, поднялся высокóнько и полетел далеко́нько; летел, летел по чистому полю, увидел на сыром дубу у Маговой-птичи гнездо свито; надлетел и упал в это гнездо. Маговой-птичи на гнезде тою пору не было. После Маговой-птича прилетела и увидала на гнезде лежит молодец. Говорит Маговой-птича: «Ах, какá невежа! прилетела в чужо гнездо, упала, да и

лежит». Забрала его в свои когти и понесла из своего гнезда; и несла его через синё море и положила царю-чернокнижнику под окошко. Молодеч овернулся мушкой, залетел в царски полаты, потом овернулся кремешком и положился в огнивчо.

Царь-чернокнижник ночью проспал, поутру рано вставал... *(и пр. и пр. Царь читал по волшебной книге верно до тех пор, пока Маговей-птица взяла молодца из гнезда)*. «Подите, слуги в чистое поле, пройдите чистое поле, синёе море в корабли переплывите, ищите сырой дуб, дуб рубите и гнездо отыщите и молодца суда ведите». Пошли слуги, дуб срубили, гнездо отыскивали, рыли, рыли, молодца нет. Обратились к царю. «Нашли мы сырой дуб, гнездо было, а молодца нет!» Глядит царь в книжку, показывает книжка: тут, верно, молодеч. Нарядился царь, сам искать отправился. Искал, искал, рыл, рыл, не мог найти. Заставил сырой дуб мелко выколоть и на огонь скласть, сожеччи. И не оставили не одной щепинки, и думает царь: «хоть бы я молодца не нашел, да штобы он на свете жив не был!»

Оборотились во свое царство, живет царь и день и два и три, потом служанка в утрях ставаёт и огонь доставаёт. Взяла из огнива плашку и кремешок, положила трудок, тюкнула плашкой через кремешок, кремешок вылетел из руки, улетел через левое плечо, стал прекрасной молодеч. «Зрастуй, царь, вольней человек!» — «Зрастуй, молодеч, ну нужно у тебя голова с плеч!» — «Нет, царь, вольней человек, ты меня три дня искал и отступился, а теперь я сам

явился; теперь мне надо полжитья-полбытья и царску дочь зámуж».

И тогда царю делать нечего стало. Веселым пирком, скорой свадебкой стали за молодца дочь взамуж выдавать; повенчался с царской дочерью, стал царской зять, и дал ему царь полжитья-полбытья, а после смерти штобы на царстве сидеть.

2. ФЕДОР-ЦАРЕВИЧ, ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ИХ ОКЛЕВЕТАННАЯ МАТЬ

Жил был царь на ровном месте, как на ска-
терти. У этого царя было семейство, слуги,
люди робочие, а он сам был холост, не женат.
Надел на себя царь цветное платьё и пошел
себе богосужону невесту выбирать. Прошел по
городу, вышел на чистое полё, стоит в чистом
ноле дом; приходит к этому дому, заходит, си-
дят в доме три девичи.

Богу помолился и поздоровался. «Здра-
ствуйте, красные девичи!»—«Здраствуешь царь,
вольной человек!»—Подходит к одной девиче.
«Девича, ты што умешь работать?»—«А я
умею шолком шить».—Другой девиче подошел:
«Што ты умешь работать?»—«Я умею состря-
пать-испекчи и сварить».—У третьей подошел,
спросил: «Што ты умешь работать?»—«А я
ничего не умею работать, только знаю, кто
меня возьмет взамуж, перво брюхо рожу—двух
сынов, один сын будет полокот руки в золоти,
поколен ноги в серебри, в тыли месеч, по
косичам часты звезды, во лбу сончё; другой
полокот руки в золоте, поколен ноги в серебри».

Говорит царь, вольной человек: «Девича, желашь ли за меня замуж выйти?» Говорит девича: «За кого же выйти, как царь возьмёт!» — «Ну, девича, готовься, приеду за тобой, буду венчаться». Распорядился и пошел домой. Приходит домой, коней запрягали, всё направили и поехали за девичой. Тогда прикатились к девиче, оделась девича, посадили на корету и повезли к венцу. Тогда обвенчали, пировали, панкётовали и жили несколько времени. Эта чарича стала беременна. Царя спросили в ино восударство на совет. Этот царь оставляет приказ: «Кого моя жена родит, чтобы мне-ка с ответом были».

И скоро скажется, долго деется. — Царь отправился, жона у его родила двух сынов: поллокоть руки в золоте, поколен ноги в серебре, в тыли месеч, по косичам часты звезды, во лбу солнчѣ, другого поллокот руки в золоти, поколен ноги в серебри. Тогда написали письмо и отправили к царю слугу, приказали слуге: «Ты в этот дом не заходи, из которого она была взята».

Слуга шел, шел и прошел этот мимо дом. И сделалась буря-погода, как темная ночь стала, и заходит в этот дом, из которого была царица взята. Заходит, богу помолился, с девичами поздоровался. — «Здраствуйте, красные девичи!» — «Приходи, милости просим, слуга царской, куда ты идёшь, куда ты правишься?» — «Я иду из своего царства, пошел царю, царица родила у нас двух сынов, дак пошел царю с ответом». — «Не угодно ли, господин слуга, тебе с переходу с пути в баенке попариться?» —

«А пожалуй, кабы попарили, дак я бы попарился!» Сейчас баенку стали топить. Тогда истопили баенку, пошел париться, свою сумочку повесил на спичку. Эти девичи у него из сумы вынули царское письмо, которое было царю послано, написали и положили свое: «царица без царя принесла — суку да пса».

Слуга из бани вышел, наделся и пошел. Царь письмо получил, прочитал и головой покачал, и спросил: «Где ты был ле дорогой?» — «Я был в том доме, из которого царица взята». — Это письмо царь у себя оставил и свое написал: «Кого бы жона не родила, без меня некуда не девать!» Положил письмо в сумку и сказал: «Больше ты в тот дом не заходи, иди мимо во своё царство!» Тогда слуга с царем распростился и отправился. Идет, шел, шел, идет мимо того дому, из которого царица взята, и проходит этот дом. И опять сделалась буря-погода, накатила, аки тёмная (sic!).

Ходил, ходил слуга, блудил, блудил, не мог пути найти, назад к тому дому пришел и думает в уме: «Мне-ка царь в этот дом не велел заходить». Пошел, ходил и опять к дому пришел. Опять заходит, богу помолился, с девичами поздоровался: «Здраствуйте, девичи красные!» — «Приходи, садитесь, отдыхайте вы, с пути, с дороги». — Поставили слуге попить, поить, покушати, стал слуга наряжаться итти. «Господин слуга, попарься в бане, с переходу великого и с тягости, будет тебе легче итти». На то слуга согласился, истопили баню, изготовили, пошел париться, суму опять на спичку повесил. — Эти опять девичи из сумы вынули царь-

ское письмо, а свое написали: «Кого моя жона родила, к моему штобы приходу все были убраны, управлены!»

Выпарился слуга, оделся и отправился во своё царство. Приходит слуга во свое царство, письмо отдает. Царица письмо прочтала и слезно проплакала. И спрашивает: «Где ты был по дороге?» — «А был я в том доме, из которого ты взята». Говорит царица: «Это все от их состоялось».

Собирали попов и крестили этих бладенъчей, одному имя нарекли Иван-царевич, а другому Федор-царевич. И стали думу думать: «Куды жо эту чаричу с бладенъчами девать?» и придумали: сделать бочку большую, положить чаричу с сыном, с Федором в эту бочку, спустить в синёе морё; а Ивана-царевича за тридевять земель в ино государство страшному царю, пламенному копыю, к огненному тылу отдали подарками.

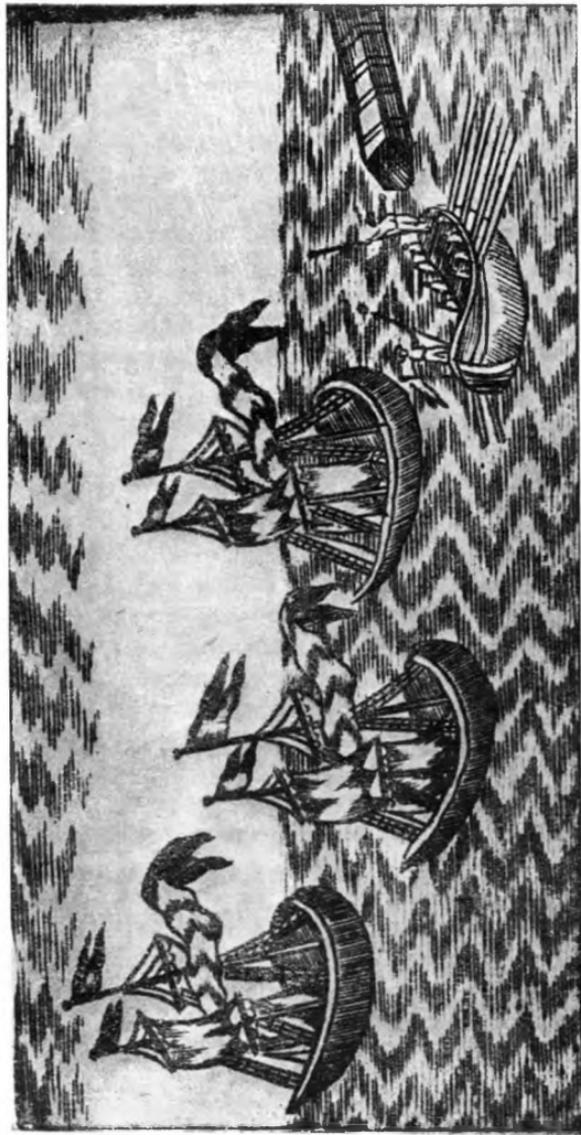
После того царь явился, водворился во свое государство и спрашивает: «Де моя жона и де мои дети?» Отвечают ему: «Твоя жона спущена в синёе морё в бочки с сыном Федором, а сын твой Иван царю отдан за тридевять морей, за тридевять земель, в тридевятое царство и в ино государство, страшному царю, пламенному копыю, к огненному тылу и отдали подарками». — «Почему так делали это дело?» Подносят ему письмо, которое слуга поднес: «Вот, по вашему приказанью». И спрашивает царь у слуги: «Ты шел от меня—куды заходил?» Отвечает слуга: «Я заходил в тот дом из которого чарича взята». — «Зачем ты в тот дом заходил, когда я тебе не приказывал?» — «Я не мог

пути найти». — Взял царь слугу, сказал. «Тебе когда которо не велено, не должон роботать!» Этот царь несколько времени жил холост не женат и задумал опять жениться и тогда взял эту девицу из того же дому, котора умела шолком шить, и живут царь с новой женой.

А эту царицу с сыном с Федором носило по морю несколько времени, качало да валяло и говорит сын Федор: «Маменька, я слышу: нас больше на валу не качает». И выбросило их в этой бочке на Буян-остров. И говорит Федор царевич: «Я, маменька, растянусь, разорву бочку, я слышу: мы теперь на земле». — «О, сын Федор, как мы на в о д ы ? разорвешь бочку — потонём ведь?» — «Нет, маменька, слышу — на земли». Растянулся, бочка разорвалась, разлетелась, — а действительнѣ на земли. Стали они на этом острове жить. А на этом острове лисич да кунич довольнѣ оченно. Федор-царевич сделал лучек, да стрелку, настрелял лисич, да кунич этой стрелкой, сделал из лисич да кунич шатер себе.

И видит Федор-царевич: бежат из-за моря купчи с товарами. Говорит своей маменьке: «Маменька, маменька, вон купцы бежат, я буду им махать да кричать, штобы они взяли меня посмотреть Русию». — «Вот, чадо мило, купцы пойдут, понесут подарки, а ты с чем пойдешь?» — «Ничего, я и так посмотрю и обратно с имá буду!» Была у царицы вышита ширинка. «На, дитяtko, отнеси царю в подарки». Побежал Федор-царевич край синего моря, стал платочком махать и кричать: «Господа корабельщики! Приворачивайте суда!»

Корабельщики приворотили, пристали, вышли

Из лубочного издания «Сказка о Силе-царевике и о Ивашке белой рубашке».

на берег. Приходят к шатру и дивуются: «Ах какой шатер прекрасной! Мы эт уд Ы много раз бывали, а экого чудо не видали!» Постоели, посмотрели на ихну житель, походят на караб и побегают за синёе морё. Благословился Федор-царевич ко своей матери за синёе морё бежать и пошел на караб. Заходят они на караб, сходни поклали, якори побросали, тонки парусы подымали и побегали за синёе морё. Дал им бог тишины пособной.

Побежали в то самое царство, из которого Федор-царевич снущенной. Брали купцы подарки, пошли к царю. Федор-царевич с ними пошел сзади; приходят купцы к царю, челом бьют и низко кланяются и здороваются; дарят купцы царю подарки всякие, подходит Федор-царевич, челом бьет и низко кланяется: «Здравствуешь, царь вольной человек!» — «Здравствуй, доброй молодец!» — Вынимал Федор-царевич из зепи ширинку, дарил царю. Царь смотрит сколько на ширинку, а вдвое-втрое глядит на молодца. «Экая ширинка чудесна, молодец прекрасной!»

Говорят купцы: «Царь вольной человек, прежде мы бегали мимо этот остров, мимо Буян, не видали ничего. Живет этот молодец с женщиной, и у него из лисич да кунич шатер сделанной, и то чудо, то диво». Царица и говорит: — «Это како чудо, како диво: среди моря есть остров, на острове есть сбсна, на этой сбсне ходит белка, — на вершиночку идет, песенку поет, на комелёк идет, сказки сказывает и старины поет. У этой белки на хвосту байна, под хвостом морё, в байне в мори выкупаешься; то утеха, то забава!» — Федор-царевич стоит, вы-

слушивает, на ум берет. Тогда этим купчам царь дал распоряжение: торговать безданно и безпошлинно в городе.

Скоро скажется, долго деется. Продали товары, побегать стали за синёе морё. Дал им бог тишины пособные. Прибежали к Буян-острову, выпускают Федора-царевича к маменьке своей... *(Федор-царевич рассказывает все, что видел, матери)*... «Я как, маменька, ей разе буду доставать, эту белочку». — «Куда же, дитятко, ты будешь ей доставать, положишь меня бедну одну жить здесь?» — «Однако же дай благословенье, я отведаю ее достать!» — «Ну, божье да мое благословенье, дитятко, доставай!»

Сделал себе шлюпку, отправился за синее море, переехал синее море, переехал к острову, шлюпку поставил на берег и пошел искать сосну. И нашел сосну: стоит сосенка, на сосенке ходит белочка и у этой сосны проведены струны. Тогда Федор-царевич захватил сосну в охапку, выдернул со коренем, сорвал все струны и тащит ко своей шлюпке и отправился за синёе морё. Выносит на Буян-остров сосенку, выносит к своему шатру и поставил сосенку подле шатра; стала сосенка стоеть и стала на сосенке белочка ходить. Вот утеха, вот забава им.

Скоро сказывается, долго деется, бегут опять корабельщики... *(то же, что и прежде, в первом случае, происходит)*... Сколько здрят на шатер, вдвое-втрое на белку. Прежде на Буяне этого не видали. И простояли, просмотрели они тут целые сутки. Опять стали побегать, Федор-царевич у матушки благословенье просит побегать за синёе морё. Дават матушка родима везти

в подарок ширинку. Заходят на караб, побежали; прибежали, царусы сымают, идут к царю, челом бьют, низко кланяются, подарки дарят; челом бьет, низко кланяется и Федор-царевич, дарит царю ширинку.

Смотрит царь и дивуется: «Ох, кака ширинка!» — «А вот царь, вольной человек, прежде мы бегали мимо этот остров Буян, не видывали ничего. Живет этот молодец с женщиной, и у него из лисич, из кунич шатер сделанной; есть сосенка, на этой сосенке ходит белка, на вершиночку идет — песенки поёт, на комелек идет — сказки сказывают и старины поет». Ходит царица по полу и говорит: «Это кака утеха, это кака забава? Есть утеха-забава: есть за тридевять земель, за тридевять морей, у страшного царя, у пламенного копья огненного тыла, есть у него слуга — поколен ноги в серебри, полокот руки в золоте, в тылу месеч, по косичам часты звезды. Вот то утеха, то забава!»

Федор-царевич выслушивает ихны разговоры. Тогда купцам царь дал дозвол торговать безданно, беспошлинно по городу. И назад стали побегать. Прибежали к Буяну-острову, выпускают Федора-царевича к маменьке ко своей (*Федор-царевич рассказывает царице, что слышал у царя*). Говорит на то матушка родима: «То-бы, дитятко, твой брат, да где жо его возьмешь?» — «А когда мой брат, дай мне благословенье, я поеду его добывать». — «Где же тебе брата добыть? От страшного царя никто не пришел, не приехал суды». — «Однако же я поеду». — «Божье да мое, дитятко, благословенье, поезжай!» — Распростился, пошел по Буяну-острову пешком,

Скоро скажется, долго деется. Близко-ле, далеко-ле, низко-ле, высоко-ле, дошел — два молодца дерутся. Кричит им: «Ей молодцы, над чем деритесь, перестать надо!» — Молодцы перестали, отвечают: «Делили мы девичу, да ковер-самолет». — «Давай, уж постойте, я вас разделю». Взял Федор-царевич, сделал лучёк, да стрелку. «Я эту стрелку стрелю, вы бежите, которой переди прибежит, стрелку хватит, тому девича». Выстрелил стрелку, полетела стрелка выше лесу темного; заворотили головы, полетели за стрелкой сзади. Тогда Федор-царевич развернул этот ковер, сажился на ковер, взял девичу и полетел.

Ковер перелетел за синёе морё, недалеко от страшного царя, царевич опустил на чистое поле, ко ракитову кусту. Завернул ковер, посадил девичу: «Сиди, девича, пока я не обвернусь». Сам пошел в то царство, к страшному царю. Приходит к этому городу, позади городу живёт бабушка-задворенка в маленькой избушечке. Зашел, богу помолился. «Здравствуй, богоданная матушка!» — «Здравствуй, дитяtko, Федор-царевич, куды ты направился? Каки тебя ветры суды забросили?» — «Есть здесь у страшного царя, у пламенного тыла, будто-де мой брат Иван-царевич?» — «Есть, дитяtko, Иван-царевич сейчас прибежит ко мне кашку хлебать». — «Я хочу его от страшного царя отобрать, с собой увезти». — «Где же тебе, дитяtko, увезти, никто отсюда назад не выезживат». Тогда говорит Федор-царевич: «Бабушка, богоданная матушка, помоги мне отсель брата увезти, я тебе сделаю колыбелью, буду тебе в колыбелью колыбыть и

СКАЗКА

Сказка о трех красавицах родных сестрах

Во старинной столице в некогдашней
подмосковной деревне жила старушка
вдова, у которой было три дочери. Старше-
ею была старшая красавица, которую
любили все люди в деревне. Во второй
была средняя, а младшая была совсем
некрасивая. Старушка была добрая,
но зато была очень жадная. Она
не любила, чтобы ее дочери работали,
и всегда находила повод, чтобы
отказать им в чем-нибудь. Когда же
дочери работали, то старушка была
очень сердитая на них. Когда же
она была дома, то старушка была
очень добрая к ним.

Старушка жила на том-то деревенском
улице, а в то время когда она жила
там, то была очень добрая, но когда
она была дома, то старушка была
очень жадная. Она не любила,
чтобы ее дочери работали, и всегда
находила повод, чтобы отказать
им в чем-нибудь. Когда же дочери
работали, то старушка была очень
сердитая на них. Когда же она
была дома, то старушка была
очень добрая к ним.

Жила, как мы знаем, дочь старушки
и она жила с ней в деревне. Она
была очень добрая, но когда она
была дома, то старушка была
очень жадная. Она не любила,
чтобы ее дочери работали, и всегда
находила повод, чтобы отказать
им в чем-нибудь. Когда же дочери
работали, то старушка была очень
сердитая на них. Когда же она
была дома, то старушка была
очень добрая к ним.

Но старушка жила в деревне, а в то
время когда она жила там, то была
очень добрая, но когда она была
дома, то старушка была очень
жадная. Она не любила, чтобы
ее дочери работали, и всегда нашла
повод, чтобы отказать им в
чем-нибудь. Когда же дочери
работали, то старушка была
очень сердитая на них. Когда же
она была дома, то старушка
была очень добрая к ним.

Сказка о трех красавицах родных сестрах.

паче отца и матери почитать». Говорит бабушка: «Как же ты суды прибыл?» — «Я прибыл, бабушка, у меня есть ковер-самолет». Говорит бабушка: «Давай, дитяtko, отвeдам, да только от страшного царя едва ли нам уйти и уехать».

Немного времени прошло, забежал к бабушке Иван-царевич кашку хлебать. От этого зей зееет и лучи мечут, у бабушки стало светло и хорошо, как в царстве. Говорит Федор-царевич: «Здравствуй, брателко, Иван-царевич!» Говорит Иван-царевич: «Здравствуй, Федор-царевич!» — Говорит бабушка-задворенка: «Наряжайтесь, поскорее, отвeдайте».

Стали скоро наряжаться, скорее того сподоблется. Берет бабушка с собой щетку, кремешок и плашечку-огнивчо. Тогда и побежали скоро во чисто поле, ко коврy. Прибегают, Федор-царевич развертывает ковер, садится на ковер, садится Иван-царевич, садится бабушка-задворенка и садится девича. Федор-царевич коврy приговариват: «Подымайся, ковер, повыше лесу темного, и лети, ковер, куды я велю!» Сидит бабушка-старушка назади ковра, припадывает ухом правым. «О, детушки, близко пёгона, гонится страшной царь, обожжет, опалит нас всех». Бросила на землю щетку: «Быть лес темной, от востоку и до западу, шtbody страшному царю не пройти, не проехать!» Сделался лес темной. Царь страшной нагонил и стал бить и ломать лес темной, секчи и рубить, попадать и пробился этот лес и опять настагает близко.

Опять бабушка припала: «О, детки, близко страшной царь, обожжет, опалит, нас всех!» Бросат кремешок: «Быть стена каменна, от

востока и до запада, чтобы страшному царю не пройти, не проехать!» Восстала стена каменная от востока и до запада. И страшной царь нагонил, начал ей ломать, разбивать. Ломал, да разбивал, да пробился со всем войском своим. Опять гонится за нмá в сугон; припадет бабушка третий раз ухом правым. «О, детушки, близко страшной царь, обожжет, опалит нас всех!» Бросат плашечку на землю: «Протеки, река огненна, от востока и до западу, и до синего моря, чтобы все войско царя страшного обожгало и попало!» Протекла река огненна. Нагонил страшной царь — котора сила в реку бросится, та и сгорит, котора бросится, та и сгорит. Тогда страшной царь реки устранился и назад воротился. (Старушки уж напрутся на чо, дак как не сделают тихонько.)

Тогда Федор-царевич летел, летел до своей матушки родимой и опустился на землю на ковре. Встречает их маменька с честью и с радостью и весьма весела стала. Живут они в радостях и весельи и царица почитат эту бабушку паче своей матери родимой. И видит Федор-царевич: опять бежат из-за моря корабли. Говорит Федор-царевич... *(Повторяется то же самое: купцы идут к царю-отцу и рассказывают ему об Иване-царевиче)*... А этой царице больше делать нечего, этот царь думает: «Давай я нарежу караб, побегу, посмотрю што таки за люди». Купцы поторговали и уехали и Федор-царевич с ними. Царь вольной человек снарядил караб и побежал за синёе морё.

Купцы выпустили Федора-царевича. «Что видал, что слышал?» Говорит Федор-царевич:

«Я пришел маменька... (Следует рассказ, что было)... Он придёт маменька скоро суды.» — «Ну, ладно, деточки, придёт, дак и подождем». И видят, из-за моря бежит караб, прибегает ко Буяну-острову и становится в ихну гáлань; парусы сняли, якори побросали, сходенки послали. Выходит царь вольной человек и подходит к этому шатру. Пришел ко шатру, челом бьет и низко кланяется. «Здравствуйте, добры люди!» Все ему отвечают и кланяются: «Здравствуйте, царь вольной человек!»

И сколько царь здрит на шатер, вдвое на белку, а втрое на Ивана-царевича и дивуется: «Откуль, вы люди, откуль взялись, как здесь поместились?» Отвечает ему царица: «Я была царска жена, да спущена была в бочке в синее море, меня суды выбросило, а этой мой же сын Иван-царевич, он был у страшного царя, пламенного копья, у огненного тыла подарками подарен». Тогда царь говорит: «Ты действительно моя жена так-ту дак, а эти мои дети. Давай, собирайся, повезу вас во свое царство». Собирались, сподоблялись, зашли на караб, дал бог тишины, побежали за синее море. Тогда прибегают, парусы сняли, пошли домой к царю. Этот царь людей собрал и новую жену посадил на ворота да расстрелял, а девочку Федор-царевич за себя замуж взял.

3. ЦАРЬ И ЧЕРЕПАН

Бывало поп, да царь, да боярин собрались в один лик (похожи друг на дружка) и надели одинакое платье на себя, и пошли прохаживать

ваться. И тогда разговор промежу себя ведут. Царь спрашивает: «Что на земли всего дороже?» Отвечает поп: «На земли то́ всего дороже, у кого жена хоро́ша». — Говорит царь: «А, барин, ты, што скажешь?» — «То́ всего дороже, у кого денег много». — «А я считаю то́ всего дороже, говорит царь, у кого ума вного».

Тогда идут вперед опять, на стречу едет им черепан с горшками. Царь и говорит: «Черепан, провези нас, изъян покроется». Стал черепан горшки складывать, сложил, оборотил лошадь. «Садитесь». Сели на сани. Ехал, ехал, зашла кобыла в лужицьку, стеть стала. Черепан ухватил плеть и стегат. «Ах ты, кобыла! дика, как государь!» Кобыла выстелась и опять пошла.

Поехали, спрашивает государь: «Что, черепан, разве государь-от у нас дик?» — «А как государь не дик: у бояр полны погреба денег лежат, да все их жалует, а у нужного, у бедного с зубов кожу дерёт, да все подать берёт». — «Черепан, есть люди, которы говорят: то́ дороже всего; у кого жона хоро́ша?» — «А это, надо быть, пон, либо старец: ти до хороших жон добираются!»

Царь опять спрашивает: «Есть люди, говорят: то́ всего дороже, у кого денег много?» — «А то, говорит, боерин или боерский сын, они толстобрюхие до денег лакомы!» — Опять царь спрашивает: «Есть люди, которы говорят: то́ всего дороже, у кого ума много?» — «А то царь, либо царский сын, это они до большого ума добираются».

Доехали в город и заставили лошадь одер-

жать. Тогда ставали все трое с саней и благодарили черепана за провоз, и говорит царь: «Поезжай, черепан, по горшки и вези в город, завтра горшки будут дороги, да не ошибайся, проси дороже».

Черепан привез горшки в город, а царь сделал пир на весь мир и приказал всем гостям по горшку в подарок нести. Народ бежит к царю на пир, а к черепану приворачиват за горшком. Продавал сначала по пять, потом по десять рублей, дошло по пятьдесят, а потом по сту рублей, и все купят. Дотуль докупали, один горшок остался. Ладит сам итти, подарками нести.

Главной боярин бежит царю на пир и приворачиват черепану за горшком. «Продай горшка!» — «Не осуди, нет боле, один есть да себе надо.» — «Сделай милость, уступи, я первой боярин». — «Я, пожалуй, уступлю, только сделай по моему: я в горшок накладу; съешь — горшок твой. «Дай, наклади — я отведаю, не могу-ли стьсь». Черепан наклал — понаклал и р и п о л н а. Съел боярин.

Все собрались, а черепана нет. Приходит и черепан на пир. «Как-же ты, черепан, сколько в тебе скупости, пожалел горшка принести, а привез воз целой». — «Помилуйте, ваше царское величество! Был самой лучшей — боярин отбил! Меч ваш, а голова моя!» — «Да ты за этот горшок множество денег взял?» — «Помилуйте, ваше царское величество, не взял». — «Да как-ино, ты ты за што отдал?» — «Да не даром-же отдал, а сказать нельзя!» — «Скажи». — «За то отдал, што мой сор съел». — «Узнашь-ли?» — «Посмотрю, дак найду».

Посмотрел и увидел его в переднем углу, самой главнейшей боярин. «Ну уколи, скажи которой». Он и уколол *(показал пальцем)*. Призывает царь боярина к себе. «Ты-ли у черепана горшок за сор купил?» — «Я, царское величество!» — «И съел?» — «Съел!» — «Почему же ты сор съел?» — «Потому, что я без горшка не смел явиться к вам». — «Да мне разве горшка надобно было? мне надобно было черепана деньгами наделить. Не было горшка, даки так бы пришел. А ты теперь всю посуду исквернил и всех людей осквернил!» Взял царь, посадил боярина на ворогы и растрелял.

ПРИМЕЧАНИЯ

Напечатаны в Сборнике Н. Е. Опчуркова «Северные сказки» (СПб. 1907) под №№ 2, 5 и 7.

1. Ц а р ь - Ч е р н о к н и ж н и к (А н д. 329). Широко распространенный сюжет в мировой сказочной литературе. Обычно он соединяется или с добыванием невесты (А ф. 130, а и б) «Елена Премудрая»; Х у д. II, 63 (плохо записанный вариант); С и б. 2 («Старик-охотник и Заветная птичка») или, что гораздо чаще, с возвращением обратно жены-волшебницы: срв. приведенную в настоящем сборнике сказку Ломтева (№ 13), куда в числе прочих эпизодов вошли мотивы возвращения жены и прятания; аналогичная разработка сюжета в сборнике С м и р н о в а, 49 («Сказка про нужного и про богатого»), там же 178 («Хитрая жена») и 355 («Царь-людоед»), но все они представлены в плохих рассказах и неудовлетворительных записях. Этот же мотив — в репертуаре Винокуровой (А з, I 10, «Мудрая жена»); в отличие от предыдущих, в нем не сама жена заставляет прятаться, но отец ее, что сближает ее текст с текстом Чупрова. Несколько особняком стоит сибирский текст, записанный Красноженовой (Ж и в. С т а р., 1912, II—IV, стр. 303), где молодец прячется от волшебницы; в прекрасном варианте (также сибирского происхождения), записаном В. Ф. Булгаковым от крестьянина Шарина, сначала заставляет героя прятаться отец, а потом дочь (Красн. Сб. II, 28).

Последнее (удачное) прятание изображается приблизительно одинаково почти во всех текстах: герой прячется или между листами волшебной книги или за волшебным зеркалом. У Чупрова: ц а р е в н а кладет его под окошко, очевидно, вместе с тем и под книжку. Исключением является текст Верхорубова (В я т. С б., 8), где

волшебная книга перестает показывать, так как дьявол, которому оказал оригинальную услугу герой, перестал помогать царю-чернокнижнику.

Упоминаемая Чупровым птица Маговой встречается неоднократно в русском сказочном и былевом эпосе под аналогичным или сходно звучащим именем; в частности она встречается в песне о Ваньке-Вдовкине сыне и царе Волшане (Рыбн. I, 443—452), где герою также приходится прятаться от царя-волшебника, чтоб получить его дочь, Марию Волшановну. Помогает герою спрятаться Могуль-птица. Этот вариант важен тем, что в нем отчетливо выясняется роль огнива, уже утратившего свое значение в тексте Чупрова.

Прятанье, как самостоятельный сюжет, кроме текста Чупрова, встречается еще в Вят. Сб., 3: рассказано прекрасным сказочником, Верхорубовым: «Царь-волшебник» с очень сходным началом: «В одном государстве был царь-волшебник; он послал объявления по своему государству, что кто он него спрячется, тому отдам полжителя-полбытья и полцарства своего». Текст Чупрова все же еще сохранил связь, хотя и слабую — с мотивом добывания невесты; в тексте же Верхорубова этот мотив совершенно утрачен.

Почти все указанные выше варианты (кроме Афанасьевских) отличаются большой бытовой приуроченностью (особенно тексты Винокуровой, Верхорубова, Шарина), тогда как текст Чупрова — весь выдержан в плане строго фантастического изложения, что и делает этот текст одним из лучших образцов «классического» стиля». Замечательно, что его герой — просто «добрый молодец», без каких бы то ни было социально-бытовых признаков, тогда как у Верхорубова — героем является «мужичек из бедных», по имени Иван Гогарин.

2. Федор-царевич, Иван-царевич и их оклеветанная мать (Анд. 707). Хорошо известный сюжет «Царя-Салтана». Варианты в русской традиции довольно многочисленны: Аф. 159 и вар., 160; Худ. I, 21; III, 37, 112; Красн. Сб. I, 5, 35, 53, 59; II, 36, 41; Сок. 42; См. 27, 37, 96, 131, 234; Аз. I, 2 и др. Конспект этой сказки, несомненно, выслушанной непосредственно от какого-нибудь сказочника или сказчицы, имеется в бумагах Пушкина (Румянц. Музей, Кишиневская тетрадь. № 2366. «Русск. Стар.» 1884, т. 42);

см. также Полное собрание сочинений А. С. Пушкина — изд. «Просвещение» (ред. П. О. Морозова т. II, стр. 586—587).

Наиболее интересны и богато разработаны, кроме текста Чупрова (Худ. III, 87, 112; Кр. II, 36 и Аз. 2, (текст Винокуровой) и Афанасьевские; впрочем, последние, особенно основной (159-а), явно подверглись литературной обработке собирателя. Несомненно, что ряд текстов — уже вторичного происхождения, под влиянием текста сказки Пушкина, известной по школьной и любочной литературе. Этим обратным влиянием объясняется и столь большое количество вариантов (срв. по этому вопросу: Е. Аничкова. Опыт критического разбора происхождения Пушкинской сказки о Царе-Салтане. Сб. «Язык и литература», т. II. вып. 2; Лен. 1928, стр. 92—139; также Slavia, 1927 г., где приведены также восточные и западно-европейские параллели, как фольклористические, так и литературного характера.

Основные линии сюжета о Салтане (нужно только отметить, что имена Салтана и Гвидона отсутствуют в русских устных редакциях, и Пушкин заимствовал их из сказки о Бове) в общем довольно устойчивы. Схема эта выдержана и у Чупрова. Но у него отсутствует обычный мотив подслушивания, замененный опросом царя. Похвальба девушек в чупровском варианте также довольно типична и встречается в большинстве вариантов. В некоторых девицы обещают вышить ковер-самолет, достать скатерть самобранную, достать kota-баюна, столб, с которого можно видеть, что делается в тридевятом царстве и т. д. В нескольких вариантах сестры выражают желание выйти замуж за хлебопека или за повара или за царского слугу (Аф. 160, Худ. I, 21). Очень оригинально разработан мотив похвальбы и женитьбы в одной из записей Худякова (III; 112), где царь женится поочередно на каждой из сестер, после чего выясняет, что похвальба была обманная, и тогда уже женится на последней сестре.

Вариант Чупрова несколько отличен от других тем, что в нем нет обертывания героя в мушку или комара (что сохранено и Пушкиным); чудесные предметы, какими завлекают царя, также неоднократно встречаются в такой же редакции; в некоторых вариантах еще встречаются: молочная река, сахарные берега (Сок. 42),

чудесная мельница «сама веет и пыль за сто верст мечет, возле мельницы золотой столб, на нем клетка висит и ходит по столбу кот ученый» (А ф. 159 d), свинка — золотая щетника (С м. 21, К р. II, 36), бык, в ... песок толченый, в боку нож востреной» (К р. I, 53). Оригинально у Х уд. III, 87: «гора об гору трется и песочек точится». Замечательно, что в тексте Чупрова, так же как и у Пушкина, упоминается чудесная белка, которая «сказки сказывает — старинки поет». В большинстве текстов: кот-баюн, кот-самоговор, кот-говорун и т. д. Прекрасный образ у белозерского сказочника Гр. Медведева: «За тридцать земель, в тридесятом царстве есть диво: стоит дуб, а в этом дубу ходит кот, вверх идет — песни поет, а вниз идет — сказки сказывает». Впрочем, не исключена возможность, что этот образ вторичного происхождения и навеян пушкинскими стихами. Срв. еще в неоконченном печатании сборнике Калининкова: «кот морской лапой морду утирает, под дубом ходит, народ зовет слушать сказки, песни распевает». Совершенно необычно — введение Чупровым мотива чудесного бегства и погони. Такое соединение более нигде не встречается.

3. Ц а р ь и Ч е р е п а н. Один из распространеннейших вариантов сюжета,носящего обычно заглавие «Умные ответы» (А н д. 921, II). Наиболее близок к тексту Чупрова вариант А ф а н а с ь е в а (186 а и б): в первом из них царь задает боярам загадку: «кто на свете лютей и злоедливей всех». Разгадывает Горшня (синоним Черепана): «лютей и злоедливей всего казна».

Обычно в такого типа сказках дело кончается меной социальных положений. Бедняк-крестьянин делается боярином, а тот переходит в его состояние. Трагический исход варианта Чупрова возик, вероятно, под влиянием общего характера его репертуара.

СКАЗКИ А. НОВОПОЛЬЦЕВА

АБРАМ НОВОПОЛЬЦЕВ

ОВОПОЛЬЦЕВУ принадлежит одно из первых мест в галлее мастеров русской сказки; по количеству же и разнообразию записанных от него текстов, по богатству своего репертуара он занимает бесспорно первое место. От него записано 72 текста; некоторые из них являются только короткими рассказиками-анекдотами или легендами, но в основном, его тексты очень значительны по своему объему; вместе с тем его репертуар крайне разнообразен: здесь и волшебная сказка и сказки-новеллы, и сказки о животных, народные анекдоты и легендарные предания, местные предания и т. п.

Но облик самого Абрама Новопольцева представляется весьма неясным и даже несколько интригующим. О нем не сохранилось ровно никаких сведений. Записи его сказок были сделаны в 70-х годах прошлого века известным собирателем-фольклористом Д. Н. Садовниковым. К сожалению, собиратель скончался, не успев привести в порядок и обработать собранные им материалы. Сборник вышел в свет уже после его смерти; сведения же о самом сказочнике, которые он предполагал предпочесть собранию текстов, так и остались неопубликованными и позже затерялись.

Мы знаем об А. Новопольцеве, что он крестьянин

села Помряськина, Ставропольского уезда, Самарской губернии. И это все. Да сам он эскизно зачертил себя в одной из своих сказок — в сказке о «спящей девице», в которой он сочтал два сюжета: «мертвой царевны» и «оклеветанной жены». Традиционное в сюжете последней появление переодетой в мужское платье оклеветанной дочери (уже ставшей царской женой), рассказывающей свою историю и изобличающей клеветников, он передает следующим образом: «Восходит молодец: «Мир вам гостям на беседе». — «Просим милости, добрый молодец». — «Что вы сидите, водку пьете, а ничего не говорите? Должно-быть вы спать хотите? Поднесите воточки стакан — я шуточки пошучу!» Они спрашивают: «А ты чей такой?» — «А вот я, из Помряськина сказывальщик».

В этой беглой зарисовке все же как будто можно угадать основные черты волжского мастера. Это знакомый тип сказителей-балагуров, неизменных участников «веселых бесед», любимых членов артелей, тип сказочника-увеселителя, как называют его некоторые исследователи. Его стиль вполне соответствует такому беглому построению. Сказительское мастерство Новопольтцева обнаруживается не столько в психологической или социальной творческой переработке основных элементов сказки, сколько в ее внешне-формальной стороне. Основная манера его — рифмовка, которая является одним из типичнейших приемов этого балагурного стиля. Это стремление к рифмовке распространяется почти на все части его сказок, у него зарифмованы зачины, концовки, типические сказочные формулы и даже описательные места и некоторые части диалогов. Примеры — в изобилии дает приводимая здесь сказка об Иване-Царевиче и Марье-Красе, с ее замечательными зачинами. Иногда у него даже встречаются небольшие тексты, уже почти сплошь зарифмованные, напр. «байка про тетерева».¹

¹ Вот отрывок: «... в снегу ночью ночевал, по утру рано вставал, по вольному свету полетал, громко шибко покричал, товарищев поискал. Спустился на землю, свиделся с товарищем. Они тут поиграли, носом из носу сюнку принимали, по кусточкам бродили, местечко искали, гнездышко свивали, яйчушко сносили, детушек выводили» и т. д.

Таким образом, рифмовка является основным стилистическим приемом, как бы направляющим течение сказки по определенному руслу. Рифмовкой определяются собственные имена: «Тот же час и старичок Тарас», «Вот солдат, — его звали Лоха — видит: его дело плохо»; рифмовкой же и соответствующими ей аналогичными приемами определяются и характеристики и некоторые сюжетные положения. Э. Минц на анализе сказки о Соломоне удачно показал, как резко изменился традиционный сюжет в передаче Новопольтцева. «Сыплящий прибаутками и уменьшительными словечками, кузнецов сын, Соломон мало напоминает мудрого Соломона. Также и преступная Вирсавия, изображенная Новопольтцевым, выказывает скорее усмешку над беспутной бабёнкой, «забавляющейся воточкой» и «держашей пригудочку», нежели возмущение перед преступной женщиной. Так исчезает и основная традиционная тенденция — «противу злых жен».¹

Б. М. Соколов в своей книге о русской сказке относит Новопольтцева к типу сказителей-эпиков (на ряду с Ганиным, Чупровым, Семеновым); это — несомненная ошибка. У Новопольтцева — явное и резкое переформирование волшебной сказки. «Серьезная» волшебная сказка, как ее дают Чупров или Семенов, в его изложении приобретает совершенно иную установку. Он вносит разнообразные «потешные элементы», среди которых первое место занимает и «потешная, балагурная рифмовка», и таким путем придает новый вид и смысл сюжету. В волшебных сказках, где развитие действия ведет к нагромождению событий и где внимание слушателей приковано к тем или иным перипетиям судьб героев, Новопольтцев врывающейся потешной рифмической характеристикой или каким-нибудь другим аналогичным приемом резко меняет тон и направленность сказки. Напр., описание смерти старухи в сказке «Ванюшка и Аннушка» дано в таком комическом (потешном) плане: «У старика старуха умерла — ноги в стену уперла». Ее хотят хоронить — а она встает из гробу, лезет на колокольню звонить. Но то на нее не взирали, тот же час

¹ Э. Минц. Черты индивидуального и традиционного творчества в сказках о царе Соломоне. «Художеств. фольклор», IV—V, стр. 111.

в землю зарывали». В таком же плане, таким же методом изображение горькой участи сирот: «Ванюшка и Аннушка плачут и рыдают, свою мамоньку вспоминают. А вот же не родная ее мать — называет ее...» и т. д. В результате — типичнейшая, трогательно-сентиментальная сказка в изложении Новопольцева совершенно утрачивает свой обычный характер.

Так определяется основной интерес и художественный метод А. Новопольцева и его своеобразное место в русской сказке. Соответственно этому и основной жанр его, где с наибольшей силой проявляется его мастерство — новеллистически бытовой, в плане которого он передает и волшебную сказку. Поэтому А. Новопольцева можно считать — как это уже неоднократно высказывалось в литературе — типичным представителем наследия скоморохов. Н. Л. Бродский указал, что у него даже сохранились некоторые типичные скоморошьи формулы. Такова, напр., концовка: «... а нам молодцам по стаканчику пивца»... и т. д. (см. № 5). Упоминание о молодцах в устах Новопольцева, в едином числе сказывавшего сказку, ясно указывает на застывшую, традиционную прибаутку — формулу скоморохов.

Эту унаследованную скоморошью манеру Новопольцев развил дальше и перестроил в этом плане почти все сказки, которые он где-либо выслушал. Но перестройку им сказок затронуло, главным образом, формальную сторону. Реалистическая стихия хотя и пробивается кое-где, но ни разу не достигает такой силы и высоты, как у других сказочников, реалистов по преимуществу (П. Богданов, А. Ломтев, Н. Винокурова и др.).

Слабо отражены у него и черты местного быта, хотя река Волга довольно часто фигурирует в его сказках. Зато совершенно неподражаемы у него неоднократно вводимые им в рассказ прибаутки и трактирные сцены. Здесь как будто сказочник чувствует себя в родной и близкой сфере и недаром он зачертил себя веселым молодцом, любящим «шуточки пошутить». Невольно угадываешь за этим одним из представителей крестьянской богемы, какого-нибудь безземельного (или малоземельного) крестьянина, скитающегося по разным селам и являющегося желанным гостем шумных «деревенских бесед».

Интерес к формальной стороне и балагурству отразился и на социальной стороне его сказок. Социальные моменты и социальные тенденции в его текстах очень слабо подчеркнуты — исключение составляют только сказки о барах, но это принадлежит уже к числу общих явлений крестьянских сказок.

4. СПЯЩАЯ ДЕВИЦА

ИЛИ-БЫЛИ два брата. У одного было два сына, а у другого сын да дочь. Первый победнее был и занимался хлебопашеством, а второй — побогаче, торговал. Нынче купил рублей на десяток, а на тот год побольше. Растроговался шибко. Сам собирается на ярманку в Нижний, а дочку дома оставил. Брат брату и наказывает: «Ну, братец, похаживай к нам, посматривай».

Вот стал он похаживать, стал посматривать и стал девушку одолевать. Она ему не поддалась и прямо из дому по шее выгнала. Дядя сейчас к брату письмо написал, что его дочь живет здесь непостоянно, занялась худыми делами, разные банкеты. Отец письмо прочитал и говорит сыну: «Сынок, деньги выходят все, поезжай домой к сестре, деньги у нее возьми, а ее зарежь; лёгкую, печонку и сердце ко мне представь!»

Сын думает: за что зарезать? Поехал. Приезжает домой: сестра рада, встречает его, горько плачет. «Оставили — говорит — здесь меня на большое пострадание». Брат спрашивает: «Кто тебя здесь острамил?» — «Жить нельзя: один дядя донял!» Он и говорит: «Сестра, батюшка приказал тебя зарезать!» — «За что?» — «Дядя письмо прислал, что ты живешь здесь непостоянно». Она горько заплакала, во слезах слово промолвила: «Эх, брат, говорит, родимый, распросите всех добрых людей, как я жила». Брат и говорит: «Ну, сестрица моя, подай мне деньги!» Она ему отдала. «Ну, сестрица, испеки сорок печей калачей, да поедем: я тебя в темный лес отвезу. Живи век там; батюшка приказал зарезать тебя; я не буду».

Напекла она калачей, и отвез ее брат в темный лес, в превеличайший овраг. Устроила она там себе хижину и топерь там живет. А брат к отцу уехал. Была у них маленька собачонка; он собаченку зарезал, вынул сердце и печонку и повез к отцу. Привез; тот спрашивает: «Что, зарезал?» — «Зарезал!» — «Давай сердце и печенку!» Он ему подал. Тот бултых их в Волгу.

Стал купец торговать, а девушка в овраге горюет; и пища у нее вся вышла. Пошла по зеленому лесу гулять и нашла среди лесу огромный дом, весь тесом загорожен. Взошла к воротам, отворила их, походила, походила по двору: нет никого. Взошла в особую комнатуточку, села и затворилась.

Вот приехали разбойники с разбою, ходят и видят, что кто-то был. Искали, искали — не

найдут. Стали они говорить: «Если добрый молодец, выходи — братцем будешь; если старая старушка — будешь матушкой; если красная девица — будешь нам сестрица!» Она услышала и выходит к ним. Они сидят за столом, чай кушают и водочку пьют. Они ей весьма обрадовались; было их двенадцать разбойников, тринадцатый атаман. Они друг дружку все пригнали к божбе, чтобы всем ее слушаться: «Если она помрет, то мы должны друг друга убить». Стали жить вместе и допустили ее до всего. Она про них стряпала, и разрядили они ее в разную одежду, как все равно барыню, и любо на нее посмотреть.

Пошел из того села, из которого она, охотник и запутался; попал в этот дом. Пристигла его темна ночь. Разбойники были на разбое. Он ночевать остался; девица его напоила, накормила и от темной ночи призрела. На утро встали, позавтракали, и домой его проводила. Приходит он домой, спрашивают домашние: «Где ты был?» Он рассказал. «Живет, говорит, в таком-то лесу девица; там я и был». Дядя услышал, стал охотника расспрашивать, где бы ее найти. Он ему рассказал. Дядя брэдү и волоса обрил и пошел туды. Нашел он старуху колдунью, попросил: нельзя ли племянницу как уморить. Она дала ему мертвую рубашку. «На понесай к ней да ей и отдай. Она тебя не узнает. Вот, мол, это тебе матушка на смерть рубашку прислала».

Он взял и пошел. Приходит в зеленый лес, нашел этот дом, ночевать просится. В ефто время разбойников дома не случилось. Она спрашивает:

«Чей ты? Откуда?» — «Я, говорит, из того села, отколе ты сама была. На вот тебе, матушка рубашку на смерть прислала». Она рубашку принимала, его в лицо не узнала; напоила, накормила, со двора проводила. Как ушел, она и вздумала рубашку померять. Надела, легла да и умерла. Разбойники вернулись домой. До этого приезжали, и она к ним выбегала и ворота отворяла, а теперь встретить некому: она мёртва. Въехали разбойники на двор, да ахнули. «Ах, братцы, у нас дома нездорово. Мотри, нашей сестрицы в живе нет». Взошли в свою горницу: она лежит мёртва. Они сошлись, поплакали. А она не умерла, только обмерла.

Стали они думать, куда ее девать, где ее закопать. Стали гроб делать. Слили ей гроб серебряный, крышечку золотом убили; поставили превеличающих четыре столба и сделали там кроватку; положили девицу в гроб и поставили его на кроватку, будто скоронили. Сошлись в горницу. «Давайте, братцы, говорят, руки умывать, да свою сестрицу поминать, и будем сами помирать». Зарядили все ружья и убили все сами себя. Вся их жисть кончилась.

Царский сын поехал на охоту и подъехал к этому дивному дому. Дом не очень дивный, а устроена больно дивно беседка. Тем дивна, что высока и раскрашена хорошо. Смотрит и дивится он: что такое это? Наверх — лесенка. Он влез и видит: золотая гробница; в гробнице — красная девица. Он крышечку открыл, она лежит, как живая, и румяница играет в лице. Такая лежит красавица, что ни вздумать.

ни взгадать, ни пером написать. Он вынул ее из гроба, привязал на седло и поехал с ней домой.

Приехал н о ч н ы м б ы т о м, тихоцько. Устроена у него была особая спáльня, он ее на кроватку, во спáльну положил; спит с ней с мертвой кáжну ночь и день на нее любитсЯ. Так стал о ней тосковать, плакать, из лица стал пропадать, что отец с матерью стали примечать за ним, что он не весел. «Что ты, сыночек, не весел больно?» Он не сказыват. Стали за ним примечать, куды днем ходит. Все — в спальну. Спрашивают отец с матерью: «Что это ты все в спальну ходишь? Кто там у тебя?» — «Нет никого». И спальну запираТЬ стал. Отец с матерью говорят: «Отопри нам!» Отпер он им. Посмотрели: лежит мертвая девица. Они индо обеспамятили. «Где ты ее взял?» — «В таком месте — говорит — в лесу нашел». И стали они его глупого журить: «Что ты делаешь? Что ты мертвого человека жалешь? Надо его предать к земле».

Сделали ей гроб и стали ее обмывать и другу одежду надевать. Как стару одежду скинули, так она стала жива. Они ее нарядили, снова ее окрестили и с ним обвенчали. Стали они жить да быть, худо проживать, а добро наживать. Долго ли мало ли пожили, ей захотелось на родину побывать; стала она его к родным звать. Ему ехать нельзя; она стала проситься. Он отпустил, посадил ее на прохóд [пароход] и дал ей провожатого. Ехали, ехали провожатый ста́л ее притеснять к худому делу, чтобы сделать сйни минякй, а то давай сделаем ш)л да

гинё. Она не соглашалась. Пристали они на пристань; она и говорит: «Я больно до ветру хочу». Ушла да ушла. Ушла в лес — хватъ: ее нет! Провожатый ну искать; говорит хозяину прохода: «Стой! Царица пропала!» Хозяин спрашивает: «Куды же она делась?» — «Вот тут-то», говорит: «ушла до ветру».

Народу на проходе было несколько; пошли по лесу искать. А она нашла превеличающее дуплѣ и залезла в него. Много раз они мимо проходили, а не нашли. Тем и дело кончилось. Кому она на руки была отдана, тот обратно отправился. Приезжает к царю и рассказывает, что пропала царица. Стал царь его выспрашивать: «Как это ты не видал?» — «Сказала, что до ветру пойдет и топерь там».

Как народ из лесу убрался, идет второй проход. Она подала царский знамен; проход остановился, отстегнули легкую лодку и — на проход. Она и говорит: «Хозяин, доставь меня до такого-то места» (где она рождѣна). Тот ее доставил. Она прибыла туды, нарядилась в мужскую одежду, остригла волоса по мужскому; а отец ее шибко торгует. У ее отца идет бал, что и чорт не спознал. Все пьют, гуляют, и он к ним пришел.

Они сидят, как мы с тобой, водочку попивают, дрема их одолевает. Восходит молодец: «Мир вам, гостям, на беседе!» — «Просим милости, добрый молодец!» — «Что вы сидите, водку пьете, а ничего не говорите? Должно быть, вы спать хотите? Поднесите водочки стакан, я шуточки пошучу!» Они спрашивают: «А ты чей такой?» — «А вот я из Помряськина рассказы-

валъщик». — «Ах, брат, Расскажи-ка нам, да хорошеньку!» — «Ну, братцы, я вам скажу сказку. Слушать да не смеяться, а кто знает — не переговаривать! Кто будет переговаривать, тому буду по плюхе давать!» Они подписку дали, что не будут, он и стал им сказку рассказывать:

«Жили два брата; у одного было два сына, у другого сын да дочь. Один брат шибко хорошо торговал, собрался раз на ярманку, а дочь дома оставил и наказывает брату: «Ну, братец, похаживай к нам да посматривай». Дядя стал похаживать и зачал девицу одолевать... «Врешь, говорит: дурак!» закричал дядя (а он тут был). Молодец подошел к нему да в ухо! Дядя промолчал, только затылок почесал. Стал молодец опять сказку сказывать: «А брат, что на ярманке был, этого дела не знал, прислал своего сына, чтобы у девушки деньги отобрать, а ее зарезать и сердце с печенью представить к отцу. Брат сестру пожалел, зарезал собаку и послал в Нижний, а сестру в лес отвез». Отец и говорит на это: «Неправда, молодец!» Молодец засучил кулак да и говорит: «Ну, батюшка, и тебе бы надо дать плюху, подле уху, да закон не велит! Я — дочь твоя!» С отцем она тут спознала и дочкой ему называлась.

Стали разговаривать, что было и как; дядю из горницы выгнали в шею. Молодец и говорит: «Спасибо тебе, братец, не заставил ты меня умирать, а заставил по вольному свету погулять. Я по вольному свету гуляла, добра себе много принимала. Поедьте, тятенька, со мной». — «А куда? Ты може серчаешь на меня?» — «Я, тятенька, ведь, вышла замуж за

царского сына». И рассказала ему все. Они сели на прохòд, да всей семьей и туды.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Прошло три года. Приплыли они на свое место, к царю во дворец. Муж ее сейчас узнал. «Где была, голубушка?» — «Я, милый друг, горя много приняла и злодея видала и волоса свои подстригала, ночевала в темном лесу, в дупле». Стал ее муж выспрашивать, отчего в дупле ночевала. «А меня твой посланник донял. Я на худы дела не согласилась, в темный лес ушла, в дупле ночевала, потом к отцу поехала своих повидать. Вот — мой батюшка, а это родной брат!» И стали все жить вместе да богатеть. Я там был, мед-пиво пил, по усам-то текло, да в рот не попало.

5. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И МАРЬЯ-КРАСА, ЧЕРНАЯ КОСА

В некотором было царстве, в некотором государстве, не в нашем было королевстве. Это будет не сказка, а будет присказка; а будет сказка завтра после обеда, поевши мягкого хлеба, а еще поедим пирога, да потянем бычка за рога.

Жил был царь Иван Васильевич, у него был большой сын Василий-царевич, а второй был сын Митрий-царевич; малый сын был Иван-царевич. Вот Василий возрастал на возрасте и вздумал его царь женить и очень долго невесту не находили. То найдут невесту — отцу с матерью хороша, ему не нравится; то

он найдет себе невесту — отцу с матерью не кажется.

Вот идет же Васплий-царевич путем дорогой, по широкой улице, повстречается ему старуха, толстое ее брюхо, и говорит Василью-царевичу: «А вот я тебе, Василий-царевич, невесту нашла!» А он ей и говорит: «Где же ты, бабушка, нашла?» — «А вот у этого генерала дочь, вам нужно ее замуж взять».

Приходит Василий-царевич к своему тятеньке и говорит: «Тятенька я невесту нашел, вот у такого-то генерала дочь». Тятенька говорит ему, что можно ее замуж взять. У царя неколи было пиво варить и неколи было ви́па курить. Пива много наварили и вина накурили, и повели их венчать.

Привозят от венца, кладут на ложу. Вот на ложу он с ней не ложился, а в чистое поле от нее отшатился и теперь там на коне ездеит. Хватились отец с матерью, что Василья-царевича в доме нет, и негде его искать.

Иван-царевич и спрашивает своего тятеньку: «А что, тятенька, это у нас за женка?» Отвечает ему царь: «Это вам невестка». — «А где же у ней муж?» — «Уехал в чисто поле давно, и теперь его нет». И говорит Иван-царевич: «Тятенька, благословите, я поеду братца искать, Василья-царевича». — «Бог тебя благословит», сказал царь, «знать ты мне не кормилец».

А вот оседлал Иван-царевич доброго коня и поехал во чистое поле, во дикую степь своего брата искать, Василья-царевича. Во чистым поле во дикой степе раскинут был бел шатер; во шатре почивал Василий-царевич.

Подъехал Иван-царевич ко белу шатру, восходил Иван-царевич во белой шатер и хотел его сонного убить (не знает чей такой) и думает себе: «Что я убью его сонного, как мертвого? Не честь, не хвала мне доброму молодцу, а дай-ка лучше ото сна его разбужу, ото сна его разбужу и всё подробно его спрошу и чей такой и откудава и куды путь держит».

Вдруг проснулся Василий-царевич и стал спрашивать: «Чей ты такой, добрый молодец?» — «Из такого-то царства и такого-то отца-матери». — «А чего тебе нужно?» — «А мне нужно где бы найти брата своего, Василья-царевича». Сказал ему Василий-царевич: «Кто ты таков?» — «Я Иван-царевич!» — «Иван-царевич у нас», сказал Василий-царевич, «трех лет в зыбочке катается». Отвечал Иван-царевич: «Он сейчас не в зыбочке катается, а по дикой степе на коне помыкается и хочет розыскать своего брата Василья-царевича». И сказал Василий-царевич: «Я сам он».

Сели они тут на добрых коней и поехали, куды знают. Заехали в зеленые луга — ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Уехали далече. Они сами на конях приустились, и кони их притупели, и шелковые плети они приразбили. И сказал старший брат Василий-царевич: «А дава-ка, брат, отдохнем и коней покормим!» Сказал ему Иван-царевич: «А что знаешь, братец, то и делаешь». Слезли с добрых коней и пустили их по зеленым лугам. Сказал Василий-царевич: «О ты брат Иван-царевич, ляг отдохни, а я пойду по зеленым лугам, не найду ли поганого зайчишки; убью, к тебе принесу,

мы его зажарим». А сказал Иван царевич: «А ступай, братец, с богом!»

И пошел Василий-царевич, куды знает, и подходит к превеличающему к синему морю, и тут является хижинка. Восходит Василий-царевич в хижинку. Посмотрел: в хижинке сидит красная девица, сидит, горько плачет и перед ней гроб стоит. И сказал Василий-царевич: «Что ты, красная девица, плачешь?» — «А как мне, Василий-царевич, не плакать. Последний я час на вольном свете. Сейчас вылезает из моря змей и меня поедает». Сказал ей Василий-царевич: «Не плачь, красная девица: я бы был жив, будешь и ты жива!» Лег Василий-царевич к ней на колени и сказал: «Поищи, красная девица, меня». Стала та искать, он и крепким сном уснул.

И вот во синее море разбушевались сильные волны, и поднялся лютый змей, и башка его — трехведерный котел; вылезает из моря, идет съесть красную девицу. Она крепко его будила: «О, Василий-царевич, проснись! Съест нас с тобой лютый змей!» Спит Василий-царевич, ничего не чувствует. Роняет красная девица из правого глаза горячую слезу и пала горячая слеза Василию-царевичу на белое его лицо, и как пламенем обожгло. И проснулся Василий-царевич и смотрит, что лезет лютый змей; вынул свою саблю вострую, махнул его по шее и отвалил дурную его башку. Туловище захватил, в море бросил, а дурную башку под камень положил. И сказал Василий-царевич красной девице: «Вот я жив и вы живы!» «Благодарю, Василий-царевич, буду я вечно твоя жена».

СКАЗКА

о Еленѣ Царевичѣ и оцѣливѣ белой рубашкѣ.

Жилъ былъ Царь поимѣни хатей утлого Царя хатей были три сына першом Асиръ Царевичъ другой Адамъ Царевичъ а третій Еленъ Царевичъ потомокъ былъ меньшом братѣ и начали два больша брата уотца слово Царя хатей проситися въ ямы государствъ посылати людей посмотреть себѣ показать Царь хатей въ свой родителски благословени ихъ отпустилъ владѣ и покоравати попоры бы и пчюжисе государствъ можно было бхати меньшом братѣ Еленъ Царевичъ узнавъ что братья его отбѣздаю ввинныя земли иосече самъ захотѣлъ вместе стити бхати и посмотреть вностраны тѣств онъ пришолъ въ злобъ своему царю дачю нечело ислерати унесо проситися чтобы его отпустилъ сорастьни дѣствѣ Царевичи ему скаралъ гонбъ мой царюцелымъ Еленъ Царевичъ ты еще маало иидорранимъ трудимъ тебѣ чинъ владъ твоео гонстунъ тебе лучше отъ бхату дождь нота не ютислать оче ты думася влито Еленъ Царевичо тыю слыво захотелосъ

Сказка о Силе-царевиче и о Ивашке белой рубашке.

И отправился Василий-царевич к своему брату Ивану-царевичу. Приходит, ничего не приносит. «Не нашел, брат, ничего».

А эта девица красная была привезена из иного царства. Тут чередовали людей каждую ночь. У иного царя был дворной дурак, и посылает его царь посмотреть, что делается в келейке. Дурак запрет троюного коня лошаденку, худеньку тележонку, положил на нее бочку и поехал в море за водой. Взошел в келейку — красна девица живая сидит. Он же дурак сохватил ее в беремя, посадил на бочку и повез домой. И сказал дурак царю: «Я, говорит, убил вашего змея!»

Царь больно обрадовался, и свою дочь за него замуж выдавал (котору он привез). Тут такое-то было гулянье! Двери были растворены, и кабаки были все открыты. Вот этого было вина из смоляной бочки и пить нельзя! И был так пир навеселе и такой бал, что и чорт не спознал. Вот дурак стал с ней жить да быть, да добро наживать, а худо-то проживать.

А Василий-царевич да Иван-царевич сели на добрых на коней и поехали в иное царство, где этот пир идет. Приезжают к царю. Царь их встречает и крепко их почитает и сказал же Василий-царевич: «А что, царь, у тебя за бал?» Отвечает ему царь: «Я дочку замуж отдал!» Сказал Василий-царевич: «А именно за кого?» — «За дворного дурака!» — «А по какой причине?» — «Он от смерти ее отвел». Рассказал ему царь поведение, что у них каждую ночь тут был человек на съедение. Повезли на съеденье дочь, а дурацкая харя поехал на море

пó воду и срубил с змея голову, а дочь живую привез. Взяли ее да замуж за дурака и отдали.

Василий-царевич и говорит: «А что, йнн ый царь, надо бы этого змея мертвого посмотреть. Позовите своего зятя; он должен нам его указать, где он лежит». Позвали дурака. «А поди же, дурак, с нами иди же», сказал Василий-царевич, — «укажи, где змей лежит». Больно ему стало грустно, что дурак с его нареченной невестой лежит. Подводит дурак к морю и говорит: «Вот тут лежит». Василий-царевич и говорит: «А подайте-ка неводà, да еще мастеров сюдà. А кто может неводом ловить и вдоль пó морю бродить?» Появились мастера, кидали шелковые неводà — а тут нет ничего. А он, дурацкая статья, не видал никого.

Василий-царевич и говорит: «Рыболовы господа! Киньте неводы вот сюда!» Кинули неводы и вытащили престрашную чуду, туловище. И сказал Василий-царевич: «А скажи-ка, дурак, где его голова?» Тот не знает ответить чего. «Вот, дурак где голова: под камнем». Подходит дурак к камню и не может его с места тронуть. Сказал Василий-царевич: «Напрасно судьбу, дурак, взял: не ты змея убивал». Поднял Василий-царевич камень и вытащил главу, и сказал йнному царю: «Я похитил вашего змея!» Инный царь оголил свою саблю востру и срубил с дурака буйную его башку за то, что он криво сказал, а свою дочь за Василия-царевича обвенчал.

Вот тут пили и гуляли, так веселились и несколько времени проклажались. И сказал Иван-царевич своему брату Василию-царевичу:

«Поздравляю с законным браком. Ты нашел себе невесту, а де же мне будет искать? Видно, надо по вольному свету попытаться, себе сужену поискать». Сели они за стол чайку покушать, а вечер пришел, легли по разным комнатам отдохнуть. Спрашивает Василий-царевич у своей молодой жены: «А что есть ли на сем свете краше тебя и храбрее меня?» Сказала ему красная девица: «Ну, какая моя краса? Вот за тридевять земель, во десятом царстве есть Марья-Краса, Черная Коса, отличная хороша; только взять ее мудрено. Есть там еще Карка-богатырь, и образец его, как сенной стог. Не могу знать, кто из вас сильнее».

Василий-царевич и сказал брату своему Ивану-царевичу: «А вот, братец, где невесту тебе назначили». Иван-царевич с ними распрошлся, в дальний путь-дороженьку собирался. Взял он в руки острый нож и говорит: «Когда этот вострый нож кровью обольется, тогда меня живого не будет». И поехал в чисто поле, в дикую степь, себе сужену искать.

Ехал долго ли коротко ли и стоит избушка, на куричьей голяшке поворачивается. «Избушка! Избушка, встань ко мне передом, а к лесу задом!» Избушка встала к нему передом, а к лесу задом. Лежит в ней Ягая баба, из угла в угол ноги уперла, титьки через грядки висят, маленькие ребятенки посасывают, страшный большой железный нос в потолок уперла. «А! Иван-царевич, от дела лытаешь, или дело себе пытаешь?» Отвечает ей Иван-царевич: «От дела я не лытаю, а себе вдвое дела пытаю: еду за тридевять земель, в тридесятое царство найти

Марью Красу, Черную Косу». — «Ох, — говорит Ягая баба, — мудрено ее взять и мудрено ее достать! Она очень далече. Поезжай еще столько, да полстолько, да четверть столько».

Сел Иван-царевич на добра коня и поехал. Ехал-ехал путем-дорогою и наехал до огромного лесу и захотел больно поесть. Стоит превеличающий дуб; на дубу шумят пчелы. И он с добра коня слезал, на зеленый дуб влезал, медку поесть хотел. Отвечает пчелиная матка: «Не трогай, Иван-царевич, мой мед: невкоторое время сама я тебе пригожусь!» Вот Иван-царевич так на ее слова спонадеялся, на сыру землю с дуба спускался; сел на добра коня и поехал, куды ему путь лежит. Не может на коне сидеть: крепко есть хочет. Бежит ползучая мышь гадина. Спрыгнул Иван-царевич с добра коня, сохватил и хочет ее есть. Говорит мышь Ивану царевичу: «Не ешь меня: я тебе невкоторое время пригожусь». Бросил ее Иван-царевич и дальше поехал. При большой дороге — небольшая бакалдинка воды и ползат рак. Вот Иван-царевич больно ему рад, хочет его поймать и на огонечке испечи. Говорит ему рак: «О ты, Иван-царевич, хоть ты мне и рад, а не тревожь ты меня: я тебе пригожусь». Иван-царевич крепко осерчал и рака в воду кидал. «А будь де тее не ладно! Всё жив буду, не умру!» И опять поехал путем-дорогой.

Ехал много ли мало ли, долго ли и коротко ли, доехал до Карки-богатыря. Приезжает, его дома не заставаает, только одна его мать. Она его увидала и крепко узнала.

«Ох, Иван-царевич, давно тебя ждет Кáрка-богатырь!» Иван-царевич и говорит: «А скажи-ка, бабушка, где он?» — «Третий год за невестой ездит». — «В какую сторону?» — «За царем-девицей. Третий год ездит и сужену себе не достанет; тебя крепко желает и на тебя больно сердчает: А! только бы он подъявился — живого съем! — А поди-ка выдь во чисто поле во дикую степь, а возьми-ка подзорную трубу, а не едет ли Кáрка-богатырь? Если с радостью едет, вперед его ясен сокол летит, а если печальный едет, над ним черный ворон вьется».

Поглядел Иван-царевич в подзорную трубу, увидал Карку богатыря, и над его главой черный ворон вьется. Вот и сказал Иван-царевич баушке: «Несчастный едет». — «Ну», говорит баушка: «куда же мне тебя деть? Он едет сердитый». Отпирает кладоушочку и запирает замком. «А вот», говорит, «тут ляг, полежи. Я первая его водочкой угощу и про тебя расскажу». Явился Карка-богатырь, говорит мамыньке: «А пожалуй-ка, мамынька, испить!» Наливала ему баушка чарочку бражки; он чарочку выпивал и пьян не бывал. «А да-ка, мамынька, еще!» А другую выпивал, на весел позывал. Спрашивает его мамынька: «А де сужена, сынок, твоя?» — «Измучил, мамынька, себя!» — «А если бы Иван царевич приехал?» — «А вот вот было бы мне хорошо: достал бы я себе Царя-Девуцу, не один, а с ним, и научил бы его, как достать ему Марью-Красу, Черну Косу!» Баушка и говорит: «А чай бы его сейчас ты не тронул?» — «Ох, ты мамынька моя!

Кабы он сейчас был у меня, за руки бы его принимал и в сахарные уста бы целовал». Сударыня его матушка и говорит: «А он здесь, сыночек, спит в кладошечке».

Вот Карка обрадовался, сам в кладовую собирался; за руки его принимает, за дубовый стол сажает, чаем-водкой, угощает. И сказал Карка-богатырь: «Ох, ты брат Иван-царевич, а я только про тебя слышал, как ты родился и в зыбочке катаешься!» Иван-царевич и говорит: «Я не в зыбочке катаюсь, а на добром коне по дикой степе помыкаюсь. Я не привык в царстве царствовать, я привык по дикой степе летать и больше себе горя увидеть». — «А что ты, Иван-царевич, на добром коне по дикой степе помыкаешься, чего ты себе розыскиваешь?» — «А вот что», говорит Иван-царевич, «за тридцать земель, в тридцатом царстве есть Марья-Краса, Черная Коса; мне хочется ее достать и за себя замуж взять». Карка-богатырь и говорит: «Мудрено ее взять, а надо один раз умирать, тело и кости по дикой степе раскидать». — «Ох, брат любезный, Карка-богатырь, убытку не принять, так в торговом деле и барыша не видать; а если нам, богатырям, по вольному свету не полетать, да хорошей суженой не поискать — это нам не честь, не хвала, чтобы мы по вольному свету не лытали, чтобы нужды себе не видали». — «Ну», говорит Карка, «эту сказку, Иван-царевич, бросим, а еще нову начнем».

Тут начиналась сказка, начиналась побаска от сивки и от бурки, и от курицы виноходки, от зимняка поросенка наступчатого. Вот

Баба-Яга, деревянная нога.

поросенок наступает, сказывальщика с дерьма сбивает; вот сказывальщик, он был Недорода, сел класть на дорогу, где свинья шла. Карка-богатырь и говорит: «Ну да, брат, пошутил да и будет. А спроси-ка гуся не зябнут ли ноги? Я третий год езжу за своей нареченной невестой. Айда-ка помóги, да послушай, что я расскажу: у моей то невесте сорок кузнецов, как ударят сорок раз — и родятся тотчас сорок военных солдат, вооружены и на бой готовы. Да еще, брат, у моей-то невесте сорок деушек; они сидят в комнате; у каждой деушки сорок булавочек, а ох-то, как булавочкой-то ткнет, и солдат-то на бой готов. Я буду солдат-то бить, а ты будешь кузнецов-то рубить; я буду невесту любить, а ты деушек бить». Иван-царевич и говорит: Умру, брат, с тобой!» Сели да и поехали.

Приехали в Новодевиченское царство к Царю-Девнице. «Ты, брат Иван-царевич, близко не ходи, а по комнатам ходи, деушек руби, да кузнецов-то губи и близко ко мне не подходи!» Вот да они и поехали, а вот скоро и приехали. Начали силушку рубить, красных деушек душить и Царь-Девцу в плен брать. Не пиво нам было варить, не вина нам тут было курить, а дорого Царицу-Девку взять. Кузнецов-то погубили, красных деушек порубили, Царь-то Девцу в плен взяли.

Карка-богатырь ее взял и туго к сердцу прижал и отправились они с ней домой. Хватился Карка-богатырь, что с ним Ивана-царевича нет. «Ох», говорит, «мамынька, я его знать убил!» А Иван-царевич и говорит: «О да, брат, я здесь!» Они тут шили, гуляли, веселились. «Ну-

ка, Иван царевич, давай-ка выпьем по третьей. Я пью, гуляю, веселюсь и тятки с мамкой не боюсь!» — «Ох да, Кáрка-богатырь, головушка болит, больно мочи нет». И чаю не воскушат и водки не принимают. «Положи ты меня на воздух, на самый легкий!» Думает себе Иван-царевич: «Что мне Кáрка-богатырь рад или не рад? Дай я себе нарочно захвораю». И сделался болен, не может ног таскать. Кáрка-богатырь ходит за ним, как за малым детищем; вынес его во зеленый сад, положил на тесовую кровать, где бы можно его было ветром обдуть.

Лежит Иван-царевич в саду на кровати; прилетает к нему его большого брата первая жена, сидит в саду, подняла ногу: «Ох да, не попробавши товар да бросил меня!»

Иван-царевич прицелился из ружья, хлоп раз и попал ей в правый глаз. Она и улетела. «Ну, Кáрка-богатырь», говорит Иван-царевич, «благодарю тебя: при спок ои л ты меня хворого».

Немножечко время продолжало, Иван-царевич и говорит: «Ох брат, давай-ка, выпьем зелена вина!» Кáрка-богатырь больно обрадовался, сам за вином сбегал, водкой, чаем угощает и словами уешает. «Ох, ты брат ты мой любезный, как с устатку чуешь в себе здоровье?» — «А вот же, слава богу, старого по старому, а вновь ничего. Долго я здесь с тобой, Кáрка-богатырь, прогулял, путь свою дороженьку потерял. Что я задумал нужно делать и куды нужно надо ехать». Кáрка-богатырь и говорит: «Куды знаешь, туда и едешь». — «А куды, брат, я вздумал, туды и поеду!» — «Если я тебя, брат Иван-царевич,

не научу как ее взять, как держать — жив не будешь».

Вот Иван-царевич слезами заливался, полотенцем утирался и говорит: «А да и будет и прощай!» Сел на добра коня и поехал. Ударил своего доброго коня, бил его по крутым бедрам, пробивал его кожу до мяса, бил мясо до кости, кости проломал до мозга — его добрый конь горы долы перепрыгивал, темные леса между ног пускал. Ехать ему было три года, он доехал в три часа.

Приезжает в то место, где ему нужно, идет по широкой улице и спрашивает православных людей: «А где живет Марья-Краса, Черная Коса?» Попадается ему на встречу баушка просвирия, которая имеет проживанье с Марьей-Красой, Черной Косой, и готовит для нее кушанья. «Ох, баушка просвирия, а будь-ка ты смирна! Где бы мне повидать Марью-Красу, Черную Косу?» — «А на что тебе, Ванюшка, ее?» — «А хочется мне ее увидеть, в сахарные уста поцеловать, и за себя замуж взять». — Поди-ка, Ванюшка, да купи разных цветов, разных духов, а я пойду да ее в гости позову. А ты, добрый молодец, ляг на диван, спать-то не спи, а послушай что будет».

Вот Иван-царевич лег; баушка просвирия пошла к Марье-Красе, к Черной Косе, и говорит: «О, да здравствуй же Марьица-Краса, Черная твоя Коса! А пожалуй-ка ко мне в гости!» Марья-Краса обрадовалась и в гости к ней собиралась. Восходит к ней в комнату: воскрашена ее комната заграничными цветами и разными духами. Говорит Марья-Краса: «Где ты, баушка,

взяла заграничные цветы и разные духи?» — «Что по морю-то плывет все-то не поймашь, а что люди-то говорят, все не переслушаешь. Давь ка, Марьяца, мы с тобой сядем, да чего-нибудь придумаю». — «А что у тебя в чулане? Кто у тебя, бабушка, лежит на диване? — «А вот погляди!» Марья-Краса подошла к дивану и спрашивает: «А это что за мужик? А как бы я его поцеловала!»

Баушка не унимала и поцеловать заставляла. Ну же Иван-то царевич был не глуп, он пымал ее вдруг. Он ее пымал, во сахарные уста целовал, туго к сердцу прижимал. Они тут полежали, ну и немножко из прочего чего-нибудь сделали. Взял да будет, не скажу. Иван-царевич и говорит: «Благодарю, баушка, что ты меня свела и Марьюшку ко мне привела». А Марья-Краса, Черная Коса, и говорит: «Я буду вовек твоя, мужняя жена и неразлушная. Садись-ка, Ванюшка, на доброго коня и бери меня с собой. Я, Ванюшка, не расстануся с тобой!» Сели да и поехали на Ванюшкином на добром коне.

Как у Марьюшки-Красы было двенадцать братьев; приезжали к ней в гости, дома Марьюшки-Красы нету. Спросили у баушки: «А де же паша родная сестра, Марья-Краса?» Баушка и говорит: «Был злодей Иван-царевич, он и квас-от пил, а у Марьюшки квасницу не покрыл, и уехали они в путь дорогу». Вот же родные братья привели пегоньку кобыленку о двенадцати пежинах, сели каждый брат на пегину, сели да и поехали. «Догоним его, злодея, растерзаем, а ее отнимем!» Сколько мало

ли время продолжалось, они его догнали и сестру отняли; его изрубили на мелкие части, раскидали по дикой степе. Кровь во сыру землю, мясо в оронья клюют.

У любимого его брата, Василья-царевича, у его молодой жены выкатался из очей вольный свет: увидала в крове вострый нож и сказала мужу: «Посмотри-ка на вострый нож: твое родного братца в живе нет». Василий-царевич и говорит жене: «Ох да я ведь ничего не знаю! Ох да знать погиб!»

Во дворе же был царским превеличающий великий каракульский дуб; в этом дубу сохранялася живая вода и мертвая вода. Она сохранялася, никому не открывалася. Вот же Василья-царевича законная жена подходит к каракульскому дубу, слезно плачет и просит: «О батюшка, старый каракульский дуб, отпусти мне, ради бога, мертвой и живой воды!» Дуб не открывается, и из дуба воды не отпускается. Она ходила, ходила и сама себя крепко истомила: не может ног таскать и на плечах буйну голову держать.

У ней были две сестры родных, благочестливые девушки, и спрашивают ее: «Что ты, сестрица, худа? Что ты, сестрица, тужишь, что ты, сестрица, плачешь?» Отвечает она им: «Как мне не плакать? Пищи я не принимаю, темные ночи не сыпàю, жожу я на тятенькино широко подворье, к каракульскому дубу; все ночи простаивала, у каракульского дуба упрашивала: «Ох ты, батюшка, каракульский дуб, отпусти ради бога мне мертвой и живой воды!» — «А на что тебе, сестрица, живой и

мертвой воды?» — Ох, сестрицы, не знаете вы мово горя, что помер мой братец родимый, Василью-царевичу брат и мне такой же!» — «Пойдем-ка, сестрица, и мы с тобой, да помолимся богу, да попросим каракульского дуба, не отпустит ли он нам».

Собрались все три сестрицы родных, полуночные поклоны дубу клали, из глаз своих слезы роняли и дубу говорили: «Ох ты, батюшка, каракульский старый дуб, отпусти ты ради бога живой и мертвой воды!» Вдруг каракульский дуб открывается, и вода из него выпускается. Налила жена Василья-царевича два пузырька и говорит: «О ты мой милый муж да Василий-царевич! Оседмай-ка свово доброго коня, да поедем-ка куды я велю, да найдем-ка мы свово братца Ивана-царевича во дикой степе!» Сели да и поехали и на то место приехали, где Ивана-царевича мясо разбросано. Вот они мясо собирали, по суставчикам расклали, мертвой-то водицей помазали, а живой-то водицей спрыскали. Иван-царевич встал, встряхнулся, на все четыре стороны оглянулся и говорит: «О, да как я долго спал!» Отвечает ему невестка: «Кабы не мы, так и вовеки бы ты спал!» — «Спасибо-те, сестрица, пожалела ты меня, ну прощай и вапредки не оставляй!» Сел да и уехал.

Мы это бросим и другó начнем. А вот он отколь приехал, туды опять и уехал. Ударил Ванюша свово доброго коня своей шелковой плетью; конь его добрый осерчал и шибко его помчал. Приезжает Иван-царевич в ту сторону, где жила Марья-Краса, Черная Коса.

Нашел бабушку просвирню, она ему и говорит: «Поезжай-ка, Иван-царевич, куды я пошлю: через тридевять земель во десятое царство. Научу я тебя, как Марьюшку взять, как достать. Должен ты долго сам пострадать. Поезжай к ее баушке, а у той ли у баушки двенадцать дочерей. Они-то деушки да деушки, а будут сейчас кобылушки да кобылушки. Приедешь к баушке во двор, скажи ей: «А родима баушка! Нет ли продажной лошадушки?» Скажет тебе баушка: «Есть у меня двенадцать кобылушек, они не продажные, а заветные. А вот я тебе прикажу три дня их пасти, за работушку что ни лучшую взять лошадушку, а если не спасешь и домой не пригонишь, то мяса твоего наемся и крови твоей напьюся!» Василий-царевич¹ и думает себе: «А да-ка попытаю! Две смерти мне не будет, а одной-то я не миную и знаю за кого пропадаю».

Взял у баушки подрядился, да на утро хлоп-хлоп и погнал лошадушек пасти, пригнал их в зеленые луга. Испекла ему баушка со спящим зельем лепешечку. Он взял, закусил да крепко и уснул. Лошадушки по лугам разбежались, по кустам размырялись. Он крепко спал, вплоть до вечера пролежал.

Проведала то на дубу пчелиная матка и говорит своим дитяткам: «Полетайте, дитятки мои, во зеленые луга. Ванюшка крепко спит, не проснется. Его разбудайте, коней его собирайте!» И некоторая одна была сильная пчела, прилетает к Ванюшке и жалит его за белое лице.

¹ Несомненная обмолвка сказителя. Следует, конечно: Иван-царевич.

Ванюшка проснулся, горькими слезами заливался: ни одной лошадушки перед ним нет и не знает же он, где их взять и некого ему домой гнать. Вот пчела и говорит: «О, бери-ка, Ванюшка, кнут, да вот постой-ка тут! Пригоним мы тебе!» Как собрались все пчелки летать по зеленым лугам; они стали летать, стали брюнчать, стали кобылушек собирать, да Ванюшке на руки отдавать. «А вот да ну, Ванюшка, гони-ка!» Ванюшка взял да их кнутиком к баушке погнал. «На-ка вот тебе, баушка, исполнил твое приказание!» — «Ну ладно, Ваня, жди, что будет на утро».

На утро баушка встает, приказ Ванюшке отдает: «На-ка вот, Ванюшка, гони да сохранны пригони! На-ка вот тебе лепешечку за работу!» Он лепешечку взял, в пазушку поклад, выгнал кобылушек во зеленые луга, и так-то ходят кобылушки смирно, травку пощипывают, ключевую водицу прихлебывают, а походят да полежат. Ванюшка поесть захотел, взял да вынул из-за пазухи кусок; крепко закусил и шибко спать запустил. Думает, немного—до вечера проспал.

Вот кобылушки и стали по кустам мырять, по кустам да по кустам, по мышиним норам. А вот тут-то была мышинная матка, дорогу перебегала, больно была глэдка. Распорядилась старая мышь Ванюшку разбудить и кобылушек собрать. Побежала старая мышь: «Ох ты, Ванюшка, Ваня! Ночь-то на дворе, а мы плачем об тебе! Надо тебе встать и кобылушек домой гнать!» Встал Ванюшка, встряхнулся, горючими слезами залился и сказал: «Ох мать ты моя мать, старая мышь! Надо бы тебе добродетель мою знать

и кобылушек пригнать!» Старая мышь всех молодых мышей за ними послала; всех кобылушек собрала и погнал их Ванюшка домой. «На - ка тебе, баушка, я два дни пропас». — «Ох, Ванюшка, еще завтра день погоняй-ка! Завтра дальше, а хлеба-то бери больше».

Встал Ванюшка по утру собрался и погнал. Захотел поест, откусил лепешечку и заснул; проспал до вечера. Лошадушки по кустам размырялись, а рак увидал, всех их к Ванюшке согнал и его разбудил. Погнал Ванюшка кобылушек домой: «Будет, баушка; я тебе не слуга, а за работу денежки, а не денежки так деушки!» — «Выбирай, Ванюшка, любую кобылушку!» (А это не кобылушки, а красны деушки.)

Вот лег Ванюшка спать и приходит из двенадцати большая сестра и дает ему знать: «Что ты, Ванюшка, думаешь»: — «Сам не знаю что думаю». — «А возьми ты меня за себя замуж: я тебя добру научу». Ванюшка ей слово сказал и руку ей дал: «Будешь ты моя жена неразлушная!» — «Смотри же, Ванюшка, будь ты не плох, да не дурён: на двенадцать — одиннадцать дур, а самая малая умница. Нас всех к колоде расставят и насыплют всем овса; мы будем все жирные и гладкие, а наша малая сестра бежать-то больно быстра, она будет в колоде лежать. Ты возьми да и скажи баушке: «А вот, мол, ладно мне тощя́я-то!» Вот ты из колоды ее подыми, да мочальцем обр атай, да за пояску привяжи; скажи баушке: будет и прощай!» Ванюшка так и сделал.

Сел на коня и уехал к баушке просвирне, приехал и спрашивает: «А что, баушка про-

свирня, как повидать Марью-Красу, Черную Косу? Не поминат ли она обо мне?» Та и говорит: «Мы так думали, что тебя и живого нет, а если про тебя из нас двоих кто помянет, с того голову долой. А ну да ляг, Ванюшка, полежи, а я к ней схожу».

Приходит баушка просвирня к Марье-Красе: «А здравствуй, Марьюшка!» — «Здравствуй, баушка!» — «Давай-ка, Марьюшка, поиграем в карточки!» Взяли да и поиграли. Баушке-то досталась кралечка, а Марьюшке-то королек. И говорит баушка: «Э, да какой королек-то хороший, Марьюшка!» — «Быдто Иван-царевич, баушка!» — «Ох, Марьюшка, так-то так, да не ладно. Да-ка мне тупой топор, срублю твою голову! Ведь у нас с тобой уговор был: кто первый про Ивана-царевича помянет, с того голову долой». — «Ну да, баушка, будет да и ладно. Здесь нет никого, а кабы он был здесь, не рассталась бы я с нём». — «А Ванюшка-то, Марьюшка, на диване лежит!»

Марьюшка побежала, Ванюшку увидала, во сахарные уста целовала. «Ну, Ванюшка, ты помрешь и я с тобой!» — «Я бы был, Марьюшка, жив, будешь и ты жива!» Сели на кобылушек да и поехали.

Приезжают ее родные братья, спрашивают у баушки: «А де наша сестра?» Баушка и говорит: «Иван царевич увез.» — «Мы его терзали, да видно мало!» Сели двенадцать братов на двенадцать пежин, сели да полетели, как млад ясен сокол. Стали Ванюшку догонять; Ванюшка стал кобылушку под голяшку хлыстать. Вот кобылушка взвилась, как белый лебедь. Пегая

кобыла — выше, а под Васильем кобылушка еще выше.

Приехали к батюшке, а батюшка был старёхонек. Иван-царевич и говорит: «Здравствуй, батюшка!» Тот обрадовáлся, Ванюшке на белую грудь бросáлся, с Ванюшкой целовáлся. «Ох да ладно, Ванюшка, что приехал на свою сторонушку!» Тут и сказке конец, сказал ее молодец и нам молодцам по стаканчику пивца, за окончанье сказки по рюмочке винца.

6. БАРИН И МУЖИК

Жил был мужик; имел у себя много овец. Зимним временем большущая овца объягнилась, и взял он ее с двора в избу, с ягненокком. Приходит вечер; едет барин, попросился к нему ночевать. Подошел под окошко и спрашивает: «Мужичек, пусти ночевать!» — «А не будете ночью озоровать?» — «Помилуй! Нам бы только где темну ночку проспять». — «Заезжай, барин!» Взял барин с кучером на двор. Кучер убирает лошадей, а барин в дом пошел. На барине был огромный волчий тулуп. Взошел в хату, богу помолился, хозяевам поклонился: «Здорово живете, хозяин с хозяйшкой!» — «Добро жаловать, господин!»

Сел барин на лавочку. Овца волчий тулуп увидала и глядит на барина; сама глядит, а ногой-то топ, и раз, да и два, да и до трех. Барин говорит: «А что, мужичек, овца ногой топает?» — «Она думает: ты волк; слышит волчий дух. Она у меня волков ловит; вот ны-

нешнюю зиму с десятков пымала». — «Ах, дорого бы я за нее дал! Не продажна ли она? Для дороги мне она хороша». — «Продажна, да дорога». — «Эх, мужичек, да не дороже денег; у барина хватит». — «Пожалуй, уважить можно». — «А сколько она стòит?» — «Пять сот рублей». — «Помилуй, много. Возьми три сотенки».

Ну, мужик согласился, продал. Барин ночь переночевал, на зорьке встал и в путь собрался; хозяину три сотенки отдал и овечку взял, посадил в санки и поехал. Едет. Идут встречу три волка.

Вот овца увидала волков, так и прыгает на санях сама через наклёску сикает. Барин говорит кучеру: «Надо пускать: вишь она как раззадорилась!.. Сейчас пымат». (А она боится.) Кучер и говорит: «Постой немножечко, сударь, она раззадорится».

Сверстались волки с ними ровно. Барин выпустил овцу; овца испугалась волков, в лес полетела, коротким хвостом завертела. Как волки за ней залились, только снег раздуваются, а кучер за ней собираются. Поколе лошадушку выпрягал, в погонь за овцой скакал, волки овцу пымали и шкуру с нее содрали, сами в лес убежали.

Кучер подскакал — овца на боку лежит, а ее шкура содрана лежит. Подъезжает к барину. Барин его спрашивает: «Не видал ли чего?» — «Ах, сударь, хороша овца! Вся изорвалась, а волкам не поддалась!» Мужичек три сотенки получил, сидит топерь, барину сказочки рассказывает, а три сотенки в кармане лежат.

7. ПРО НУЖДУ

Вот как бедный мужичек, в худенькой своей одежёнке, в дрянненькой обувчёнке и работает в мороз, и резко рубит — не нагреется; лицо его от морозу разгорается. И въезжает в селенье барин, и не больше как двое, с кучером, и остановились. «Бог помочь, тебе, мужичек!» — «А спасибо же, сударь!» — «В какую стужу ты рубишь?» — «Эх, сударь, нужда рубит».

Барин этому делу изумлился, спрашивает кучера: «А что, кучер, какая это Нужда? Знаешь ли ты ее?» — «Я только сейчас сударь, слышу». Спрашивает барин мужичка: «Какая же это, мужичек, Нужда? Охота бы мне ее поглядеть где она у тебя?» Мужичек и говорит: «На что тебе, сударь?» — «Да охота мне ее поглядеть»,

И в то же время в чистом поле, на бугрыне, в зимнем време, как стояла со снегом былина. «А», сказал мужик, «а вон, сударь, на бугре Нужда стоит. Вон она как от ветру шатается, и никто не догадается». Барин и говорит: «Нет ли времечка тебе ее нам указать?» — «Пожалуй, можно, сударь». Сели на тройку лошадей и поехали в чисто поле Нужду глядеть.

Выехали они на бугрыну и проехали эту былину, а другая-то дальше стоит. И указывает мужик рукой: «А вон, сударь, она в стороне — нам ехать нельзя: снег глубок». — «Покарауль-ка», сказал барин: «наших тройку лошадей: я схожу, погляжу».

Барин слез да и пошел, а кучер-то говорит: «Да, сударь, возьмите и меня: и мне охота по-

глядеть». — «Пойдем, кучер!» И полезли по снегу два дурака. Эту былинку пройдут, другую найдут, а еще Нужду не видят.

Вот мужичек-то был не промах, выстегнул иху тройку лошадей, сел да и полетел. Только они его и видели. И не знают, куды уехал. Вот полазали по снегу два дурака, тут их постигла нужда. Оборотились этим следом, на дорожку вышли, к повозочке подошли, а лошадушек след простыл.

Думали, думали барин с кучером... Что делать? Лошадей-то нет, и повозку-то бросить жалко. Говорит барин кучеру: «Впрягайся-ка, кучер, в корень, а я хотя на пристёжку». Кучер говорит: «Нет, вы, барин, посправнѐ, немножко посильнѐ; вы — в корень, я — в пристёжку». Ну, нечего делать, запрегся барин в корень. Вот и везут да везут; повезут да пристанут.

Этот же мужичек припрятал ихих лошадей, надел одѐжку другу и пошел повстречу. «Что это вы, барин, повозку на себе везете? — Барин сердито говорит: «Уди. Это Нужда везет». — «Какая же это Нужда?» — «Ступай вон там в поле, на бугре!» А сам везет да везет.

До села доехал, лошадей нанял. Приехал домой на троечке, на чужих. Нужду увидал: тройку лошадей потерял.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты А. Новопольцева напечатаны в сборнике: Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб. 1872, под №№ 17, 4, 41, 67.

4. Спящая девица. Соединение двух сюжетов: об оклеветанной девушке (А н д. 883) и мертвой царевне (А н д. 709): схема первого сюжета обычно развивается следующим образом. Дядя, надзору которого поручена племянница, в отсутствии отца, пытается соблазнить ее. Потерпев неудачу, он клеветает на нее отцу, тот поручает сыну убить сестру. Брат, однако, не решается выполнить приказание отца и дает возможность сестре спастись. Она скрывается в лесу, выходит замуж за царевича. Один из приближенных пытается ее соблазнить; она убегает, переодетая в мужское платье. Под видом рассказчика на пиру она разоблачает своих гонителей и клеветников.

Такой тип представлен в сборниках О н ч. 80, С м. 3, 233; С о к. 26. Соединение этого сюжета с сюжетом мертвой царевны также традиционно. В такой редакции сказка представлена в сборниках: А ф. 121-б и у С о к. 26, 97. В последних двух вариантах дядя обольститель — не купец, но духовное лицо: поп-протопоп (№ 26), монах (№ 97). У Новопольцева дядя обольститель представлен как крестьянин-хлебопашец.

Оригинальность Новопольцева в этой сказке выразилась, главным образом, в сцене разоблачения, где в образе переодетой девицы он набросал некоторые свои автопортретные черты. Некоторое дублирование этого образа, еще более разработанного у того же Новопольцева — в сказке об оклеветанной жене (см. наст. сб. прилож.). В обрисовке этих образов отчетливо проявляется скоморошья традиция. Прекрасной параллелью к ним является А ф. 121 б, где в аналогичном положении является царевна, в виде поваренка: «Есть у нас

на кухне новый поваренок, много по чужим землям странствовал, много всяких див видывал и такой мастер сказки сказывать, что на́ поди. Купец позвал этого поваренка. «Потешь, говорит, моих гостей». Отвечает ему поваренок-царевна: «Что рассказывать вам: сказку али бывальщину». Упоминание своего имени в рассказе довольно часто практикуется сказителями. Введенный в эту сказку в качестве побочного мотив «мертвой царевны» очень распространен в виде самостоятельной редакции. В русской литературе он прекрасно известен, благодаря знаменитой сказке Пушкина.

С большим искусством и даже психологической тонкостью, не свойственной обычно Новопольцеву, разработан мотив тоски царевича, живущего с мертвой невестой.

8. Иван-царевич и Марья-Краса, Черная коса. Соединение трех различных сюжетов: сюжет двух братьев (Ан д. 303), освобождение царевны от змея (Ан д. 300 А) и сюжет трудных задач, выполнимых с помощью зверей-помощников (Ан д. 554). В таком сочетании эта сказка более нигде не встречается; можно предположить, что такая редакция является изобретением самого сказочника. Сознательное объединение различных сюжетов подчеркнуто и двукратным началом — присказкой. На ряду с обычным началом, открывающим сказку («в некотором было царстве» и т. д.), начальная присказка встречается и в середине рассказа, открывая собою, как бы вторую часть («тут начиналась сказка, начиналась побаска» и т. д.), при чем Новопольцев искусно вкладывает эту присказку в уста богатырю Карке. Такой прием и у самого Новопольцева встречается только один раз и абсолютно неизвестен у других сказителей.

Соединение различных сюжетов дано и в первой части: в рассказе о старшем брате и его неудачной женитьбе. Этот эпизод сказки использован, как завязка.

Основные варианты сюжета представлены текстами А ф. 92, Макаренко (см. в наст. сб. № 10 и примечание). Он ч. 4, Эрл. 3 и нек. др.; частичное совпадение дает также Сок. 37. Что же касается вообще сюжета освобождения царской дочери от змея и попытки дурного дурака (так у Новопольцева; в др. вариантах — нодовоз, слуга, пастух, царский чиновник, офицер и т. д.)

присвоить себе этот подвиг, то варианты его многочисленны и кроме того неоднократно сочетаются с другими сюжетами. Частично он входит и в сказку И. Семенова о Синеглазке (см. в наст. сборнике № 8 и примеч.).

Очень оригинален образ Карки-богатыря, в котором сказитель соединил типы богатыря-помощника и верного слуги. В дальнейшем он как-то выпадает из сюжета и вновь появляется старший брат, — таким образом сказка искусно вновь возвращается к своему исходному моменту — сюжету о двух братьях.

Для сюжета трудных задач, выполняемых с помощью благодарных животных, см. основные варианты у А. Ф. 94, 95. Прекрасный вариант дает Худ. II, 62 в таком же соединении: добывание невесты. Такого же типа С. м. 108 и Э. р. л. 28, 31. Менее интересны и плохо разработаны В. я. т. С. б. 129 и 136.

Об эротической формуле «квас пил...» и т. д. см. в примеч. к № 8.

6. Барин и мужик (А. н. д. 1529 II). Аналогичный вариант представлен в сборнике Иваницкого «Материалы по этнографии Вологодской губ.» № 45. В этой сказке жертвой хитрого мужика является уже не барин, а поп.

7. Про нужду (А. н. д. 1528 I). В имеющихся сборниках не находим соответственных сходных текстов, но, несомненно, они существуют. Имеется лубок «Сказка о том, как нужда скачет, нужда плачет, нужда песенки поет» (изд. 1859 г.). Из частичных совпадений можно указать сюжет «шутки дома оставил: мошеник просит у барина лошадь съездить домой за шутками и не возвращается» (А. н. д. 1528).

СКАЗКИ И. СЕМЕНОВА

ИЛЬЯ СЕМЕНОВ

КАЗКИ белозерского крестьянина Ильи Семенова, в частности, сказка о Синеглазке, пользуются в исследовательской литературе наибольшей известностью и популярностью. С. Савченко считал его лучшим из известных до той поры (1914) сказочников. Б. Соколов называет Семенова «типичным представителем рассказчика волшебных, чудесных сказок, мастером сказочной стиливой обрядности».

Действительно, если даже считать, что отзыв Савченко несколько преувеличен — особенно таким он представляется теперь, когда наши сведения о сказителях-сказочниках значительно расширились — то все же его нужно признать одним из самых характерных и ярких представителей эпического или классического стиля сказки; сказка же о Синеглазке является в полной мере классической в русском сказочном репертуаре. Трудно найти вторую такую сказку, где с такой полнотой и богатством, с таким блеском была бы представлена сказочная обрядность. Сказка о Синеглазке как будто вся соткана из разнообразных сказочных и эпических формул.

Собирателями, правда, не установлено, знает ли Семенов былины, но влияние былинного стиля на сказку о Синеглазке несомненно: такова формула: «большой хоронится за среднего, средний за меньшего...», таково

описание седлания коня («седает коня неезжалого, уздает узду неузданную, берет он плетку нехлестанную и т. д.), описание богатырской поездки, раскинутой палатки и мн. др. Влияние былинного стиля сказывается и на внутреннем характере сказочных формул, в большей части, ритмичных, особенно же на характере эпитетов, которыми пересыпана сказка («вот они тут в чистом поле, в широком раздолье, на зеленых лугах, на шелковых травах раскинули шатер белополотняный» или «от шатра до царского дворца — мост малиновый, маковки точеные, перила золоченые. . .»). Наконец, в связи с этим стоит и общий ритмический строй сказки. Как и Новопольцев, Семенов широко пользуется рифмовкой. Но она имеет у него совершенно другой характер и иное значение. У Новопольцева рифмовка придает сказке балагурно-потешный характер, здесь же она является средством ритмизации, создавая особый несколько торжественный, приподнятый склад. Этот тон сказки создается сразу знаменитой присказкой о коте-бауне и усугубляется (отмеченным уже) обилием былинных эпитетов и аллитераций. Богато вкрапленные в текст пословицы и поговорки как бы закрепляют эту эпическую струю в сказке.

К сожалению, репертуар Семенова так же, как и Чупрова, не исчерпан вполне собирателями, поэтому трудно установить и его художественный метод в целом. В прочих его текстах нет уже того ритмического склада и такого сплошного потока эпических образов и формул. Но отдельные моменты все же встречаются. В сказке о богатом купце былинное влияние коснулось даже сюжетной схемы (эпизод с Идолищем); в одной из сказок очень искусна концовка («Я на этой публике был и пиво пил. Пиво текло, а в рот мне не попадало. Дали мне ковшик, так я изломал его, дали мне ложку, я выкинул за окошко, а кто легок на ножку, тот беги по ложку»); встречаются пословицы (напр., ряд пословиц в приведенной здесь сказке о богатом купце); в сказке «о служилом солдате» встречаются и следы рифмовки, правда, несколько уже иного типа: «Служил солдат двадцать пять лет и выслужил двадцать пять реп, ни единой красной нет» — возможно, впрочем, что это особый тип солдатской присказки; в той же сказке былинная формула дарения места («одно место возле меня, другое — против меня, а третье, где пожелаешь»). Все это дает возмож-

ность утверждать, что сказка о Синеглазке — не случайное явление в его творчестве.

Всего записано от Семенова четыре сказки. Две из них приведены ниже; остальные две: «Купец немилостивый» — под таким заглавием он передает известную сказку о Марке Богатом, но не упоминает этого имени, Марко Богатый стал у него просто купцом Ивановичем, — и последняя сказка: «Служилый солдат» (сюжет неверной жены) несомненно, как и большинство сказок этого типа, солдатского происхождения, но выслушанная им, как это можно установить по некоторым признакам, от какого-то матроса: герой в ней не просто солдат, как обычно, а «солдатик флогский». Вообще, круг источников Семенова мог быть довольно разнообразен. Безземельный крестьянин-бедняк, дошедший до полного нищенства, в молодости он много скитался, и как пильщик доходил даже до столиц и центральных губерний. Эта бывалость сказалась и в довольно заметной группе «новых словечек», и в некоторых эпизодах, «свидетельствующих о знании городской и барской культуры» (Б. и Ю. Соколовы... стр. XVIII).

Ряд сказок, несомненно, выслушан им и усвоен в солдатской (матросской) среде или от связанных с ней рассказчиков; некоторые его сказки связаны с купеческой средой и традицией. Любопытно, что даже в сказке о Синеглазке царевич под конец принимает черты купеческого сына («попрежнему купеческая была торговля, винная лавка»); совершенно бесспорно социальное происхождение сказки о купце богатом. Но эти различные социальные сферы, из которых происходит семеновская сказка, подверглись у него уже значительному окрестянию — это выражается достаточно четко и в богатых реально-бытовых аксессуарах его сказок и в отдельных сентенциях как самого сказителя, так и его персонажей.

8. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БОГАТЫРКА СИНЕГЛАЗКА

БЫЛО это дело на море, на океане; на острове Кидане стоит древо-золотые маковки, по этому древу ходит кот Баюн. — Вверх идет пёсню поет, а вниз идет сказки сказывает. Вот бы было любопытно и занятно посмотреть. Это не сказка, а ешшо присказка идет, а сказка вся вперёд. Будет эта сказка сказываться с утра после обеда, поевши мягкого хлеба. Тут и сказку поведём.

Было это не в каком царстве дело, в иностранном государстве жил царь со чарицей. У чаря у чарицы было три сына. Бóльший сын был Федор-даревич, а второй сын Василий-даревич, а младшой сын был Иван-даревич. Этот царь собирает пир на весь мир. Забрал к себе

на пир князей, и бъяр и удáлых полениц. — «Кто бы, робятушка, съездил за три девять земель, в десятое царство, к девке Синеглазке. Привез бы от этой девки Синеглазки живые воды молодые, кухшинец о двенадцати рылець. Я бы этому седоку полцарства прописал и полкамени самоцветного!»

В этом пиру большой хоронится за среднего, а средний хоронится за меньшего, а от меньшего ответу нет. Выходит его сын старший Федор-царевич и говорит: «Не охота нам в люди царство отдать. А я поеду в эту дорожку, эти вешши привезу и тебе отцю сдам». — «Ну, дитя мое милое! Наше добро да нам и пойдёт».

Вот хорошо; ходит это Федор-царевич по конюшням, выбирает себе коня неезжалого, уздает узду неузданную, берёт он плётку нехлёмстанную, кладёт он двенадцать подпруг с подпругою, не ради он басы, а ради крепости, славушки молодецкие. Отправился царевич в дорожку: видели, што садился, а не видали, в кою сторону укатился.

Едет он близко ли далёко ли, и низко ли, предно нёба на земле, на чужой стороне и доезжает он до горы. На полугору засхал, на полугору лежит плита-камень, на этом плиту подпись подписана и подрезь подрезана: «Три дороги. Первой дорогой — тому голодному быть; во вторую ехать — сам сыт, да конь голоден, а в третью — с девицей спать». Как поразмысливает сам себя: «Сам я голодный — долго ли проживу, на коне я на голодном не долго доеду, а с девицей спать обрекаюсь — это дорога самая лучшая для меня».

Поворотил в дорожку, где с девицей спать. — Вдруг доезжает до терема. Вдруг выбежала девица: «Душечка, я выйду, тебя из седла выну; со мной хлеба-соли кушать и спать опочевать!» — «А девица хлеба-соли я кушать не хожу, а сном мне дорожка не искорóтать. Мне вперёд подаваться». — «А, царской сын, не торопись ехать, а торопись кормить!» Приводит его в спальню. — «Ляг ты к стýнке, а я лягу на крайчик. Тебе пить, мне исть подам со врёмем». — «А девица прекрасна, у христа везде ночь равна!» — «А у меня подольше людских!» — Вот у её кровать по ходё чье. Лег он к стýнке, она кровать повернула, а он бултых туды, марш, сорок сажен яма глубокая.

Вот там сидит сколько время, и порядочно время прошло. Вот его отец во второй раз собирает пир, опять же также на весь мир. Опять на этот пир собралась публика; и цари, царевичи и короли и королевичи — и собрались на этот бал. Вот этот государь: «Вот, ребятушка, кто бы выбрался из избранников и выбрался из охотников в то же самое царство, к этой девице Синеглазке эти вешши достать, живая вода мне царю дать».

Хорошо, в этой публике — большой хоронится за среднего а средний хоронится за меньшего, а от меньшего ответу нет. Выходит опять его сын середний, Василий-царевич. — «Батюшка! не охота мне царство в чужи люди дать, вешши привезти тебе, в руки сдать». — «Ну, дитя мое милое! Наше добро нам и пойдёт!»

Вот ходит Василий-царевич по конюшням и выбирает себе коня неезжалого, уздает он узду

опеть неузданную, и берёт он плётку нехлёстанную. Опять кладёт двенадцать подпруг с подпругою не ради басы, а ради крепости, ради крепости богатырские, славушки молодецкие. Поехал он, царевич, дорожку. Видели, што садится, а не видели, в кою сторону укатился. Вот он опять доезжает до этой горы. На полугоре лежит плита и на этой плите подпись подписана и подрезь подрезана: «Три дороги растани. Дорогой самому голодному быть — ехать, а в другую — сам сыт, да конь голоден, а в третью — с девицей спать». Вот он обратился: «Как я не поеду на голодном коне, а самому долго не жить, а с девицей спать — эта дорога для меня весьма лучшая!» И опеть поворотил с девицей спать.

Доезжает он до терему. Вдруг девица: «Душечка идет, я выйду, из седла его выну. Хлеба-соли кушать со мной и спать опочевать». — «А я хлеба-соли кушать не хочу, а отдохну, дорожка не скорó спать». — «А, добрый молодец, чарьской сын, не торопись ехать, а торопись кормить». Вот он опеть с простого сердцу лег на кровать. А она его опеть туды. «Кто летит?» — «Василий-царевич!» — «А кто сидит?» — «Федор-царевич!» — «Ну, какóво же, братанушка, сидить?» — «Да не худо. С голоду не уморит, да и насыта не накормит — фунт хлеба да фунт воды. Эка, паря, вот попали!» Вот и сидят, молодци-то царские дети. *(Дальше рассказывается в тех же точно выражениях, как отец созывает пир и как уже младший сын Иван-царевич вызывается ехать к Синеглазке.)*

Доехал до дорог до растани и поворотил он

на ту дорогу, где самому голодному быть. Ну и доезжает он до терему. Стоит терем, избушка на курье ножке, на собачьей голёшке. — «Эта избушка — к лесу задом, а ко мне передом!» Эта избушка повернулась к лесу задом, а к нему передом. Обратился он в эту фатерку, и сидит там старушка баба-яга старых лет. Шолковый кú жель мечеть, а нитки через грядки бросает. — «А—говорит—русского духу не видала: русская коська сама ко мне пришла. И я этого человека изжарю, на белой свет не опушу». — «Ах ты, бабушка яга, одна ты нога, ты, не поймавши птицу, теребишь её, а, не узнавши ты молодца хулишь. Ты бы сейчас скочила, столп отдернула и сителем потрясла и говядинки принесла, напоила меня, накормила доброго молодца, дорожного человека, и гл я ночи постелю собрала; улёгся бы я на покой бы, а ты села бы ко мне ко зголовью, стала бы спрашивать, а я стал бы сказывать: чей да откуль, милый человек, как тебя зовуть».

Вот эта старушка всё дело исправила, его накормила, как следует, и ко зголовищу села и стала спрашивать, а он стал сказывать. — «Чей ты, милый, да от куда, да как тебя зовуть? Какие ты земли, да какие ты орды, какого отча, матери сын?» — «Вот я, бабушка, из такого-то царства, из дальнего я государства, царской я сын Иван-царевич. Поехал я за тридевять земель и за тридевять озёр, в дальнее государство, к девке Синеглазке, за живой водой и за молодой от своего о ча-[отца]-родителя я послем настоящим». — «Ну, дитя моё милое! она, эта самая сильная богатырка, она мне родная пле-

мянка, а брату моему дочка; не знаешь ты, получишь ли, милый, добро».

Вот он поутру вставаёт ранёхонько и умывается белёшенько. На все четыре поклонился и ей за ночлег поблагодарил. — «Не стоит благодарности, Иван-царевич! каждому полагается ночлег и пешему и конному и голому и богатому, всяким людям. Оставь ты своего коня у меня, а поезжай на моём коне в эту дорожку. Мой конь б ó л ь ш а я [больше], и палица моя п ó г р у з н я я». Вот он оставил у старушки коня; поехал на её коне. Этот конь способнее, лучше его бежит.

И идёт он близко ли, далеко ли. Не скоро дело дѣется, не скоро сказка сказывается, и он вперед подвигается. Вот и день до ночи коротается, вот он завидел: стоит вперёдѣ терем, избушка о курьих ножках, о собачьей голёшке. — «Ах ты, терем-избушка на курьих ножках! Ты повернись к лесу задóm, а ко мне передóm, мне не век вековать, одна темная ночь ночевать. Как мне из этой фатерки зайти, так и выйти, как заехать, так и выехать!» Вот эта фатерка обернулась к лесу задóm, а к нему передóm, как он подъехал. Вдруг конь услышал и заржал, а этот откликнулся пушше, потому што бывáли одностадные.

Услыхала в фатерке старушка: «Приехала ко мне, видно, сестрица в гости»; и вышла она, и разговаривают между собой. Не сестрица приехала, а приехал молодец прекрасный. — «Пожалуйте ко мне в палатку». Коня этого убрала и его к себе пригласила. Встречают по платью, а провозжают по уму. Что у ей в доме нашлось,

все взяла и накормила, и опять для ночи постелюшку собрала, к изголовьищу и села. — «Чей ты, милой человек, находишься? Чей ты, да откуда, да как тебя зовут?» — «А я, бабушка, из такого-то царства, из дальнего государства, царский сын». — «Куды продолжаешь путь?» — «А поехал к девке Синеглазке за живой водой и за молодой. И надо у нее захватить живые воды и молодые, кувшинец о двенадцать рылец». — «А не знаю, милой, как ты получишь. Она сама сильная богатырка. Она мне племянка, мово брата дочка. А в лес съидешь подалее, побольше нарубишь. А у меня есть старшая сестра, ты туда и съидешь, а у меня ночуешь».

Вот он и обночевался у старухи. Поутру он встает ранёхонько, умывается белёхонько, на все четыре стороны поклонился. — «Да не стоит благодарности, Иван-царевич! Ночлегу не возят и не носят с собой, везде полагается ночевать и пешему, и конному; оставь ты сестрицина коня у меня, а возьми моего коня; мой конь ешшо бойчяя, а палица моя грузная». Вот он сейчас и отправился. Вот он и видит опять, далеко ли есть. Всю станцию проежжает скоро, все сутки в дороге. Доехал до терема. — «Ах, терем-избушка, обернись к лесу задом, а мне передом! Мне не век вековать, а ночь ночевать!» Подъехал он к этой фатерке; конь услышал, опять заржал, а этот откликнулся пушше.

Вот услышала хозяйка: «Приехала, видно, сестрица ко мне в гости!» Поглядела — конь её, а седок чужестранный, и не знает его. Ну,

так вот говорит: «Пожалуйте ко мне в полату. Стречают вас по платью, а провожают по уму». Вот что у её свелось — она этого человека напояла и накормила, и собрала этому человеку постельку. — «Чей ты, милой человек, да откуда находишься?» — «А я — Иван-царевич; поехал я за тридевять земель, и еду я за тридевять озёр, еду я в тридесятое царство и надо мне воды живые и молодые и кувшинец о двенадцати рылець». — «А где, дитя мое милое?!. Вокруг её царства стена три сажени вышины и сажень ширины и стража тридцать богатырей — тебя в ворота не пропустят. А надо тебе ехать в средину ночи да ехать на моём коне — мой конь через стену и перескочит и в ночное время и в первом часу ночи. Хоть сегодня ещё переднюю, а сегодняшнюю ночь переправься». Вот она ему и показывает: «Ты — говорит — бери воду в таком-то мйсте, под таким-то номером; а войдешь в спальню, они спят: их тринадцать богатырей, по одну сторону — шесть и по другую шесть. Все в один лик, в один рост».

Вот он сел на её доброго коня и поехал в ночное время уж. Этот конь — подскакивать, мха, болота перескакивать, рики, озера хвостом заметать. Это дело было, пошла стряпня, рукава стрехня; кто про что, а кто в пазушку. Эту станцию проехал он ходко. Приехал к этому граду, не спросясь, перескочил этот конь и перемахнул стену. Вот он сейчас эти вешши нашол в таком-то мйсте, под таким-то номером; добрался и захотел ешше самое увидать. Приходит во спальню. Оне спят. По сторонду [сторону одну] шесть и по другую шесть, она

на размахку. Он и напоил в её колодцике своего коня, а колодцика не закрыл, так и одеяня оставил. Надо ему ехать.

А конь очутил и человеческим голосом проговорил: «Ты, Иван-царевич, погрешил, мне теперь стены не перескочить». Он начал коня по крутым ребрам: «Ах ты, конь, волчая пасть, травяной мешок, нам здесь не проживать в этом государстве!» Вот конь махнул и одним подковцем заднее левые ноги и задел за стену. У стены струны запыли и колокола зазвонили, тут просто волки завыли, и по всему царству пошел звук: «Вставайте! сегодня у нашей богатырки покража большая!»

Вот эта сама Синегорка с двенадцати этими богатырками в погоню. Вот к избе, там другой. Коня переменял, а она не кормя идет. — «Баушка! не видала ли сукина сына, такого невежа?» — «Нет — баушка говорит — не видала. Проехал Иван-царевич, во всем подсолнечном царстве такого нет — солнышко на небе, а он на земле». — «Воротитесь, пожалуйста. Мне не то жалко, что коня напоил, а то дорого, что колодцика не прикрыл!»

Вдруг доехал до другие бабки. Он сел на коня. Он с улицы, а она (богатырка) на улицу. — «Баушка, не видала ли кого?» — «Нет, проехал молодец, да давно уж, молодец прекрасный — солнышко на небе, а он на земле!» Ну он обратился на своего коня и сел. Вот она стала вид забирать; как стала достигать, он на коленки встал и прошения просит. Ладят эти богатырки на него наехать, с плеч голову снести. Она и ответила, что покорной головы меч не

сечёт. Слезла сама с коня и берёт его за белые руки и подынает его с земли.

Вот оне тут в чистом поле, в широком раздолье, на зелёных лугах, на шелковых травах роскинули оне шатер белополотняный. Тут они гуляли и танцовали в этом шатре три дни и три ночи, трое сутки. Вот они тут обручелись и перстнёми оменелись. — «Через три года приеду я к тебе, свое царство уничтожу». Она отвитила ему: «А ты идь домой, нигде не привертывай — и она домой, и ты домой идь!»

Вот он приехал в свою местность, до этих растаней, до этих до дорог и думает: «Вот хорошо домой еду, а мои братья иде-нибудь в засаде сидят, гниют понапрасну». Вот он поворотил с дорожки, тоже их проведать; обратился к терему; она выскочила и говорит: «О, Иван-царевич! Я тебя давно поджидаю хлеба-соли покушать!» — «Я не покушаю и не поем» — «Дай тебя из седла выну!» — «Видал и лучше тебя!» Она его ввела. Он ее на кровать положил, да сам и спехнул. — «Кто есть там жив человек?» Они, как два комарика, спишшали: «Мы живы — Федор-царевич да Василий-царевич». Он у неё насбирал кое-чего снастей и чего, и вынул их. И подошли они к стене. А зеркала на стене, землей стали проращать. — «Да что мы будем людей пугать? Уж больно черны стали». Он их умыл живой водой, по старому оне и стали, обратились.

Ну, вот хорошо, сичас сил и поехал, а они пошли пешком: коней не было. Приехал он на растанье тут. — «Што, братьца, покарауйте мои вешши и коня, а я поотдохну». Вот он лег от-

дохнуть и богатырским сном заснул. И говорит Федор-царевич: «Что ты, Василий-царевич, думаешь?» — «А вот што, пришлось бы изгнить в ее погребке нам, ежели бы не братец выташшил. Нас отец-от без вешшей немало и чести даст, сделает пастухами. Давай его в нору и спустим, а его вешши возьмем». И спусти.ли его.

Вот он летел туды три дня и три ночи. Улетел, отшиб он свои ноги. Опамятствовал на взморье. У этого моря только старый дубник лес, да мелкий сосняк. Только нёбо и вода. Вот и подынается погодушка, божья благодать, из моря и с нёба. У Нагай-птицы дити пишшат, а погодка их бьёт. Взял он с себя снял, Нагай-птицы деток покрыл одеяньем, а сам под дуб ушел от погоды.

На проходе этой погодушке летит Нагай-птица. Всякими языками: «Не убила ли вас погодушка-несчастье?» — «Не кричи ты, мать! Нас сберег российский человек. Потихе, не разбуди его». — «Для чего же ты сюды попал, милый человек?» — «Меня братья засадили так; братья родные, а хуже чужих!» — «Што же тебе надо за беспокойство? Ты моих деток сберег. Злата ли, серебра, камня драгоценного?» — «А ничего, Нагай-птица, мне не надо, ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную стóрону?» — «Ну дак мне надо два ш ш а н а [чана] пудов о двенадцать говедины».

Вот он был человек прожиточный, сошел к рыбакам и к лесникам на взморье. Накупил гусей, лебедей и серых утиц. Привезли, по-

ставили ей один на правое плечо, а другое на левое, а сам стретину стал кормить, и она летит в вышине. Шшан выдавал целый, из другого стал потчивать. Подавать да подавать — и стало у ей харчей всех. Вот стали у ей харчи все. А она обёртывается. Он у себя и у рук и у ног персты обрезал да ей и выдал. Прилетели. «Слезай, Иван-царевич!» — «Не могу сойти: свои персты отрезал». — «Не знала, что твое мясо. Всего бы тебя съела».

Всё взять выхаркнула, она взять отправилась. Он примазал живой водой да молодой: у его была склянка для дороги. Он посмотрел, братовой пет уж. Пришел он пешком в своё отцецкое царство. А отцю, матери не кажется. По прежнему купецская была торговля, винная лавка. Он всё пьет. Слышал, что отец ешшо царство не прописал, а вешши получил.

Вот сейчас это дело прошло. Вот эта девка Синеглазка и прикатили в это царство. Она за три версты в чистом поле, в широком раздолье, на зелёных лугах, на шелковых травах раскинула шатер белополотняпой. От этого шатра до царского дворца три версты сделала мост калиновый. Маковки точёные, перила золочёные. На этих маковках птицьки пели разными голосами. А это сукном драгоценным обтянула улоцку. Вот в восемь часов утра царю повестка: «Ваше царское величество! пожалуйста в севодняшний день виноватого; а виноватого не потасй, ваше царство покачу, а у тебя живого глаза выну, домой отвезу».

Он читает повестку и плачет. «Ну поезжай-ка, Федор-царевич! ты, видно, виноватой, долго

ездил!» Вот он пошел, Федор-царевич, пешком по этому месту. А у этой-то бегают два мальчика около шатра — прижитые. — «Маменька, маменька! Сюды наш тятенька севодня идет». — «А по которую сторону?» — «По правую руку мосту». — «Как ишшитите, исхлешшите». Так робятка протряхнули, что вернулся и домой и не сказывает отцу.

На второй день повестка: «Подавайте и на севодняшний виноватого! Не дадите, сам подкачу, вас в полон возьму!» Вот он и говорит: «Ступай ты, видно, ты виноват, Василий-царевич!» Василий-царевич пошел. А опять робятка: «Маменька, маменька! К нам опять тятенька идет!» — «А какую сторону?» — «А по левую руку» (и он мостом итти не смеет) — «Ишшитите и исхлешшите попушше прежнего!» Так протряхнули, что добром. И этот обратился к отцу. И сейчас, так и не жалится ни на кого.

Вот хорошо, на третий день опять повестка. — «Ну, ступайте ишшите пьеницу — третьего сына». Сейчас он пошел. С собою взял компанью двенадцать человек выпивших людей из заведенья чайного. Этот мост ломают, сукна рвут и за собой дорогу чистят. Мальчики: «Какой-то разбой идег с двенадцатью товаришци. Мост ломают, и сукно рвут и по себе дйлят». А она говорит: «Это ваш тятенька с товаришши. Берите камень драгоценно, угощенье и напитков, и идите тятку встречать!» И сама вышла стречать. Вот стретила их. А этих товаришшей по стакачнику обнесли, а они по своим домам и отравились.

Вот она сама обратилась к государю: «Вот те

двое его засадили, в земное царство его взяли. Он три года там и страдал». Вот было всего довольно в этом царстве. Он обвенчался. Все пили на этом пиру. И посадил его и на царство. И заступил царство теперь отеческое, а этим братьям нес мало чести. Отпустили ночевать: где ночь, где две, а третью ночевать нельзя. Сколько знал, столько и сказал. Весь конец, я не молодец.

9. КУПЕЦЬ БОГАТОЙ

Вот в самом мисте публичном жил купец богатой — и купец именитой, торгующей. У этого купца был один сын. Этот купец помер. Остался этот купец семнадцати лет, с матерью. Вот матка его все именье, приход и расход — все на него и передала. Он в три года все именье-то и уничтожил отеческое.

Вот он зашел в старую лавку, нашел ешшо деньги, два четвертные билета. Сечас он приходит к матери. — «Вот я, мать, ешшо нашел пятьдесят рублей деньги!» — «Да пятьдесят рублей не велика штука! Тебе только на две вечеринки, коли попржнему. Тебе не наживать, а проживать!» — «А нет — говорит — мамка! Я проживать больше не согласен. Сходи к дедьям: мне дедья, а отцу братья, оне справляются за море торговать разными товарами не возьмут ли оне меня в прикашшики. Попроси их усердно».

Вот хорошо. Она обратилась и деверьям: «Братцы! возьмите моего Ванюшу в прикашшики ехать с вашими разными товарами!» — «Да,

сестрица, ничего бы взеть для тебя и для отца покойного, дак Ванюша распутного поведенья! Не знаем, што и делать! Ну да возьмем; как обратится на старую степень, так станем и держать».

Вот сейчас корабли нагрузили этого товару. Своего попутного ветру дождались и отправились. Вот переехали в иные земли и стали на три лавки. Сами—по лавке, и его в лавку порядили; и стали топерь они торговать. И потому, што оне публишные торгаши, с их не было в этом городе ни дани ни пошлыны.

Вот оне торгуют; а у него лучше всех и приход и расход в лавке. Вот он поторговал несколько время тут в этих магазинах, вот и просит: «Дедья! дайте мне сто рублей деньги!» (Он у них на учёте был).—«А на што же тебе деньги?»—«А потому што не на оконценье ярманки купить для себя товару домой привести».—«Тебе, племённик, дать деньги можно, у тебя свои пятьдесят рублей есть, да и у нас позаработал порядошно».

Вот ему сто рублей деньги и выдали. Он пошел в город, в рынок, ничего не может себе товару купить подходящего. У того торгует, у другого, ничего не купит. И подыскался под его человек. «Што жё я, молодой человек, я тебя попримичу: ты ничего не купишь и не продаёшь?»—«А я, дедушка, человек не шляющийся, я заморских купцей племенник родной».—«Чего же тебе здесь надбно, в етом-то рынке?»—«А надо бы мне па сто рублей купить, с барышами домой привезти».—«У тебя при себе сто рублей денег

есть?» — «Есть». — «Выдай мне на руки, выдай душевно деньги, я тебе товару представлю».

Вот его старик ведёт из улицы в улицу, из переулка в переулок и завёл его в крайней дом, прямо в угловой. И выводит ему девицу за руку. «Вот для тебя товар подходящий!» — «А нет, мне не надо». — «Ну, можешь отправляться без товару и без денег, коль не хочешь!»

Является он к дедьям. «Што, Ванюша, купил?» — «А нет, хоть купил, да много его оказалось, а денежек мало при себе, в залог и дал». — Дедья его совести и повёртили. «Ну, надо тебе добавить, а тем сто рублям не пропадать».

Этому делу день да ночь, и сутки прочь. Поутру опять сто рублей выдали. А тот человек, просто мазурник, подыскался опять его, в другом одеянии. А Иван его не узнал. И говорит старик: «Чего ты, молодец, добиваешься?» — «А мне надо, дедушка, товарцу». — «А у тебя сто рублей есть?» — «Есть», говорит. — «Выдай ты мне без стеснянья их, а я выдам тебе товар какой подойдетший».

Он опять ему и выдал сто рублей. Опять варёного нечего и варить — в тот же дом и привел, и ту же девицу. «Возьмете ее?» — «Нет, за сто рублей не взял и за двести не возьму?» Приходит к дедьям и спрашивают: «Опять не хватило? Ступай с утра, исправь свои дела!» Он опять так сто рублей умажил тому же старику. Взял эту девицу. — «Видно, и судьба моя такова!»

Вот эта девица и пошла с ним. «Какого ты поведенья?» — девица спрашивает его. —

«Я купецкой сын. А ты каких поведеный?» — «А я царская дочь. Да как вот ты теперь, Иван-купецкой сын, ты как меня взял, как посмотришь, ты счастлив за меня будешь!»

Вот они на постоя стали, дом, фатеру взяли. И сделалось ему дело в клуб ходить, с графскими и с господскими, и с генеральскими людьми гулеть. Ему на это дело пошло: много иминья отыграл. И просто навыйграл, и винных контор и лавок винных, и разного товару много.

«Завтра день воскресной, сходи в церкву» — она говорит Иванушке: «и людей публика большая. Прoberись ты — говорит — на крылос. А ты придеши к полуобидне; как придеши, не станут богу молиться, все на тебя, на твою одежду окидывать глазами. А отойдет на выход, тебя станут в гости жолать. А ты не гость им нужен, а им нужно рисунок с одежды твоей снять. А ты до первой грезидойди, покатайся в грезе, тебя и не станет никто звать. Как я наказываю, так и делай!»

Он сейчас обратился к ней, в дом свой. «Што, Ванюша?» — «Как велела, так и сделал!» — «Ну, благодарю, так и благодарить буду; нам не надо, чтобы снимали рисунок в одежде. Сами делаем. Ты теперь цайку попей, да пообедай, да поотдохни, да и ступай опять в клуб на старое место. Да не чтобы в клуб итти; который купец проигрался, ему не разыграться. А цего ты у него выиграл?» — «Да двести рублей денег, склад винный, лавку, да винную контору и лавки все отыграл у него». — «Ты

отдай все его иминье взять, а проси ты старого сарая у него угольного, што без крыши у поля стоит!» — «А нам он на што?» — «К изгодё!»

Вот пришли они на публику, на игру. Купец и говорит. «Нам нет возможности с вами теперь сыгратся». — «Вот ты, купец, съидем мы с тобой в ряд да потолкуем в лад. Я тебе все иминье отдам, а отдай ты мне сарай угольной, простой». Вот оне на первое посмеялись. «Да на што тебе?» — «Да я стану уголья класть». И покладку сделали и расписались они в земском правлении.

Вот он вечеринку поиграл в клубу, и обратился к жене в дом. «Што какова у тебя вечеринка?» — «Да вечеринка не пустая. Выигрыш хороший!» — «А как с купцём положился?» — «А с купцём — сарай-от мой!» — «Ну, тебе надо от этого дела теперь отстать, от клубу-то; надо другими делами заниматься. Ступай завтре в рынок. Иди-жо, купи ты крестьянского струменту. Купи ты двадцать лопат и двадцать топоров да посудникам-бочкарям двадцать сороковок вина, штобы приезжие были до фатеры!»

Вот сейчас посуду собрали, до утра дожили; онеть посылает на рынок. «Подёншины народу пятьдесят человек зови, да лучших выбирай!» Вот это сейчас подёншину привел пятьдесят человек. «Што прикажете делать?» рабочие спрашивают. И приказали этот сарай ломать.

Этот сарай рózобрали, рózдрыли, и под полом оказался драгоценного камня. И полные эти двенадцать бочек и нагрузили. Скопчили

этот товар. Надо караул настоящий этому товару. «Охрана надо хорошая, судароня! говорит своей жене. А она отвечает: «Мы охрану неопасную сделаем. Поди купи смолы; просмоли бочки, будто как товар дешевый, простой. Пусть в каждой пристане так валяются. Сходи к кузнецу, на свое имя клеймо и сделай. Безопасно, што такого-то купця товар из-за морей».

Вот хорошо. Она на себя сделала одежду смоляную, нехорошую, и на него. Вот прямо к дедьям и явились оне. Дедья и попеняют ему: «Где же ты, Ванюша, проживал сто время, месяца четыре?» — «А я на заводе на смоляном работал. А я двенадцать боцек на свой пай сгонил. Возьмите меня на один свой карап». — «А это кто с тобой стоит?» — «А это моя жонка». — «Да тебе бы дома перво-сортную дали, а отсюда тебе последнюю». — «А я жона мужа своего и цестная». — «Ну, добро! катай товар на карап, да и вези его!»

Скатали этот товар на корабли, повитрия дождалась с берегу и миг переехали. «Ну, и сказывай: есть ли тебе куда товар - от выгрузить?» — «Есть у меня после отца кладовых много. Стены голые стоят».

Ну вот к матери он и явился. «Здравствуй, маменька!» — «Да што ты такой этакой не обходный приехал?» — «Я, мамка, там на смоляном заводе работал!» — «Да што ты привез?» — «Да двенадцать бочек смолы привез!» — «Да у тебя, вон свои заводы стоят!» — «Да это старое прожитое». — «А это што? кто с тобой? Подрушная?» — «А эта моя жонка. Я там жо-

Из лубочного издания. Сказка о семи Симеонах.

нился». — «Тебе бы дома дали первосортную а ты оттуда привез?! Может, каку и подзаборную. Возьму двухаршинную палку и изломаю всю до рук. Ну, да ладно, живите!» Так и дело прикрыла.

Вот они пожили хорошее времё. Она видит, што женщина хорошая, продувная. Вот он услышал, што дедья отправляются к царю с подарками. «А, дедья! И я с вами пойду». — «А ты с чем пойдёшь, племённик?» — «А я — говорит — возьму блюдо смоленное, подойник, ви хоть». — «А совесть дозволяет, так пойдём?».

Вот она ему и подарок справила. И наказывает ему: «Ты не хай ни мной ни товаром, а то у тебя ни жены не будет ни товару!» Вот сейчас пошли. Дедья подарили царя заморскими подарками разными. А оне его с благополучным приездом проздравили. И он их отдарил.

А он у дверенки стоит. «Ты што?» — «А я, ваше величество, вот чем занимаюсь: этот товар идет везде — и для скота, и для людей, и для пароходу, и для городу, и для деревни». А Ванюша его и манит. Царь и говорит: «Ступай, Ванюша, в залу, я тебе пару слов скажу».

Зашол в залу, скидал все сверху, только поднос серебряный остался в руках. И дарит царя шестими камнями драгоценными. Государь это ладит подарок взеть, да на ногах не мог устоять. — «А што же, ваше величество?» — «Да дорог подарок. Наше царство и двух камней не стоит, а даришь шестими. А не оставляешь себе имёнья такого, а все мне отдаешь?» — «А у меня, ваше царское величество, дома-то большое имёнье есть, большое количество.

У меня двенадцать бочек сороковок полные!» . . .
«Да где ты этот товар промыслил?» — «А у меня жонка; за границей женился, а это жонкино имёнье есть!»

Вот его государь из купецкого звания и выключил, в капитаны пожаловал. Он пошел домой и писенки запел. Стречает его жонка. «Ах— говорит—кошка скребёт себе на хребёт; а рано пташечка запела, да кабы кошечка не съела бы. Да ты меня решил да и себя решил!»

А государю захотелось отнять. Этот царь собирает пир; и назвал на этот пир кнэзей, бояр, купцей и богатырей, и служащих людей. — «Куда прикончить этого человека, а жена мне хочется взеть?»

Вот в этом пиру большой хоронится за среднего, а средней за меньшего, а от меньшего ответа нет. Выходит этот старичок о седьмом десятке и говорит: «Ваше царское величество! На него большие вины нет, попустому крестьянские крови проливать грех. Есть— говорит—царство за тридеветь земель, за тридеветь озёр. Тридесятое царство, публишное королевство. А не пожалий ты служащих полк целый необуцёных, а его за старшего, за артельщика».

Вот его и призвал на лицё на свое. «На што же я требуюсь, ваше царское величество?» — «Ты как чину получил, так чину должен и служить. Полк солдат новобранцев, вот тебя нужно послать за артельщика в то место».

Только ему слободы — обратиться в дом, у матери благословенье взеть, да с жонкой проститься. Вот пришел, простился да и марш в хол.

Жона только платоцѣк свой в карман положила. «Слезы утрѣшь», говорит.

Этот топериче пошел в ход. Всѣ вода и вода. «Ах, какая у меня была прежде жонка, какое у меня было иміньё! — А теперь я вижу перед собою нѣбо и вода. Теперь протер бы свои слѣзки да жаль платоцѣк. Погляжу на платоцѣк, как на родимую жонку». Взял и привязал. Вот тут он их и забыл, этот платоцѣк.

Вон это царство вышли на публишную пристань, стали без всякого стесненья. Мосты подъёмные опустили, а на пристанѣ два молодца прямо домой оборотились. Отдю и матере: «Мы из Расеи карапъ запустили!» — «Да вы зачем запустили? Я тридцать лет ничего не запускал, а вы запустили! Может-быть какого-нибудь неприятеля с миной!» — «А потому што мы худого не обрекаем на этом корабле. Тут есть именно платок нашей сестры. Хороший признак!»

Вот государь с государыней посмотрѣли с крыльца. «Верно, наша — говорят — форма!» Сейчас с разными подарками пошли товар стричеть. И спрашивают на этом корабле: «Кто есть за хозеина?» — «За хозеина — я», говорит. «Где же ты этот платоцек взял?» — «А у меня — говорит, не краденый, а жонкин!» — «А где ты жонился?» — «А жонился я за морѣми». — «Пожалуйте ко мне в зало!»

Ну, как его по изводу послали, он всех новобранцев и распустил. Все благодарить его: кто и два мѣсяца послужил. Он и три года гостил на жониной родине. А она у них потерялась четырнадцати лет на петьнадцятю. Прого-

стил он у них три года, а ему не больше как за три мисяца показалось. Вот тоже обращается на свою родину. «Ты, милой, уведомай нас письмом. Наш адрес знаешь, а мы твоёго нет».

Вот он приехал на свое место, и у них где постройка была, сожжёно место, все похищено. «Пойду я к синю морю, да потону. Какая у меня иминье было, какая у меня жонка! А теперь нет ничего!» Лег я — согнулся, встал — стрянулся. Нет — говорит — не потону. Одна голова — не бедна, а бедна так одна!»

Посмотрил, видит: в море едет старичок в чашке, а погоняет ложкой. Перевез его через море. «Выходи — говорит — был Иван купецеской сын и всяко нажилсе». — «А как же ты меня, старик, знаешь?» — «А ты мне тристо рублей деньги плачевал, а я тебе жонку дал с приданым». — «Былое, говорит, дедушка!» — «Ну былое, так делать нечего!» — «Знаешь где наше иминье?» — «Государь хотел твое иминье получить, да ему не удалось. После твоего отъезда приехал Идолище поганое, обжоришше людское. Вот он два ведра пива, ведро зелёного вина. Пожирает он жаркого — быка-третьяка, да овцю ялюю. Ну, топериче он пожог ваше царство. А это жонка походит за ним венчеться. Послйднее тебе свиданье с ней!» — Да как, дедушка? Не попасть мне?» — «Отчего не попасть! Я схожу с тобой. У него двенадцать музыкантов одних будет. А ступай, из двенадцати музыкантов одному откажут, а ты в музыканты и поступишь».

Вот сошли. Обошли с музыкантами, так одному отказали. Вот публика собралась. Стали

его водкой потчивать, его признала. «Ей, музыкант! Мне тебе два слова сказать. Ты не купецеского званья, не Иван ли купеческой сын?» А он не признается. «Я не тех и родов совсем».

Вот эту музыку развели полный ход. Этот старик стал своей музыкой розделять. Прежде всего отбил жониха, а потом всю публику. Остались только трое: Иван-купеческой сын, жона да и он. Ему здесь делать нечего — взял свой кораблик, на жонину родину и уехал. Старик на своём месте остался.

ПРИМЕЧАНИЯ

Напечатаны в сборнике: Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края». М. 1915. Под №№ 139, 138.

8. Иван-царевич и богатырка Синеглазка (Анд. 551). В указателе сказочных сюжетов эта сказка входит в группу «Молодильные яблоки» (А ф. 104 *a—b*, Эр л. 28, Он ч. 3, 8, 166; Вя т. С б. 47; с м. 334). Это название дано потому, что в большинстве вариантов чудесный предмет, за которым царь посылает сыновей, — молодильные или моложавые яблоки; в некоторых вариантах — молодецкие яйца (Он ч. 166), или просто живая и мертвая вода, как и у Семенова. У Он ч. (№ 8), в тексте, рассказанном прекрасным сказителем, А. Вокуевым — глазная вода, чтоб прозреть слепому царю. Также и у А ф. 104 *b*). В варианте Семенова добавлено только: «живые воды молодые кувшинецъ о двенадцати рылецъ».

В ряде текстов младший сын является обычным сказочным младшим дурачком (А ф. 104 *c, d*, Эр л. 28. Вя т. С б. 47), у Семенова этот момент, как несвязанный органически с текстом, отсутствует. Очень подробно разработаны у него эпизод вызова царя и ответы сыновей. На ряду с общеэпической, характерной для северных текстов формулой: большой хоронится за среднего и т. д., введены и психологические мотивы. Старшие сыновья едут, потому что боятся, что царь отдаст царство кому-нибудь другому, кто добудет эти вещи: «Не охота нам в люди царство отдать». В такой редакции этот эпизод не встречается ни в одном из известных вариантов. Точно так же осмыслен психологической мотивировкой, дающей ироническую характеристику старших братьев, выбор пути: «с девицей спать — это дорога мне самая лучшая».

По сравнению с другими лучшими текстами, вариант Семенова представляется несколько беднее атрибутами чисто-фантастическо-волшебного характера (особенно ср. А ф. 104 с), но в нем очень разработаны мотивы реалистические. Кроме приведенных выше эпизодов отъезда и выбора пути, следует подчеркнуть также заключительные эпизоды: пребывание героя дома в виде пьяницы и прибытие Синеглазки с сыновьями. В композиционном отношении текст очень целен и не осложнен никакими дополнительными моментами, которые довольно часты в этом сюжете, напр., в ряде вариантов пребывание героя в подземном (подсолнечном) царстве соединяется с освобождением царевны от змея, которому она предназначена на съедение (А ф. 104 с и др.).

В разговоре старших братьев, уговаривающихся погубить младшего, несомненен пропуск. Можно догадаться, что этому в сознании сказочника предшествовал спор между братьями, окончившийся соглашением извести более удачливого брата.

Заключительная формула: «сколько знал, столько и сказал. Весь конец — я не молодец», — довольно редка в русской традиции. Своеобразно и оригинально дана у него также эротическая формула, в которой богатырка жалуется на своего оскорбителя: «молодец был, квасову пил, да не покрыл (А ф. 104 а, b, с); «испил — колодец не покрыл» (А ф. 104 d), — «невежа приезжал, да в моем колодце своего коня напоил» (О н ч. 8. С м. 1); «квас пил, да квасницу не накрыл» (Э р л. 28); «мою квашню раскрыл, не покрыл, две полушки на смех положил» (А ф. 104 f); своеобразная, но в том же плане формула у Чупрова: «кака ле собака набледала и не охитила» (О н ч. 3). Формула Семенова очень изящна: «мне не то дорого, что коня напоил, а то дорого, что колодца не прикрыл».

Замечательный зачин, обративший на эту сказку общее внимание исследователей, является одной из сказочных формул чудесных предметов, использованной здесь в виде зачинной присказки. Обычно она встречается в тексте (см. примеч. к № 2). Не сказалось ли здесь влияние пушкинского «Пролога», с которым мог каким-либо путем познакомиться сказитель во время своих многочисленных скитаний или услышать от местных ребят-школьников?

9. Кунецъ богатой. По каталогу П. П. Андреева эта сказка отнесена к типу «Муж на свадьбе жены» (№ 891), что конечно, ошибочно, так как последний сюжет является только эпизодом заключительной части, несомненно, занесенной в сказку извне, и свидетельствует о влиянии былинной традиции. Обычно тексты этого типа не знают такого конца. Основной же тип сказки — сюжет мудрой жены и выполнение с ее помощью трудных задач. С этим часто сочетается, как и в данном тексте — мотив отнятия жены. Пример — песня о Даниле Ловчанине.

По каталогу Аарне эту сказку было бы правильно обозначить 465 А. Сюда относятся: А ф. 122, 123, 124 и вар.; Худ. III, 85; С д. 9; О п ч. 116, 151 (отчасти 57); В я т. С б. I, 32; С о к. 59; С м. 4; А з. I, 10. Обычно добывание жены происходит на охоте: молодец хочет стрелять птицу, она оказывается девушкой (так А ф. 122 а. С к. 59 и др.), в тексте Худ. — утица на воде. В ряде вариантов молодец подсматривает купающихся лебедиц-девушек, у одной из них ворует платье и т. д. (А ф. 122 б, В я т. С б. I, 32 и др.), есть и другие формы добывания. Покупка жены имеет место только в двух вариантах: С м. 4 (из Арханг. губ.) и А з. I, 10 (из Сибири). Героem сказки является, по большей части, купец или солдат, стрелец. Несомненно, что эта сказка сложилась или, вернее, получила свое оформление — сюжет известен и на Западе — в буржуазно-купеческой среде: ее направленность — против правящей знати, врывающейся в семейную жизнь городской буржуазии. Позже она подвергается сильной солдатско-крестьянской обработке, пример чего даст и текст Семенова.

**СКАЗКИ Е. М. КОКОРИНА
(ЧИМЫ)**

Е. КОКОРИН (ЧИМА СЛЕПОЙ)

КОКОРИН Ефим Максимович, по прозвищу Чима — крестьянин села Кежмы, Енисейской губ. (на р. Ангаре — 750 км. от впадения ее в Енисей).

От него записано всего две сказки, и т. о. репертуар его не выражен даже и с приблизительной полнотой. Однако и то небольшое количество записей его сказок, которыми мы располагаем, обнаруживает изумительное мастерство и яркое художественное своеобразие сказителя.

Блестящую характеристику Чимы, как сказителя и художника, дал А. А. Макаренко в своей статье, предпосланной текстам енисейского сказителя. «Это был пожилой крестьянин-старожил, голый слепец с ранних годов жемчужины, крайне бедного положения, поддерживаемый трудами своей жены и сына, которые вели скромное сельское хозяйство. Это был доброй души человек, приветливый, полезный для окружающих своим острым умением вести на память календарное днеисчисление. У Чимы имелся, кроме того, богатый запас поговорок, загадок, задач, при сказок, песенного и сказочного материала, а главное, он обладал живым воображением, горячей фантазией и незаурядной плавностью речи, чем положительно увлекал своих слушателей. Они собирались то к нему в избу, то приглашали его на устроенное где-нибудь собрание. Чима занимал их побасенками, сказками. Так коротали кежемцы долгие темные зимние ноченьки.

«Еле-еле горит своим фитильком крохотная лампочка без стекла, стоя на вбитой в стенку полочке. Сизые волны махорочного дыма, пар от людских тел и копоть лампочки почти заволакивают ее слабый свет. Тесно набились в небольшую избу взрослые и малые. Размякли и разопрели они, сидя в своей допоте (одежде), подогретые топившейся железной печкой и близким соприкосновением друг к другу. Иные из них уже прикурнули и спят. Остальные с несказанным вниманием и жадным любопытством дослушивают рассказ о необычайных перипетиях сказочного героя, который для них, людей с примитивной мыслью и непосредственными чувствами, в данное время являлся чуть-ли не реальной личностью, а его похождения — как бы осколком действительности, но удивительной, заманчивой, привлекательной своей красочной обстановкой, трагизмом положения действующих лиц, чудесными оживлениями и благоприятным исходом в конечном результате. Более экспансивные, не могущие владеть собственным спокойствием, то и дело подавали реплики и вставляли свои комментарии в особо, по их мнению, поразительных местах сказки. Да и сам Чима, в одном случае, как красноречивый «посказатель», в другом, поддавшись невольно очарованию сказочного повествования, то делал многозначительную паузу, запускал понюшку табаку в свой нос, заимствуя из своей или предупредительно предложенной соседом тавлинки, то изменял интонацию голоса, из ровного повествовательного тона переходил на мрачный или невысший и живой, чем производил пестрое впечатление на слушателей, психологию коих Чима изучил вполне».

«Представление у него о сказке было самое реалистическое. Своё отношение к ней он выразил однажды в стильной поговорке: «песня — бль, сказка — врач». Несмотря на это, он ценил народный сказочный вымысел, как продукт вольного творческого человеческого ума, перед которым он, но своему, преклонялся и как сюжет многообразного воображения, на канве которого и его, Чимы, фантазия могла, не стесняясь, вышивать цветистые узоры собственных картин и положений... В сказке он упражнял свою речь, красовался ее благозвучностью и гладкостью или рифмой, вычурностью и образностью выражений, которые он сам творил или

Е. М. Кокорин (Чима сленой).

черпал в сказочном стиле неведомого творца. Способ изложения сказки показывал умение Чимы распорядиться сказочным материалом так, чтобы видны были и начало и конец сказки, да и середка стояла бы у места, в непосредственной связи с предыдущим и последующим» («Жив. Стар.» 1912, II—IV; стр. 353—354).

Как уже сказано, от Чимы записано и опубликовано две сказки: «Иван-Кобыльников сын» и «Иван-царской сын золотых кудрей (он 30 лет в рыбе был)». Любопытен этот выбор сюжетов, с которых он начал свои рассказы. Известно, что хорошие сказочники, по большей части, начинают сообщение своих текстов с тех сказок, которые они почему-либо более любят или считают более интересными и значительными. Обе рассказанные им сказки объединены одной темой: это — сказки о чудесно родившихся сыновьях, один от кобылы, другой — от рыбы. Здесь сказалась тесная связь со средой, с этим далеким миром русского населения, живущего в тунгусском окружении и впитавшего в себя многие черты его мировоззрения. Великолепно рассказанная завязка в первой сказке — о рождении сына от кобылы особенно характерна для этого миропонимания.

Как отмечает собиратель, «здесь слышится отзвук первобытного верования в совершение чуда в зависимости от соприкосновения с телом или какой-нибудь вещью умершего... Что-нибудь в этом роде ангарцы могли слышать от ангарских же тунгусов. Кто-то из них, вдохновенный подобным поверьем, изложил его образно и ввел, как занимательный «начин» в готовую форму русской сказки» («Жив. Ст.» 1912, II—IV; стр. 356).

Действительно, в не-сибирских вариантах мы не встречаем ничего подобного.

Чрезвычайно богата сказка и специфическим местным материалом: лабаз, могила тунгуса, юрты, совместное житье трех семей в юрте и особенно замечательная картина наказания жены Ивана Кобыльникова. Обычно, во всех сказках этого типа невеста или жена обманутого и покинутого богатыря сдается под влиянием угроз, подтверждая обман насильника и его право над собой (примеры можно найти и в настоящем сборнике, см. № 5). Чима резко порывает с этой традицией и заставляет свою героиню-сибирячку до конца оставаться верной своему мужу, терпя за это жестокое издевательство.

Картина этих издевательств носит резко выраженный местный колорит. «Стали они ее карать. Где корьё-вишишо, юртёвишишо сдернут, на нее складут, она тащит, своим слезам умывается. Сдала сохнуть, блекнуть. Высохла, как былинка, насилу ноги носят».

Еще более колоритна рассказанная с огромной психологической глубиной сцена свидания. Иван Кобыльников догоняет тунгусскую нарту, которую с трудом тащит какая-то женщина. Оказывается, его жена «идет — слезам умывается». Он потихоньку сбрасывает с нарты всю тяжесть. Не узнавая его, она обращается к нему с упрёком: и так «ей край (конец) приходит», а он ей еще слез прибавляет.

— Он тожно ее остановил. «Што жа, Марфида-Царевна, эка стала, не можешь признать свою обручника». У ней тожно сердце вскипело, слезы свои подтерла — тожно признала. «Ах ты, мой возлюбленный, обручник. так мне край пришол — вишь, как меня карають».

Эту сцену вполне можно причислить к лучшим страницам русской сказочной поэзии.

Все эти примеры, число которых можно значительно увеличить, говорят о сильной и яркой струе реализма в его творчестве, но этот же богатый реалистический материал отнюдь не разрушает фантастики и чудесного в его сказках, но служит только фоном для последнего. Фантастика и быт в сказках Чимы тесно сплетены и взаимно проникают друг друга. В общем же Чима должен быть отнесен к той же группе сказителей эпиков или классиков — хранителей старой волшебной сказки и сказочной обрядности. К сожалению, о последней нельзя судить в полной мере — слишком скуден материал. В сказке, приведенной в настоящем сборнике, отсутствует, напр., зачин, а концовка дана только в эмбриональной форме при соблюдении целого ряда других элементов сказочной обрядности: закон трехчленности, ретардации, ряд общеэпических формул; но уже во второй, записанной от него, сказке, мы имеем блестящие зачины и особенно концовку: «И я там был, водку пил, только по усу текло. а в рот ничего не попало. Пришел я оборванцем, надели на меня зеленый кафтан и дали мне ледяшную кобылу и дали мне горохову узду. Я сел на эту кобылу, да по городу и поехал. Челядь кричит: синь да хорош. А я думаю: скинь да положь. Взял кафтан, снял да по-

ложил. Стал город проезжать, за городом баня горит. Я поехал на пожар, кобыла-то у меня растаяла на пожаре, узду-то я на огороде повесил. Потом сказка кончилась, и я остался не причем. Служил, служил и не выслужил ничего».

Личные реминисценции и высказывания сказочника в записанных текстах выражены сравнительно слабо, но в сказке об Иване-Кобыльнике сыне все же имеется любопытное автобиографическое отклонение, искусно связанное с основной тканью рассказа и четко зарисовывающее личную бытовую обстановку енисейского сказителя: «А дворичко был худенький, вот как бы и наш: небом крыт, звездам горожен».

10. ИВАН-КОБЫЛЬНИКОВ СЫН

ОШЛО дело от старика и старухи.

Как в одном месте жил старик со старухой и дожил до той т ю к и, что нет ни хлеба ни муки. Осталась одна только кобыла. Вот старуха стала говорить старику:

— Убьем кобылу!..

— А на чем мы дровец привезем?

— Принесем, бог даст.

На том и положили — убить кобылу.

Межу тем летят тут вороны. А двориншко был худенькой, вот как бы и наш, нёбом крыт, звездам горожен.

Первой ворон и говорит:

— Крр! Тебя, кобыла, хозяин бить хочет!

Серёдный ворон говорит:

— Кобыла! говорит—если ум есть, убегай!

Зáдний ворон говорит:

— Не мешкай; тебе идут бить. Выскочи из двора, беги, куда глаза глядят!

Кобыла не долго думала, выскакивала из двора, бежит во темные леса.

Бежала, бежала по лесу и нашла на поляну. Поела на этой поляне и пошла дале.

Видит — лабаз. На этом лабазу тунгус слабажон, помершой. Кобыла это взяла тунгуса с лабазу и коленко погрызла право. Погрызла коленко и берёжа стала.

Ходила, сколь время, сколько ей надо, и родила сына. И дала ему имё — Иван-Кобыльников. И дала ему благословенье.

— Вот што дитя! доспей лук и стрелку. Ходи поляничай, и к ночи ставь стрелку в землю. Я буду знать, што ты живой; а не будет стоять стрелка, я буду ходить искать твои коски.

Распрощался с кобылой. Доспел лук и стрелу и стал поляничать, свою голову питать. Ходил, ходил, нашол на полянку. Видит — на поляне стоит пень, круг пенья ходит человек.

Надошел на этого человека и говорит:

— Бог помочь, добрый молодец!

— Спасибо тебе.

— Чего ты ищешь?

— А я—говорит—стрелку потерял.

Оглянулся Иван-Кобыльников, стрелка тут, подле него стоит в земле.

— Как тебя звать? спрашивает Иван человека.

— Иван-Солнцов сын.

Иван-Кобыльников и говорит:

— Пускай меня в товаришши!

— А я, говорит, рад товаришшу. Будь ты бóльшей брат, Иван-Кобыльников сын, а я мёньшой.

Пошли поляничать. Поляничали, поляничали, опеть на полянку нашли. На этой на полянке пень, а круг этого пенька человек ходит.

И таким же пѣборотом, как и первѳй раз, говорит:

— Бог помочь, доброй мѳлодец!

— Спасибо на добром слове.

— Кого ты ищешь, доброй мѳлодец?

— А я — говорит — стрелку потерял.

Иван-Кобыльников сын посмотрел, посмотрел вкруг...

— Вот — говорит — стрелка.

— Как тебя зовут, доброй мѳлодец?

— Я — говорит — Иван-Месяцов сын...

— Пойдешь с нам — говорит — в товариши?

— А я рад товаришам.

Иван-Месяцов сын и говорит:

— Ну, Иван-Кобыльников сын, будь ты бѳльший брат, Иван-Сонцов — брат серѳдний, а я мѳньшой — Месяцов сын.

Остановились они тут жить. Доспели юрту себе, — притулъе на этой на полянке.

Потом стали бить всяку птицу и всякого зверя, перо и шерсть в кучу копили. К ночѳ стрелки становили все. И поутру стрелки их — вышиты [изукрашены].

Иван-Кобыльников сын встал и говорит:

— Што же, братцы, у нас у юрты неблагополучье есть. Кто-то над нам изгалѳтца.

И говорит он мѳньшому брату:

— Ну, Иван-Месяцов сын, ты эту ночь становись на караул и смотри, кто к юрте ходит.

Пришла ночь. Иван-Месяцов сын стал на караул; а те в юрту лягли на покой. Сидел,

сидел, досидел до полночи, и спать захотел. Никого не видал. В полночь в шерсть заполз и крепко заснул, и не видал пичего.

Побутру встает бóльший брат, видит стрелки опять вышиты.

— Што же, брат, Иван-Месяцов сын, видал кого-нибудь в эту ночь?

— Не видал никого.

— Не есть ты каравульщик, Иван-Месяцов сын! Ну-ко, серéдний брат, Иван-Сонцов сын, становись ты в каравул на эту ночь!

Стрелки опять поставили голы.

Стал на каравул Иван-Сонцов сын. Сидел, сидел — никого не видал. Залез в перо; его пригрело: Иван-Сонцов сын и заснул крепко, и никого не видал.

Побутру встают братья. Иван-Кобыльников сын смотрит стрелки. А стрелки ешшо того лучше вышиты всяким цветом.

— Што, брат, Иван-Сонцов сын, видал кого-нибудь в эту ночь!

— Никого не видал.

— Не есть ты, брат, каравульщик, Иван-Сонцов сын!

Подошла третья ночь.

— Ну, вы, братья, не есь каравульщики. Заходите в юрту, ложитесь спать, покаравулю эту ночь я. Докуль будут над нам смеяться!

Сидел, сидел; близь полночи уж подошло; Иван-Кобыльников сын залез в шерсть. Слышит — шум. Прилетают три колпиды.

Ударилсь ó земь — доспелись красным девидам. И подкосились всяка ко своей стрелке, и доспели хохотанье:

— «Та, говорит, моёго милóва стрела, и та говорит, — моёго милова, и третья говорит — моёго милóва!»

И потом Иван-Кобыльников сын тайным образом подкрался под их кóбзухи и крылья и склал в карман. — До стáвальнóй поры все вышивали и хохотали. Меж тем дошло время, когда лететь.

Соскочили и побежали ко своим кóбзухам и крыльям. Хватились — на том месте нету.

— Ах — говорят русским я зы́ком — сестрицы родимые, спрòпали мы. Нас суда рок носил.

— Кто — говорит — здесь хрешно́й? Марфида — царевна спрашивает. Ежели старше нас, будь отец наш; ежели младче нас, будь брат наш; ежели ровня наша — будь обрúчник мой.

Иван-Кобыльников отвечает в шерсте:

— Да верно ли твое слово будет?

— Царско слово три раз не говорится, раз только говорится.

Он выходит из шерсти.

Ну, он сколь красив, а она красивше его ешко. Он ей заглянись так любезно, а она ему заглянись и пушке того. Тожно сошлись рука в руку, перстня́м золотым переменились и потом поцеловались, и сказал: «Люби ты меня и я тебя!» И она ответила.

— А это у тебя товариши? У меня сестры есть.

Потом он своих братьёв стал будить.

— Эх, братья, сонны тетери, вставайте!

Они стали, вышли с юрты.

— Ну, вот вы, каравульшики, не могли скара-

вудить, кто к нам ходил. Почему я скаравулил себе обручницу и вам товаришшов.

И тем же поборотом и братья взяли своих жон и обручились. И стали в этой же юрте поживать все шесть человек.

Переночуют ночь, а на утро оставляют жон домочничать, сами уходят поляничать.

Вдруг стал Иван-Кобыльников сын замечать над своим ба́бам, наипаче над своей: стала блёкнуть, сохнуть. И стал он говорить братьевьям:

— Што-жа, братья, стало быть к нашим жонам кто-нибудь ходит, о́ли они стали печалиться.

На другой раз заметил у них под юрту норы вырыты. Не понадеялся на братовьев, послал их поляничать.

— Ступайте,— говорит,— с севоднишнего дня поляничать, а я останусь каравулить.

Братья ушли в самы полдни.

Иван-Кобыльников сын остался на каравуле.

Выпáлзывает огненной змей в юрту и принялся груди сосать у жон. Тем он их и крушил и сушил. Натянул он свой тугой лук, наложил калену стрелу и прямо его в грудь ударил.

Он покотился с его обручницы, с жоны прямо в нору. Только ответил русским языком:

— Ну, Иван-Кобыльников сын, жди ты меня через три дня с огненной тучей.

Собрались братья. Иван-Кобыльников сын говорит:

— Ну, братья, давайте в трои сутки стрелы

доспевать. Нашел я супостата. Только убить вовсе — не убил, а только ранил. Вот через три сутки овбешшался он прибыть с огненной тучей.

И в три сутки они делали луки да стрелы. На последни сутки делали, делали... Иван-Кобыльников сын и говорит:

— Ну, Иван-Месяцов сын, поди-ко, посмотри, подвигатся ли где туча.

Иван-Месяцов сын вышел и говорит:

— Ох! братья, подымается от земли туча черна.

Не через долгое времё посылат Иван-Кобыльников сын, Иван-Сонцова сына.

Вышел Иван-Сонцов сын, и отвечает:

— Ох! братья, туча агромáдная идет, близко и близко подходит.

Не через долгое время выходит Иван-Кобыльников сын — туча по над головой.

И давай они биться, и давай биться. Бились, бились — треть тучи убили. И Ивана-Месяцова сына убили. Три (две?) трети осталось. Бились, бились — половину тучи убили, и Ивана-Сонцова сына убили. А половина тучи осталась, войска нечистов-дьяволькóв. Бился, бился Иван-Кобыльников сын, треть тучи побил, и его побили. Забрала ихних жон и увела — энта треть остáльная.

Кобыла по лесу гуляла-ходила. Хватилась своего сына, и побежала стрелку искать. Прибежала в это войско с головы, стрелку доискалась. Стрелка обронёна.

— Должно быть, неживой мой сын!.. И давай ходить по головам. Ходила, ходила, — нашла

его голову с туловишшем. Взъяла его лизнула, обвернулась, задом лягнула — он сросся; другой раз лизнула, задом обвернулась, лягнула — он вздрогнул; третий раз лизнула, задом обвернулась — лягнула: он и на ноги встал.

— Ох! мамаша, говорит, я долго спал. Оживи, говорит, моя родительница, моих товаришшов, Ивана-Сонцова сына и Ивана-Месяцова сына.

Разыскала их головы, Ивана-Сонцова сына и Ивана-Месяцова сына, совсем с туловишшам. Тем же пёборотом, как его оживляла, так и их оживила. — И говорит сын матери:

— Ну, мамаша, а где же наши жоны?

— Я не знаю.

И говорит он своим братьовьям:

— Ну, братья, стало быть нехристь увела.

И мать сыну наказала:

— Опётъ жа эдак стрелку станови, и я буду знать.

Сама убежала в широко долину.

— Ну, братьовья, говорит Иван-Кобыльников сын, станемте ноньче трои сутки зверьё бить да ремень шить.

И били трои сутки зверьё и сшили ремень в трои сутки.

— Ну, братьовья, — говорит Иван-Кобыльников сын, — спускайте меня на ремне в эту нору, а не достанет ремня, — свои кушаки наставляйте. Через двенадцать суток если за ремень не подёрну, от норы отходите, куда глаза глядят.

Спускали, спускали, и остановилась колыбёля, и только один кушак надвязали.

Вышел там Иван-Кобыльников сын, из колыбёли и пошел по тропинке. Шел он близко ли,

далеко ли по этой по тропинке и увидал озерину. Кругом ее обошел, эту озерину. Видит — три зéншины идут. Запал он в чепыжник. Поравнялись с нит эти зéншины, а он как раз стрелку через дорогу прострелил. А эти зéншины шли на озерину с ведрами по-воду, и первая из них была его жена. И как эта стрелка пролétила, она удрòгнулась и крикнула: «Ох!»

Сестры у ней спрашивают:

— Што ты сестра удрòгнулась?

— А мышонок пробежал... Имья не сказала.

Зачерпнули воды, и она стала замешкиваться.

Сестры и говорят:

— Што ты, сестрица стала отставать?

— А так, говорит — мне до-ветру́ охота...

Идите. Я приду.

Ушли сестры с виду, она и молвит русским языком.

— Што, мой обручник, здесь?

Он отвечает:

— Здесь!

Она рада доспелась. Занялись они разговорам.

Стал Кобыльников сын выспрашивать:

— Што, змей лежит, али чего делат?

— Лежит — говорит — в колыбéli, раненой.

— Как к нему подойтить, говорит, посичас олй погода?

— Ты приходи, говорит, в самы полдни и примечай, как колыбель станет утуляться, и он разоспится.

Иван-Кобыльников сын подошел — колыбель ешшо качатца: стало полдни — колыбель стала утуляться. Змей разоспался. Подошел он

к колыбеле, наперво прищिमил — придал жисть змею короткую. Энту треть тут всеё погубил после того.

И пошел, стал своих жон забирать. И чего ему надобно из запасу, и повез своих жон к норе.

Привязал Иван-Кобыльников сын имущество к ремню. Подёрнул — братья и поташшили. Спустили ремень, он привязал Иван-Месяцова сына жану. Подернул — они поташшили. Ремень спустили опять. Привязал он Ивана-Сонцова сына жону. Подернул — они поташшили. Ремень опять спустили. С жонкой со своёй у них спор сошелся. У ней сердце чуяло... Она спорит: — Давай тебя привяжем...

А он спорит:

— Давай тебя привяжем; ты, говорит, тут испужáсья.

Иван-Кобыльников сын переспорил таки. Привязал ее. Подернул, — до верху стали дотаскивать, взяли ремень обсекли, он упал и убилсья. Забрали его жону и повели от норы.

Стали к ево жоне приступать, приступ делать. Она не сдается. Они стали ее карать. Где корь еви шшо, юрт óви шшо сдернут, на нее складут — она тáшшит, своим слезám умываются. Стала сохнуть, блекнуть. Высохла, как былинка, насилу ноги носят.

Кобыла хватилась свово сына. Прибежала и его стрелке — стрелка упала. Давай она бегать кругом норы. Бегала, бегала, — ух оду нету. Разворочала она юрту, видит — нора. Понюхала в нору — в норе. Давай спускаться в нору. Спустилась в нору, увидала его, мертвого. Таким же пóборотом, как она раньше

оживляла его, оживила. Вскочил Иван-Кобыльников сын, отряхнулся.

— Ах, мамаша — говорит — долго я спал!

— Да, говорит, кобыть не моя голова, ты бы вовсе не встал.

— Што, мамаша, как мы попадем на верхний хвост?

Она ему отвечала:

— Дитя! в трои сутки зверье бей, трои сутки сумы шей, да в сумы в куски руби, да мясо клади.

Наклат Иван-Кобыльников сын две сумы в трои сутки полные и перевесил через мать-кобылу. И она говорит:

— Дитя! садись и ты на меня. Я — говорит — поползу, оглянись, ты — говорит — по куску подавай мне — буду подыматься.

Как оглянется, он и подавал, и подавал по куску.

У него запаса не хватило. Она оглянулась, ему подать и нечего... От правой ноги своей палец отрезал, подал. Второй раз оглянулась, ему подать нечего. От правой ноги своей икру отрезал, подал. Третьий раз она оглянулась — ему подать нечего. От правого уха своего отрезал, подал.

Выползли на верхний свет. Слез Иван-Кобыльников сын с матери своей кобылы.

— Ах, дитя, говорит, я пристала. Што ты, говорит, напоследе сладкой мне хрящ подал?

— Ухо, говорит.

Выхаркнула — прилижала.

— Второй раз чего мне сладко подал?

— Икру от правой ноги своей.

Выхаркнула — прилижала.

— Кого ты в первой раз твердо подал?

— Палец — говорит — от правой ноги своей.

Выхаркнула — прилижала,

То жно́ Иван-Кобыльников сын ей в ноги пал,
в право копыто.

— Прощай, говорит, родима мать, навеки,
должно, нам не видаться!

Она и говорит:

— Куда ты девася, сыночек?

— Я, мамаша — говорит — своих братьовъ ёв
догонять стану, да свою жону.

Распростился и побежал. Мать осталась. Бежал, бежал... Где прибежит на огнище — нет, на другое — нет. На третье ночевишишо прибежал: они только ушли перед ним.

Завидел впереди зѣншину. Зѣншина везла на себе ношу, прямо тунгуску нарту, и на нарте шесты с юрты складены — они карают ее. Везет она себе одна; тех не видать; идёт, слезам умываются. Иван-Кобыльников сын давай с нарты шестки сбрасывать. Она не слышит. Сбросал все шестки — она и почувствовала, што на ее плечах легко стало. Остановилась, оглянулась и увидала доброго мѡлодца. Во слезах не могла признать.

— Ах ты, доброй мѡлодец. Так мне край приходит, а ты слез прибавил, горя.

Он то жно́, ее остановил:

— Што жа, Марфида-царевна, эка стала, не можешь признать своего обручника?

У ней то жно́ сердце воскипело, слезы свои подтерла, то жно́ признала.

— Ах, ты, мой возлюбленной обручник, так мне край пришел, вишь, как меня қарают!

Бросил Иван-Кобыльников сын всю эту нарту, посадил жону себе на плечи и давай нагонять братьев. Стал до них добегать. Они стали огонь добывать на ночёвишшо. Сосердил свое сердце, как добежал, так обеих пришемил, — жисть коротку придал.

Тожно́ из кармана вынул ко́жухи и крылушки, повыдернул пёрышки. Из шести крылов тожно́ приделал себе крылушки. Потом они надели на себя ко́жухи, возвились все четверо и полетели на Сиёнски горы, на шелко́вы травы. Потом тут с ней обвенчался. И эти ее сестрицы стали ее прислуги. И стал он жисть здесь кончать, и сказки — конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

Запись сказки об Иване-Кобыльничике сыне сделана А. А. Макаренко в 1896 г., напечатано в «Живой Старине» 1912, II—IV, стр. 357—365 (в юбилейном выпуске, посвященном памяти бр. В. и Я. Grimm).

Текст Чимы сближается с серией сказок о героях, рожденных чудесным образом от животных, рыб или каких-нибудь предметов. Напр., А ф. 76 (Иван-Коровий сын), А ф. 75 (Иван Быкович; Он ч. 4 (Федор Водович и Иван Водович), Си б. 14 (О трех богатырях — Вечернике, Полуношнике и Световике», где герои — дети золотой рыбки) и др. Наиболее близок к тексту Чимы Худ. II, 54. (Иван-Кобылин сын). Описание момента и способа рождения и, вообще, весь этот эпизод носит резко местный колорит и не имеет соответствия в остальных текстах. Может быть найдутся следы в сказочном эпосе сибирских туземных племен.

В дальнейшем изложение развивается по типу сказки о двух братьях: Анд. 303. Сравн. А ф. 92; Эрл. 3; Он ч. 4 в сочетании с сюжетом освобождения царевны от змея: Анд. 301-А.

Главнейшие особенности текста отмечены во вступительной заметке. Следует также выделить оригинально изложенный эпизод встречи Ивана Кобыльничикова со своей женой в царстве змея, где сказитель снова выходит далеко за пределы обычных сказочных канонов.

СКАЗКИ П. БОГДАНОВА

П. БОГДАНОВ

БОГДАНОВ Парамон безземельный, многосемейный крестьянин-бедняк одной из деревень Белозерского края. «Средствами пропитания — рассказывают о нем собиратели, — служит ему лишь его ремесло: он — швец, ходит, большую часть по своей волости. Благодаря своей профессии знает очень много сказок». Составители сборника сказок Белозерского края, Б. и Ю. Соколовы считают его одним из лучших сказочников края.

К сожалению, и от него, так же, как от Чупрова или Семенова, записано очень мало сказок — всего пять текстов; таким образом, ни его репертуар, ни особенности стиля не могут быть выяснены с достаточной полнотой и отчетливостью. Но, все же, его тексты послужили предметом специального, небольшого исследования, в котором очень удачно охарактеризованы основные черты художественного метода сказителя, поскольку это позволял скудный материал, имевшийся в распоряжении автора.¹

Автор называет П. Богданова «сказочником, сумевшим чрезвычайно удачно сочетать в своем творчестве формы

¹ В. Г о ф м а н. К вопросу об индивидуальном стиле сказочника. «Художественный фольклор», IV—V, М. 1929; стр. 113—120.

старинной сказочной обрядности с ярким индивидуальным мастерством, сказывающимся в разработке отдельных моментов традиционной схемы. По подсчету Э. В. Гофман в сказках, вошедших в белозерский сборник, только 25% сопровождаются концовками; между тем, у П. Богданова концовка отсутствует только в одной сказке, при чем нужно добавить, они и разнообразны и индивидуальны. Точно так же он строго сохраняет и зачинные формулы (в трех сказках из пяти), начиная ими не только волшебные, но и бытовые сказки—в том числе и сказку о том, как поп работников морил: обычно же сказки этого типа лишены традиционной обрядности.

Наконец, для него характерны повторения, градации, закон трехчленности, обычные сказочные схемы и формулы. Замечательны и его композиционные приемы: бытовой сказке он придает традиционное оформление, свойственное только сказкам фантастическим, а последние он насыщает огромным бытовым материалом. Так, напр., сказку о золотом яичке сказитель начинает с бытовой, детально разработанной картины раздела крестьянской семьи. «На фоне сказочного шаблона, — пишет Э. В. Гофман, — разворачивается трагедия крестьянского раздела, семейных разногласий, вызванных невестками и беспомощного положения мужика, лишенного хозяйства». В таких же, резко-бытовых очертаниях, в кругозоре деревенского рабочего обихода, обрисована фантастическая, по существу, встреча бедного мужика со своей судьбой. Резко подчеркнуты бытовые детали и в разработке сцены утраты одним из сыновей чудесного дара: он приходит из бани, садится пить чай, в стакане оказалось подмешанным вино («а... он хмельного не потреблял»), выпитый стакан его опьянил, он падает и т. д.

Бытовыми подробностями осмысливаются и традиционные схемы и ситуации. Прекрасный пример в той же статье Э. Гофман — завязкой сказки о попе служит традиционное положение о старике-отце и его трех сыновьях: двое умных, третий дурак. Сыновья поочередно выполняют одно и то же дело, при чем удачнее всех это выполняет младший. Это — шаблонная сказочная схема. «Но — пишет автор — П. Богданов сумел настолько расцветить эту шаблонную экспозицию прямой речью, психологией героев, бытовыми подробностями, что она не-

разрывно сливается с бытовым сюжетом, являясь мотивировкой всего его построения. Мы видим здесь и крайнюю бедность крестьянской семьи, и вызванную этим необходимость одному из сыновей идти в батраки, и неохоту сыновей идти в люди. В развязке, помимо традиционного возвращения младшего, удачливого брата, дано разрешение и главной теме — жадность попа: поп стал такой добрый — стал работников жалеть.

Таким образом, быт, фантастика и традиционные схемы, в его изложении, являются не разнородными элементами, как это иногда встречается у сказочников, но сливаются в единое неразрывное и органическое целое.

Сложнее вопрос — об идеологической стороне его сказок. По мнению Э. В. Гофман, «здесь труднее всего отыскать индивидуальные черты. Добро награждается, зло наказуется; бедность обычно вознаграждается всякими земными благами; поп изображается жадным, корыстолюбивым и охочим до женского пола, — все это традиция, шаблон, идущий от поколения в поколение, из сказки в сказку». Это — не совсем так. Несомненно, что в основе все это — традиционно, но разве уже не свидетельствует о том или ином умонастроении и понимании мира выбор определенных элементов из общей традиции или определенная их комбинация. Правда, неполнота материала заставляет с большой осторожностью устанавливать какие-либо взгляды, но и то, чем мы располагаем, в достаточной мере определяет основную тенденцию сказочника.

Исходный пункт всех его сказок, как это указано и самой Э. В. Гофман — мотив бедности, который всегда «чрезвычайно обстоятельно им развивается». Эта же точка зрения бедняка является и формирующим моментом в выборе репертуара и обработке материала. Традиция Парамона Богданова — не просто общесказочная традиция, но та, которая характерна для бедняцких слоев сказительства. И совершенно прав Б. М. Соколов, когда он указывает на сказки П. Богданова, как на один из самых ярких примеров проявления классовой борьбы крестьянства с попами на экономической почве. «Психоидеология бедняцкого крестьянства проявилась здесь с особенной силой и яркостью». Далекое не случайно, что в репертуаре такого рода бедняков-сказителей всегда оказываются,

иногда даже преобладают сказки о полах. Бедняцкая психология сказочника отразилась и в разработке сюжета об утке с золотыми яйцами, где — особенно для этого типа сказок — резче всего подчеркнут мотив имущественного неравенства двух братьев и даны яркие, художественные картины семейного быта крестьянина-бедняка.

11. ЗОЛОТОЕ ЯИЧКО

НЕКОТОРОМ царстве, в некотором государстве жил-был мужик богатейший. У него было три сына: два умных, а третий Иванушка-Дурачок.

Старик захворал и своим сыновьям наказывает: «В случае я умру, Ваню не обидьте у меня». Старик помер. Поминки отошли, помиюли. Остались сыновья онне себе жить.

Ну, братья живут себе ничего-мирно, а невестки стали себе побраниваться. У этих братьей, у большаков, нет робят, а у Ванюшки-Дурачка их семеро. Невестки и говорят: «Чего нам кормить чужих детей! Давайте Ваню отделим. Пускай один с семьей своей живет!»

Братья взяли Ваню отделили и из постройки дали ему онну байну только. Хлеба три меры ржи дали. Вот доля ему, — хорошо Ваню не обидели! Вот три меры он смолол ржи. Стел— на три недели не хватило. Боле ись нечего и купить не на што.

«Пойду—говорит—к брату-большаку! Не даст ли мерочки ржи?» — говорит. Пришел к брату-большаку. — «Што, брат, ись нечего. Не дашь ли мерочки ржи?» Брат взял ключи, сошел в амбар, насыпал мерку ржи. Дурак съездил на мельницу, смолол. Баба испекла и съели эту мерку опеть. Опеть стало ись нечего.

Ваня пошел опять к брату своему, не даст ли ешшо мерочки. Пришел к брату. — «Што, брат, я съел твою мерочку! Не дашь ли другой?» Брат сказал: «Што, Ваня, али все будешь за мерочкой ко мне ходить? Тебе мера дана, самому зарабатывать!» Ну, оннако взял ешшо насыпал мерку ржи». — «На, больше не ходи ко мне!» Брат сошел на мельницу, снес эту мерку, смолол. Баба испекла, съели опять. Мерку не долго съест: девять душ семья, ведь. И опеть с ело нечего ись.

«Пойду—говорит—к брату! Не даст ли ешшо мерочки?» Приходит к брату. — «Што, брат, нечего ись! Не дашь ли ешшо мерочки?» Вдруг бросились невестки, закричали: «Што мы тебя будем с семейством кормить? Всё будешь к нам ходить за мерочкам!» Ну, брат все-таки сжалел, дал мерочку ешшо. Смолол мерочку, съел опять. Больше ись нечего и взять не на што. К брату итти не смеет бôle — не велено.

Дело было воскресенье. Справился и пошел. — «Пойду—говорит—куда глаза понесут!» Вышел на перелесок. Перелесок верст сорок. Слышит, в стороне кто-то рубит дрова. Он остановился и думает: «Што же, нонче воскресенье, а кто-то рубит дрова, не празднует! Дай я, говорит, схожу, узнаю, кто это рубит».

Повернул в сторону и пошел в то место, где

рубит. Подходит — рубит баба дрова. — «Што ты, баба, делаешь? Севодни праздник, а ты работаешь!» Баба зрынула: «Как ты слоняешься, слон, так и люди будут слоняться! Я — твоего брата участь. Твой брат, знаешь, старается на работе, а я, его участь, ему и помогаю. А ты не то што в праздник — ты и в будень не работаешь, а потому ничего и нету у тебя. А участь-то твоя с дру́жником занимается!» — «А где мне участь моя, где бы пайти?» — «Садись на меня, я свезу тебя — найдёшь свою участь!»

Иван-Дурачок сел бабе на плечи. Баба понесла из лесу вон и вынесла на чистое поле и поставила на дорогу. — «Вот, ступай по этой дорожке! Дойдешь до кузленицы — зайди в кузленицу и попроси три прута железных сковать. Скуешь это прутьё — по той дорожке иди дальше. Дойдешь до дому. Стоит дом трехэтажной, и в эфтом доме сидит твоя участь в комнате и занимается с любовником. Зайдешь в этот дом, богу помолись, перекрестись и сядь на лавку. Когда твоя участь скочит, подойдет к тебе и спросит, будет тебя потчивать, — ты две рюмки выпей, а третью не пей! Ина тебя будет неволить, а ты скатай её этим прутьём и катай, пока она тебе не покорится».

Так он и отправился. Дошел до этой кузленицы, сковал три прута железные. Приходит к этому дому. Дом стоит трехэтажной. Пошел в эфтог дом. Сидят мушина с женщиной за столом. Зашел, богу помолился, им поклонился; сел на лавочку. Вдруг женщина сошла с графином, бежит к ему. Стала его потчивать. На-

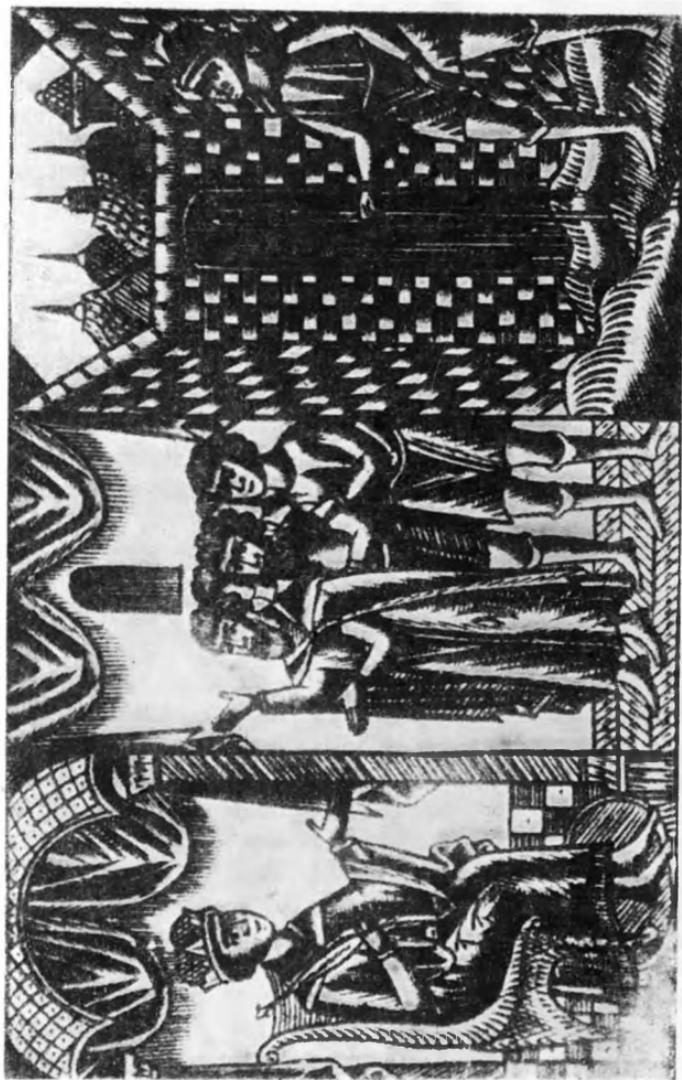
лила ему рюмку, он выпил; она другую налила, он другую выпил; она третью налила, он третьей не берёт. Она стала его неволить; он схватил её и давай трепать.—«Што ты меня неволишь?!»

Как он начал её, друженник её соскочил и в окно вон. Трепал, трепал; прут железный изорвал один, взял другой. Другой изорвал, взял третий. Потом эта женщина взмолилась ему: «Брось трепать, я дам тебе помóгу!» Потом он бросил её трепать. Она дала ему курочку с золотым гребешком.—«На, снеси домой эту курочку, снеси её в гнездышко. Она тебе будет золотые яички класть».

Этот Иван взял эту курочку и отправился обратно. Приходит на это место, где от бабы отстал. Посадила она его на плеча и принесла туда, где дрова рубила. Эта баба осталась дрова рубить, а он пошел на дорогу.

Пришел на дорогу, потом отправился домой по дороге. Пришел домой, ребятишки плачут: «Есть хотим! Давай, тятка, хлеба!» Тятка хлеба не принес — чего хошь ешь. Взял курочку в гнездышко посадил. Курочка положила золотое яичко. На другой день другое положила. На третий день третье положила.

Вот Иванушка-Дурачок пошел к своим братьям. Братья собирались ехать во иные земли на кораблях.—«Братцы, возьмите три яичка мои! Поедете во иные земли, может быть, вам там дадут по кулю хлеба за иф!»—«Вот дурак, у нас мякннные кузова стоят яиц. Если бы по кулю давали за одно, мы бы все свезли туда бы». Брат заплакал.—«Всё-таки, што дадут, а всё-таки свезите!» А сам не объясняет, какие

Из лубочного издания. Сказка об утке с золотыми яйцами.

яички. — Ну, братья: «Делать нечево: снеси в корабль, положи в уголок, где-нибудь!»

Иванушка-Дурачок сошел домой, в самые грязные тряпицы обвертел и снес в корабль и положил их, где не раздавить. Эти братья отправились на кораблях в иные земли. Приплыли в иные земли, остановились на пристанё. Потом берут самые лучшие подарки и несут королю. Принесли подарки, подали королю. Король расхвалил подарки и дозволил им торговать в своем городе.

Вот эти братья товары все распродали очень скоро, барышу получили очень много. Накупили товару, нагрузили свои корабли. Снова и хотят отправляться во свой город. Только стали на корабли, собрались ехать и вспомнили: «Што же, братья, этто мы яичка не продали? Где они были положены этта?» Сицясь розыскали яичка; развертели онучи, вывалились три яичка. — «Ах, брат-дурак, где же он такие яичка взял?! Што же это он нам не объяснил?»

Взяли эти три яичка, сошли в город и положили на золотой поднос и снесли к королю и сказали, што это от нашего брата вам подарок. Король весьма рад такому подарку был, отродясь не видал такого. Благодарил за этот подарок и нагрузил три корабля Ивану-Дурачку за эти яичка. — «Вот — говорит — приставьте Ивану-Дурачку от меня подарок за его подарок!»

Вот у них сделалось теперь шесть кораблей и отправились в путь дорожку. Жаль им отдать эти корабли брату. — «Брат просил по кулю за яичко, дак дадим мы ему пё два, а корабли себе оставим». У т а л а́ к а л и так.

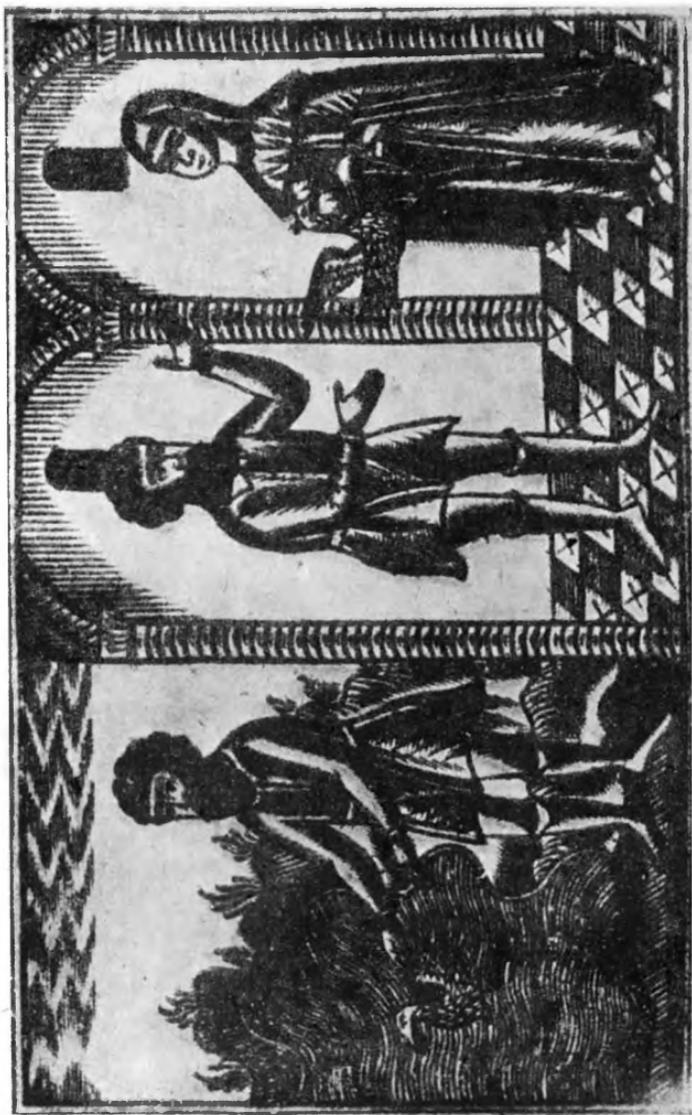
Вдруг корабли остановились, с места не пошли. Стоят день, другой, третий, стоят с месяц, и с места не идут. Братья спугались этому делу: «За то у нас корабли стали, что решили корабли брату не давать. Господи, вынеси наши корабли, отдадим их брату!» Вдруг корабли пошли.

Близ дому подъезжают, увидали, значит, свою родину — опять совет имеют, што «не дадим брату кораблей». Корабли опять остановились. День за день и с неделю стоят корабли и с места не идут. Братья сгоревались: «Вынеси домой, свои отдадим, не то ево́нные!» Так вдруг корабли пошли.

Пришли к пристанё. Братья голову повесили, пошли домой пригорюнились: жалко, што имушество теперь не ихнее село. Вдруг Иван-Дурачок бежит им навстречу: «Што, братцы, продали ли мои яичка?» — «Продали, продали! Беги, Ванюшка, на пристань, все, што есть там, все тебе за яичка!»

Ваня бежит к пристанё. Народ, который был приставлен, говорит: «Вот это наш хозяин бежит!» Эти корабельщики взяли своего хозяина на руки, взвели его на корабли. — «Вот объясняем тебе, Ваня, — это всё твое имушество! Все шесть кораблей! Определяй нам место и давай мы будем торговать!»

С Вани с Дурака сдёрнули это платишко, надели на его хорошее. — «Быдь ты, Ваня, хозяином, не рваньё такой!» Ваня здоровался, побежал ко своей жене, не нужно именья ничего. Прибежал к своей жене: «Жена моя, барыня, смотри, как меня здобили за яичко!» Жена сгребла дубину, давай своего мужа

Из дубочного издания. Сказка об утке с золотыми яйцами.

шлеить. «Тебе нужно, псу, здобу, а не хлеб робятам!» — «Да ступай ты, подлая, на пристань, дак и тебя здобят, коль тебе обинно!» Жена бросила дубинку, побежала с радостью на пристань. Бежит Ванина жена на пристань. Прикашшики закричали, што «это бежит хозяйка наша, рвапая такая!» Сидясь подхватили ее за руки, сдернули плáтьишко и здобили ее барыней. И эта убежала домой — ничего не нужно село.

Потом эти прикашшики увидели, што от хозяев дела ничего нету, дак давай лавки сами строить. Настроилл лавок, выгрузили товару и давай торговать. Потом у этого Ивана сыновья занялись торговать. Потом и сам Иван стал похаживать в лавку. Занялись торговлей. Зажили хорошо, нажили имушества много. Потом Ванина жена нажила себе полюбовника.

Вот этот полюбовник и похаживает всё. Как пойдут в лавку торговать, а ён к ей. Ходил да похаживал и попал на эту курочку с золотым гребешком. У этой курочке на гребешке была надпись: «Кто этот гребешок съест, тот будет царем, а кто из курочки съест пупок, тот будет золотым плёвать!» Так этот дружок рассмотрел все эти рядни. Захотелось ему эта курочка съесть.

Потом и говорит: «Душечка, заколи эту курочку и съедим мы вместе!» Она сказала: «Нет, курочки этой я не согласна заколоть». — «А почему же ты не согласна заколоть?» — «А потому не согласна, что мы с курочки и жить начали». — «Ну, не согласна курочку заколоть, не согласен и я тебя любить! Не приду к тебе во веки!» — «Хоть люби, хоть нет, а уж курочки

я не заколю!» Вдруг полюбовник ейный ско-чил и из дому побежал. — «Больше во веки я к тебе не приду, подлая!» Онако ей с жалелось: «Воротись — говорит — душечка. Заколю я для тебя курочку!»

Вот он воротился. Она взяла курочку зако-лола, опотрошила и жарить сицясь. Поставила жарить. Он и говорить: «Ну, душечка, надо нам истопить байна! Вымыться и потом курочка скушать». Сицясь она стопила байну и отправились они в байну.

Вдруг тот раз прибежали к ней его два сы-нишка — Мишка да Гришка. Захитли они ись. «Ах — говорят — мамки нет, а ись хочется!» Мишка и говорит: «Давай, Гришка, ивши, што в печке есть, ничего што мамки нет!» Гришка отворил печку, видит, што жаркое латко стоит. — «Ох — говорит — Мишка, этта жаркое латко стоит!» — «Давай, ташши на стол, все равно съедим!» Гришка выташил латку, поставил на стол и обделали ю. Взяли косточки, оклали в латку и поставили в печь.

Убежали из дому вон и видят: мать ейная идет из байны в дом с полюбовником. — «Ну, давай-ко, послушаем, будет нас matka бранить, што мы курочку съели?» Пришла ихняя мать с полюбовником. Хотят курочку есть; вынимает и видит одни косточки. «Ох, душечка, у кого-то съедена курочка, окладены в латку одни косточки. Видно Мишка да Гришка съели. Пуш-шай же они домой придут, я с них живых кожу сниму!» Эти Гришка с Мишкой слышат раз-говоры. — «Ах вот как нас мамка бранит, так мы лутше из дому вон!»

Вышли за город, свернули по папироске и давай закуривать. Закурили. Плюнул Мишка, а у него изо рта золотая. Они удивились. Плюнул ешшо — опять золотая, и так дальше все золото выплёвывает. Так он наплевал, наклали целые карманы, так што девать некуда и плевать-то перестал. — «Ох, Мишка, нам теперь хорошо жить-то! Полные карманы — говорит — а во рту ешшо больше!»

Так пошли продолжать дальше и дальше. Шли, шли путём-дорогой. Приходят в один город, и сами не знают, што за город. Розыскали одну старушку на задворенках. — «Бабушка, пусти нас, пожалуйста, ночевать!» — Просим милости, ночуйте! Только покормить мне вас нечем, ничего не приготовлено». Вдруг этот Мишка вынимает золотые горстья и подаёт этой бабке. — «На вот, бабушка! Вот тебе горсть золотых, куши нам на ужин!» Бабка сбежала в город, накупила всячины, возом навезла. Сидясь печечку затопила, напоила и накормила детушек.

Так они живут у этой бабки с месяц. И им и бабке хорошо. Потом разговор имеют с бабкой: «Што — говорят — бабушка, в вашем городе деется хорошего?» — «У нас, говорит, детушки севодня даря будут выбирать: у нас нет даря в государстве». — «А как же, бабушка, его будут выбирать?» — «А вот в назначенный день весь народ соберется и всем дадут по свичке, и у кого свичка загорится, тот и будет царём». — «Так мы, бабушка, поживем до того времени, дождемся!» — «Поживите, детушки, поживите. Я рада, што вы живёте!»

Вот они ешшо целый месяц прожили у этой

бабки. Потом подошел день назначенный, и эти Мишка и Гришка отправились на собор. Собралось народу и сметы нету сколько, и всем дали свечки в руки. У этого Гришки свечка затеплилась в руках. Весь народ осмотрелся; у эдакого мальчишки свечка загорелась — быть ему, значит, царём. Весь народ загалдел: «Не колдун ли он? Нужно прекратить до другого разу это дело!» Прекратили до другого разу. Другой раз собрался опять народ, опять всем по свичке дали. Опять у Гришки в руках свечка затеплилась. Народ опять загалдел: «Што такое у такого мальчишка другой раз свечка затеплилась!?» Ну, народ как не галдел, а суд сказал: «На што узаконяно, так и быть! У Гришки свечка загорелась, так ему и быть царём!» Так Гришку посадили на царство.

Сказка скоро сказывается, а дело не скоро делается. Ему уже село двадцать лет. Вот посадился на царство. Вот царь и женился и поживает со своей женой, и Мишка с ним живет. — «Што, брат Гришка, ты с женой спишь, а я один! Мне надо жениться!» — «Да ведь што, брат, желаешь жениться, — какую желаешь такую и возьмём!» — «Нет, брат, я здесь не желаю жениться. Нет здесь невесты по любви. Я ведь пойду теперь, где найду по любви невесту, тут и женюсь!» — «Нет — говорит брат — я не советывал бы тебе итти: пойдёшь без меня пропадёшь!» — «Нет, брат, не считаю, што пропаду! Хоть и из карману унесут, дак во мне самом много! Дак как же я могу пропасть?» — «Ну — говорит — с богом! Ступай, странствуй, коли не хочешь меня слушать!»

Так и отправился брат Мишка. — «Прошай — говорит — брат Гришка!» Распростились и отправились в путь-дорожку.

Вот шел путём-дорожкой много ли, мало ли места — заблудился. Вот он ходил, ходил, поест захотелось, а взять нёгде; и деньги есть, да нёгде купить. Вот и вспомнил брата. — «Правда брат сказал, что пропаду без его». Потом он вышел на ручеёк. Бежит ручеёк и стоит кусточек травки на бережку. Сел он к этому кустышку и давай травку шшипать и нсь. Поел этой травы — ослиз и оскорб весь, сделался нездоровый. — «О, господи боже! Што надо мной случилось? Весь я теперь пропал! Ну, делать нечего! Пойду по этому ручейку; неужели меня он не приведет ни к какому жилью?»

Пошел по этому ручейку, и попался опять ему кустышек травки. — «Дай — говорит — я сяду и поем: он навá помирать!» говорит. Сел к этому кустышку и давай нсь эту травку. Поел этой травки — и вся скóрба свалилась, очистился весь, сделался здоровой и красивой, ешшо лутше, чем был раньше. — «Слава тебе господи! Бог — говорит — не без милости: дал мне здоровья!» Взял, этой травки нарвал, в карман накла. Воротился и за той, и той нарвёл. Потом отправился по этому ручейку и вышел на большую дорогу.

Пошел по большой дороге и приходит в такой-то город. В эфтом городе розыскал старушку на задворепке. — «Бабушка, пусти меня почевать!» говорит. — «Милости просим. Ночуй, дитятко. Только покормить тебя нсчем!» Мишка сунул руку в карман и подает бабке горсть

золота. — «На, купи — говорит — мне на ужин!» Бабка здравалась, взяла золотые и побежала в город; накупила разных разностей, возом привезла. Сицясь печьку истопила, напекла и наварила, и ночлежника накормила.

Потом Миша спрашивает этой бабки: «Што у вас есть хорошего?» — «А чего хорошего? Вот у нашего короля дочь тридцать лет нездорова и никто не может вылечить; из иных земель привозили докторов — никто не может вылечить». — «Доложи-ка, бабушка! Я-то не могу ли вылечить?» — «Ох — говорит — дитятко! Где же тебе вылечить? Разные доктора лечили — не могли вылечить. Ведь ты будешь лечить, не вылечишь — голова долой! Вот все тычинки завешены головами, осталась тычинка одна, видно — для твоей головы». — «А нет, однако, бабушка, доложи: может быть, я вылечу!»

Старуха побежала к королю. Подбежала ко дворцу, слуги встречают: «Што, бабушка, надо?» — «А вот, так и так, у меня ночует ночлежник и берется вашу дочь вылечить». Слуги доложили сицясь же королю. Король велел тотчас же притти бабкину начлежнику. Он сицясь же явился к королю. Король спрашивает: «Ну, што, братец, берешься ли ты мою дочь лечить?» — «Так тошно! я — говорит — вылечу вашу дочь». — «Ну, если — говорит — вылечишь дочь, всем имуществом награжу, а нет — голова долой! Вот одна тычина приготовлена! Как же ты будешь лечить?» — «Нужно стопить — говорит — две байны и будет она здорова».

Король приказал истопить байну. Стопили байну и свели королеву в байну с доктором

этим. Мишка сицясь вынул травку, с которой сам сделался нездоров, положил ее в теплую воду, взял её этой травой всю и вымыл. Потом она сделалась ешо хуже нездоровая. Повели её из б ай ны. Король посмотрел. — «Ешшо хуже сделал дохтор, залечил до смерти мою дочь! Сицясь с него лутше голова, чем другую байну топить, а не то заморит дочь совсем. Али истопить ешо приказать? Што будет ешшо?» Король приказал другую байну истопить.

И свели королеву в другую байну с дохтором. Мишка взял эту травку, с которой сделался здоровой, размочил ее в воде и велел ей попить этой водицы. Взят её и вымыл этой водицей. Вдруг свадилась вся с ей скорб л о с т ь, сделалась здоровая, красивая, на е е все бы и смотрел. (У меня жана красавица, а она ешшо красивее была!) Вдруг эта королева берет этого Мишу за руки и целует его в уста и говорит: «Будь ты мой суженный-ряженный!»

Взялись они за белы руки и идут из б ай ны прямо во дворец. Король сглянул из окна, видит, дохтор идет, а на дочь и не может подумать, не верит своим глазам. — «Неужели этот дохтор вылечил мою дочь и с ей и идет?»

Вдруг подходит его дочь. — «Здравствуйте, маменька и папенька! Меня вылечил этот дохтор. Я — говорит — желаю быть жаной его!» Король немного думал, сейчас свадьбу сыграл. Повенчал. Живут — поживают себе. Потом она стала добираться к его: «Почему ты, говорит, золотом плюешь?» — «Я, говорит, плюю золотом по природе: у нас вся природа золотом плюет!»

Ну, сколько ни добивалась, не может до-

биться. Вот она сделала пир, наварила пива, набрала всякийф вин разных, назвала гостей и стала упрашивать, не можете ли втравить как-нибудь моёго мужа, чтобы выпил рюмку вина (а он хмельного не потреблял). Вот эти гости на пиру пили, а его втравить никак не могли, чтобы хоть каплю вина выпил. Так и гости все разошлись, ничего не могли сделать с им.

А ей все-таки охота достукаться. Взяла стопила байну. Утром он в байну; она согрела самовар, заварила чай и налила ему стакан чаю и в эфгот стакан самых дорогих напитков налила. Вдруг Мишка приходит из байны, садится пить чай. Сел за чай, выпил стакан, его и охмелило, он и пал. Жана и говорит: «Слуги, снесите его в спальну: он угорел видно». Слуги положили его на кровать, на перину.

Он там полежал несколько время, его смутило, он и сблевал — и выблевал этот самый пунок, с которого он золотом плюет. Тотчас его жана увидала, взяла обмыла пунок, съела и плюнула — выскочила золотая. — «Ах, вот отчего он, значит, золото плевал! Слуги—говорит—возьмите его, снесите пьяницу в нужник: ишь, всю комнату сблевал!» Слуги взяли его и выбросили в нужник. Он там очуствовался и говорит: «Господи боже, как я сюда попал? Сидел за чаем и очутился в нужнике. Што-нибудь наверно не ланно случилось. Куды же я теперь пойду — нагой и весь в гомне. Ведь мне стыдно и на люди выйти!»

Взял в рогозку обернулся и вышел из города вон. Вышел к канавке, взял умылся, и стал дальше продолжать. Шел и шел, всё лесом и всё

лесом. Дошел до того, што итти устал. Стоит одна яблонь и такие яблоки красивые — на их бы всё и смотрел. Сицясь он нарвал этих яблок и наелся. Вдруг оброс рогам весь. — «Господи боже, што надо мной село?! Я теперь пропал! Правда брат говорил. Топерь денег нет и рогам оброс! Куда я пойду топерь?!»

Так от яблони начал карапкаться прочь, да рога мешают: цепляют все за деревья. Добрался до другой яблоне, сорвал яблок, съел — рог свалился. Так наелся этих яблоков — все рога свалились. Тотчас взял этих яблок нашшипал. Потом и к той яблоне, и тех нашшипал. И воротился опять обратно в город.

Пришел в город, розыскал свою старушку опять на задворенках. — «Бабушка, пусти меня ночевать!» — говорит. — «Милости просим, дитятко! Ночуй!» — говорит. Вот он остановился ночевать. Бабка накормила его ужином и спать повалила. — «Бабушка, нет ли у тебя новенькой корзиночки? Снеси вот эти яблочки к королеве и продай». Бабушка принесла корзиночку. Он намял ее цельную яблоков. Она понесла к королеве. Служанки выходят: «Бабушка, што несешь?» — «Да вот яблоков продавать!» Королева обрадовалась, яблочки купила. Купила и сицясь в свою комнату и давай поедать. Што яблочко съест, так рог вырастет, так рог вырастет. Так вся рогам и обросла.

Слуги за доктором побежали. Доктора пришли с пилам, рога пилить начали. Што рог отпилят, — то ешшо больше с отрошьем вырастет. Побились, побились, — ничего не могут сделать.

Доложили королю. Король сгоревался, не

знает — как эти рога снять. Сицясь подает афишки во все края, во все разные губернии, кто может ехать к королю. Наехало докторов со всех мест и — давай рога отпиливать. Што рог отпилят, то насупротив ешшо больше вырастет и с отростем. Побились, побились, — ничево не могли сделать с рогам, так и разъехались.

Вдруг этот бабкин ночлежник посылает свою бабу: «Пойди к королю и скажи, што у меня есть ночлежник, берется рога снять». Король сицясь же приказал ночлежнику притти к ему во дворец. Ночлежник вошел во дворец. Король и спрашивает: «Што, ночлежник, можешь рога моей дочери снять?» — «Могу», говорит. — «А как же ты их будешь снимать?» — «А нужно стопить байна и в байне распарить рога, потом я буду снимать их. И свесть ее в байну и запереть на замок и до тех пор не отпирать байны, пока я не скажу; а если раньше отпрёте, то дело у меня сорвёте, и не снять мне будет рогов». Так с королем и условились.

Король приказал истопить байну. Истопили байну. А как поведешь? Не вывести её из комнаты. Сицясь приказали всем пыльшикам, штобы в раз спилили рога и продернули её в двери. Сицясь все пыльшики собрались, не успели продёрнуть — она опять вся обросла рогам. Так и в каждых дверях рога отпилят и продёрнут. Так и в байну ввели. Сицяс двери на замок, кругом байны караул поставлен.

Вот он завалил ю на полок и давай жару поддавать, распаривать рога. До того надавал жару, што самому не сдохнуть село в байне. Потом у него были приготовлены три прутья

железные, давай её ими ходить. Ходил, ходил, до того доходил, што ею из памяти выкинуло. Кричала, кричала и кричать бросила. Этот караул, который был у байны, доложил королю, што твоя дочь кричала, кричала в байне и перестала. Король с нетерпенья хотел байну отпереть, потом раздумал, што условие сделано, нельзя байну отпирать, пока не дозволит дохтор.

Потом эта королева блевала и сблевала этот пупок. Ен взял этот пупок, вымыл в теплой воде и проглотил пупок этот. Плюнул и золотая выскочила. Потом дал этих яблоков, с которых сам выздоровел. Она стала эти яблоки есть, стали у ей рога сваливаться. Наелась яблочка,— все рога свалились, сделалась она здоровая. Взглянула на этого фершела, видит, што ейный муж. Сицясь пала на колени: «Ох, душечка, прости меня за мою вину! Сплутовала я над тобой, посмеялась!» — «Ну—говорит—бог тебя простит! Меня прости!»

Друг друга простили и стали жить по-старому. Потом вдруг закричали: «Отпирайте байну!» Отперли. Идут ручка за ручку прямо во дворец. Король обрадовался такому делу, што евонная дочь сделалась здорова и идёт с мужем. Вдруг сделал пир на весь крестьянской мир. Пили, гуляли, цельные сутки веселились.

Потом этому Мишке захотелось спроведать своёго брата Гришу. И жана стала проситься: «Я от тебя не отстану, и меня возьми!» — «Ну, поедем, дак што же!» Справились и поехали. Приехали в то государство, где брат живёт. Брат весьма рад был. Погостили сутки двоитрой, потом вспомнили своего отца. — «Надо

нам съездить спроведать своего отца, как он поживает?» Вот справились и поехали оба брата, — оба именитые — один король, а другой царь.

Подъезжают к тому городу, — пасет пастушок свиной стадо. Увидали они этого пастушка и кричат: «Подойди сюда, старичок, к нам!» Старичок испугался, затрясся, не знает, чего и делать. Они видят, што старичок испугался, кричат ему: «Иди, иди, старичок, не бойся!» Старик подошел. Они спрашивают: «Што старичок, в этом городе был Иванушка-Дурачек, дак жив он или нет?» — «Жив, жив, батюшки! Я самый и есть!» — «Дак неужели ты самой Иванушка-Дурачок и есть?» — «Я, батюшки!» — «Как же ты попал в пастухи? Ведь он жил богато?» — «Сицясь всё есть именье, да жана с дру́жником живут, а меня заставили свиной пасти». — «Ну, садись, старик, к нам в повозку, коли так; если ты верно Иванушка-Дурачок!»

Старик испугался, не смеет садиться, не знает што и делать. — «Садись, садись, говорят, чего ж ты боишься?» — «Да у меня — говорит — свиньи уйдут!» — «Ну, чорт их оберни, свиной, будет свиной! Садись!» говорят. Старик сел в повозку их. Приехали к своему дому. Вошли в дом. Ихняя мать сидит со своими полюбивником за столом, любезничают. Взяли свою мать, наступили на ногу, за другую взяли и роздёрнули; а этого полюбивника привязали ко дверям и расстреляли его. Это имущество своим братьям оставили, а старика с собой взяли и потом разъехались по своим королевствам. Стали жить-поживать и добра наживать. И теперь живут. Сказка вся и сказывать больше нельзя.

12. КАК ПОП РАБОТНИКОВ МОРИЛ

Вот в некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в каком живём мы, жил один мужик. У него было три сына — два умных, а третий дурак.

Жили очень бедно. Отец посылает сыновей: «Идите хоть одни в работники: дома делать нечего». Сыновья собрались: ни тому ни другому неохота идти в работники. Перетолковали; задумали жребий кинуть — кому идти в работники. Кинули жеребий, досталось большаку-брату идти в работники.

Большак-брат справился и отправился в путь-дорожку. Поступил в работники к попу. Тот его ничем почти не кормил, проморил зиму. Ушел большак. На другой год отправился к попу средний брат и тоже чуть с голоду не помер. Настала очередь меньшому брату идти — Ивану-дураку.

Вот он снаряжился и отправился в дорогу. Вышел — на встречу подаёт поп, встречу ему. — «Далеко ли, добрый человек идёшь?» спрашивает поп. — «Иду себе места искать!» говорит. — «Ну, наймись ко мне в работники!» — «Найми!» говорит. — «Сколько дашь?» — «Сто рублей дам — говорит — за зиму!» — «Ну, а сто рублей дашь, я и жить стану!» говорит. — «Ну, станешь, дак садись в сани и поедем ко мне».

Сели в сани и поехали к попу. Приехали к попу. Поп чаем напоил, ужином накормил — «Ляжись спать!» говорит. — Утром ехать за сеном. Утром поп будит полночи работника:

«Вставай надо ехать!» Сам чаю напился, отзавтракал, а работника не кормит на дорогу.

Работник запряг пару лошадей. — «Ну, садись, батько! Поедем», говорит. Сели и поехали. Выехали за полё. — «Батька, говорит, я веревки забыл. Нечем сено завязать». — «Экой ты чудака! Ешшо хорошо скоро вспомнили. Беги, я подожду!» — Иван-дурак прибежал к попадье. «Матка, давай скорее, белорыбник и бутылку вина! Поп велел дать!» Попадья сейчас подала. Работник побежал. — «На, веревки, батько! Теперь есть чем сено вязать».

Верст сорок проехали. Наклали они вёзы, завязали. Поехали домой — сумерилось, а ешшо вёрст сорок ехать домой. Иван-дурак на возу выпивает из бутылки и белорыбником закусывает. Пои и говорит Ивану-дураку: «Ваня, гляди есть дорога направо, как бы ту лошадь не сбрела. А я дремлю». — «Ланно, батька, поезжай! Я усмотрю эту дорогу».

Ваня идет и смотрит эту дорогу. Увидал эту дорогу, скочил с воза и отвел лошадь в сторону по той дороге, по кой не надо было ехать. Проехали они по этой дороге верст пятнадцать. Потом поп проснулся. Осмотрел место и видит, што в сторону едут не ланно. «Ваня, ведь мы не ланно едем». — «А я, говорит, почём знаю — ланно или не ланно? Ведь ты впереди едешь, а я за тобой». — «Экой Ваня! Как я наказывал, што посмотри, дорога направо будет, а ты и заехал!» — «Ишь, сам впереди, а я и заехал!» — «Ну, стало быть, Ваня, делать нечего! Надо ехать по этой дороге. Должна тут быть деревни недалёко, нужно нам в ней ночевать».

СКАЗКА ХОЗЯИНА И РАБОТНИКА

Некоторый человек живущий в деревне четы
ри версты от города шестоащени имел у себя ве
снл вспычивы нраву которыхъ многихъ кресья
нъ исковаа приводилъ въ негодование болнхъ де
нь дилъ онъ своему работнику несколько денегъ
приказавъ иаонъ купить себе десятокъ аицъ
икупл свирить ихъ такъ чтова они небыли ве
сна густы иочинь житки работника създа
въ горотъ купилъ сказанное число аицъ хозяинъ
же велелъ ему ихъ свирить всмапку приказыва

Сказка о хозяине и работнике.

Так поехали дальше продолжать. Прибѣзжают они в одну деревню. Поп посылает работника: «Пойди, просись ночевать вот у такого-то мужика». Работник побежал к дверям. Видит, двери заперты. Сидящая большуха вышла, двери отворила. Работник вошел и просит хозяина: «Пусти нас, пожалуйста, с попом ночевать!» — «Милости просим, говорит, ночуйте!» — «Да, пожалуйста, я вас прошу, попу ужином не кормите: накормите, он ешшо гора жже шшалеет. Примолвите так, а садить не садите боле, а если посадите, так не взывайте, если шшалевать будет!» — «Ну, ланно!»

Работник лошадей выпряг, поставил к возам. Вошли в избу, разделись поп и работник. — «Пужинать ли не хотите ли, батюшка?» Поп на ответ ничего не подает, а работник свернулся да и за стол. Работник отужинал, как ему надо, а попу сесть не ловко, только примолвили, а больше не садят; а есть очень хочется. Так работник отужинал, полез на полати, и поп за ним.

Работник захрапел, а попу не спится. Работника тычет под бока: «Работник, ведь я ись хочу!» — «Ох, мать твою, косматый леший! Садил тебя есть не садилсѣ. Ведь не дома, где попадьѣ за руки садит. Поди, я видел у большухи горшок каши стоит, пойдѣ ешь! Поп сошел со палатей, розыскал горшок в сошке. — «Работник! говорит, чем я буду кашу есть? Ложки мне не найти» — говорит. — «А ты, чорт косматой, навязался! Есть ему дал и то покою не дает! Засучи руки и ешь так!»

Поп загнил туды руки и ожог; а там не каша

была, а вар. Вот ён забегал с горшком опять: «Работник! ведь мне рук не вынять!» Работник и говорит: «Иш, лешего косматого навязало на меня! Всю ночь покоя не даешь со своей кашей!» Ночь была месячная, значит. — «Вон, говорит, у порога точило лежит, брякни горшком об него и вынешь руки-то! Этот поп разбежался — да как хряснет об это точило. А это лежало не точило, а хозяин лысой спал. Поп об его лысину и ударил.

Хозяин завопел, а поп скочил да из избы вон: испугался. Тогда все хозяева скочили за огнём. Хозяин кричит чего-то, работник кричит: «Куды поп девался?» Не знаю, што и делалось здесь. Хозяева за работника: «Зачем старика убили?» А работник за хозяев: «Куда попа дели? Давайте попа! А нет, сидясь схожу к десятскому: «деревню собери! Где хочите, попа давайте!»

Потом хозяева одумались: «Куда поп девался?» — «Давайте, говорит работник, триста рублей, все дело замну, а нет к десятскому пойду!» Хозяева мялись, мялись, дали триста рублей. — «Только не сказывай, што случилось!»

Так работник запряг лошадей и поехал с сеном домой. Попа нет, значит. Проезжает деревню, стоит поп у пелевнюшки, стоит, из угла выглядывает, видит, што работник едет с сеном. Поп и спрашивает: «Аль ты, Ваня, едешь-то?» — «Я — говорит — косматой плут! Ужо в остроге будешь сидеть! Убил хозяина!» — «Неужели его до смерти я, Ваня, убил?» — «Да быть до смерти! Сидясь ладят за урядником ехать, протокол составлять. — «Не можешь ли, Ваня, как-нибудь этого дела замять?» — «Триста рублей давай,

ИИЗ КЪ ИЗНАЧЕННОВА МЕСТА ОДНАКОЖА БИИХ
ЖДЕ САСЕИ ОБМЕНАИТЬ НЕО ИМЕСТО ЧТОВА Д
СХАТЬ ДОВОНО ПРИНДИДЕНЫ БЫИИ НАЧЕВАТЬ
НАПОСЛЕ ПОДЛЕ СЕННАГО СТОВА РАБОТНИКА ДИ
ЗЪ ВМЕСЕЖА НАЧИИИ УМИНАТЬ ХОЗЯИИИ УСИ
ЛЫШАИИ ЧТО РАБОТНИКА ВСТА СПРАСИИИ ЧЕИ
ТЫ РАБОТНИКА УТОЛАСИИ ГЛАГОЛЪ СЕНОМЪ СЪ
ДАРЪ ОТВЕЧАИИ ОИИ ДОПОДЕИИ СЕИИИ РАБО
НИКА ПОТЧАСЪ ВЫСКОЧИИИ ИЗМЕСЕЖА БИИДЕРН
ИИ КЛОЧЕКА СЕИИ ПОДАИИ ХОЗЯИИИ СЕИИ ПО
ЛОЖА НЕСКОЛКО СЕИИ ВРОТА УЗНАИИИ ВСТА
ИИИИИИИ ЧТО ОНО ДАИИ ДАИИ РАБОВАИИ ВЕСИИ УП
РАБОИИ ИПОДАИИИ СЪ ПОСЕИИИИИ КЪ СЕИИИ И
РАБОТНИЧИИИ РАБОВАИИ ОСТАИИИ ОТСЕГО УМИИИ

Сказка о хозяине и работнике.

дак замну, а нет — дак в остроге сидеть будешь!»

Так поп согласился триста рублей работнику заплатить, только бы замял это дело. Работник вернулся в деревню, постоял за углом, постоял немножко и идет взад. — «Поезжай, батька, Теперь ничего не будет! Поедем взад!»

Приехали домой. Поп сделался такой добрый; стал работников жалеть. Как сам садится чай пить, так и работника садит. Ваня прожил зиму, семьсот рублей денег получил заместо сотни. Приходит домой отцу и говорит: «Вот, тятка, на деньги! Гляди, сколько заработал! Не как твои два умных сына». После этого стали жить-поживать и добра наживать. И теперь живут хорошо.

ПРИМЕЧАНИЯ

Напечатаны в сборнике: Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. СПб. 1915. Под №№ 54, 53.

11. Золотое яичко. Соединение сюжетов: «чудесная птица» (А н д. 567) и «рога» (А н д. 566). Контаминация этих сюжетов довольно обычна и часто встречается; в таком сочетании эта сказка дана в сборниках: Худ. I, 26; Сад. 22; Перм. Сб. 3; Вят. Сб. 134; Сок. 94; См. I, 177; Спб. 2. Основной сюжет: чудесная птица — мировой сюжет, известный в многочисленных записях разных народов — представлен текстами: А ф 114, 115 и 114 б (перепечатка лубочного издания); Худ. I, 25, 26; Эрл. 10, Вят. Сб. 85, Аз. I, 9. В вар.: См. 177 и Вят. Сб. 85 — роль любовника матери отводится духовному лицу.

Особенности изложения П. Богданова подробно разобраны в цитированной выше статье Э. Гофман. По большей части, тексты «золотой утки» невелики по размеру и недостаточно богато разработаны. Текст Богданова, — как замечает Гофман, — «наиболее полно разработан и богаче других по деталям». С ним может соперничать только прекрасный текст сибирского сказителя Скобелина (С и б. 2). Хорошо разработан и богат реально-психологическими моментами текст Винокуровой (Аз. I, 9), но он уступает богдановскому с внешней стороны, особенно со стороны сказочной обрядности.

В качестве зачинного эпизода в тексте Богданова использован сюжет о доле (А н д. 735), также и у Винокуровой. У П. Богданова — счастье изображено в образе бабы, работающей в праздничный день на братовом поле; у Винокуровой — «сгрибленный старичонка, который рвет хлеб с полосы бедного брата и пересаживает на полосу богатого». Сказка о доле встречается и в виде самостоятельного сюжета — напр., А ф. 172 и считается

исследователями одним из самых характерных сюжетов, вскрывающих сущность крестьянской сказки.

Отцом двух мальчиков-сыновей и владельцем чудесной утки обычно является бедный крестьянин; у П. Богданова он является, кроме того, младшим братом богатых братьев и соответственно этому получает традиционные черты и имя младшего брата, Иванушки-дурачка. Это любимый прием П. Богданова; по крайней мере из пяти, напечатанных в сборнике Соколовых, текстов — три начаты таким образом. Введенный в начале мотив бедности вызвал к жизни ряд богато и тонко разработанных картин бедной крестьянской обстановки: взаимоотношения братьев, ссора невесток и пр. Это сделало из сказки П. Богданова одну из самых ярких в русской сказке картин семейного деревенского быта.

Отличием текста П. Богданова от других является также характер мотивировки бегства сыновей из дому. У него они слышат гнев матери, и это заставляет их бежать. Обычно же любовник требует от матери их смерти. Они же узнают об этом или вследствие полученного вещего дара или же от повара, которому поручено их убить и который, жалея их, помогает им скрыться. Опускание этого мотива придало более реальный и правдивый вид образам матери и любовника, но при этом получилось несоответствие с суровым наказанием матери в эпилоге. Последнее является понятным только при наличии попытки матери известить сыновей. Очевидно, П. Богданов сохранил традиционную схему, но сильно изменил основные пружины развития действия.

Имена сыновей: Мишка и Гришка — как и всегда в сказках — конечно, произвольны. Такое сочетание вызвано, несомненно, игрой созвучий. При чем, как и все, впрочем, сказочники, П. Богданов так мало придает значения и самим именам и их связи с определенным персонажем, что беспрестанно путает их. Царем у него оказывается то Мишка, то Гришка, то снова Мишка и т. д. В тексте, для удобства читателей, эти уклонения выправлены.

12. Как по работников мори л (Анд. 1775). Сказка, имеющая много вариантов в русской и западноевропейской сказочной литературе. Иногда место попа заменяет барин, но очень возможно, что эта замена внесена под давлением цензуры.

Главнейшие тексты: Он ч. 206, 250, Вят. Сб. 31, 63; Перм. Сб. 47; С м. 156. Сказочник Селезнев (Вят. Сб. 63) закончил свой рассказ нравоучением: «Вот как учат скупых попов». Сравнительный анализ текстов П. Богданова сделан Э. В. Гофман в указанной выше (стр. 240) статье. Любопытный вариант — в «Зав. Ск.» (№ XXXVIII) «Как поп родил телёнка»; в ней урок, данный попу работником, мотивируется скупостью понадып.

Общая схема у П. Богданова соответствует обычной схеме сюжета, но с небольшими отклонениями отдельных мотивов; наиболее характерной особенностью является традиционное обрамление, несвойственное такого типа бытовым сказкам. Другой особенностью — богатство ярких и живых диалогов. Очень ярок и изображен с сочными, художественными деталями эпизод ночных злоключений попа, тогда как в большинстве имеющихся текстов это передано очень схематически, иногда в них даже пропадает и теряется эффект этого эпизода, так как рассказчик заранее предупреждает об ошибке попа, у Богданова же этот момент умело подготовлен («Худ. Фолькл.», стр. 116). Композиционное мастерство П. Богданова особенно выразилось в этой сказке. Как указывает тот же автор, у него подробно мотивирован каждый даже самый незначительный эпизод. «Возможность того, что поп заснул, и дал Ване поехать не той дорогой, заранее мотивируется тем, что сумерилось, а ехать было сорок верст. Поп мог принять лысину старика за точило, потому что ночь была месячная» и т. д.

Ю. М. Соколов считает эту сказку крайне характерной для народных настроений предреволюционной деревни («Что поет и рассказывает деревня», «Жизнь» 1924, № 1, стр. 280; там же перепечатан целиком и текст этой сказки).

СКАЗКИ А. Д. ЛОМТЕВА

А. Д. ЛОМТЕВ

ЛОМТЕВ, Антон Демьянович — пермский сказочник, крестьянин села Кожакула, Крашской волости, бывшего Екатеринбургского уезда; в момент записи сказок (1903 г.) Ломтеву было 65 лет (скончался он в 1912 году). По описанию собирателя, это был «бодрый и крепкий старик», продолжающий заниматься своими промыслами: «зимой бьет шерсть и валяет обувь, летом плотничает». Как сообщает собиратель, жил он крайне бедно, и даже встреча их произошла в тот момент, когда он ехал в город «закладывать самовар».¹

Как сказочник, Ломтев должен быть причислен к ряду самых выдающихся. Прежде всего, он выделяется с количественной стороны. Правда, численно запас рассказанных им сказок кажется сравнительно небогатым: 27 текстов, — но все они выделяются своим размером. В печатном виде они занимают 227 обычных октавных страниц, т. е. 15 печатных типографских листов. Это, конечно, значительно превосходит нормальный тип памяти среднего человека, и уж, во всяком случае, с этой стороны он превосходит всех известных до сих пор русских сказителей. Его сказка «О Рязанцеве и Милютине» занимает

¹ Сообщено нам лично Д. К. Зелениным.

14 страниц, «Васенька Варегин» — 17; «Иван-Солдатский сын» — 13 и т. д. Таким образом по длине текстов с ним могут соперничать только немногие сказители-сказочники. Иногда, у некоторых сказочников встречаются отдельные тексты даже и большего размера, напр., сказка «О трех богатырях: Вечернике, Полуношнике и Световике» Антона Широшника,¹ но нет ни одного сказителя, который располагал бы таким большим запасом столь длинных сказок.

Эта замечательная память позволяет ему хранить обилие сюжетов, фабул, отдельных эпизодов и деталей, распорядается которыми он довольно свободно. У него очень редки типичные формы сюжетов, но, большую часть, он соединяет несколько сюжетов, удачно и искусно комбинируя из них свои сказки.

Характеристика его метода, которую сделал во вступительной заметке Д. К. Зеленин, с нашей точки зрения не совсем точна. Он характеризует манеру сказителя следующим образом: «Изменить основу, остов сказки Ломтев считает своего рода преступлением, и всегда весьма точно придерживается того самого хода событий, с каким он когда-то усвоил данную сказку. В каждой своей сказке Ломтев видит стройное целое и дорожит этой цельностью сказки, т. е. свято хранит традицию, меняя и дополняя лишь мелкие бытовые детали».

Здесь не совсем ясно, почему собиратель говорит о традиционности по отношению к сказкам Ломтева. Поскольку мы ничего не знаем об его учителях, у нас нет основания судить и о том, насколько точно передает он слышанное ранее; сравнение же его сказок с другими аналогичными текстами, во многих случаях, обнаруживает оригинальность не только в манере изложения, но и в самом сплетении сюжетов и в их развитии. Сам же собиратель считает одну из сказок Ломтева («Рязанцев с Милютиным») собственным изобретением сказителя, хотя, в сущности, и эта сказка представляет собою только своеобразное сочетание различных известных мотивов и эпизодов. Тот же художественный метод характерен и для сказки о Варегине и некоторых других его текстов.

¹ В сборнике «Сказки из разных мест Сибири», Иркут. 1928 г. (№ 13).

В его репертуаре преобладают сказки волшебные и фантастические; элементы фантастики, вообще, довольно сильны в его сказках, но у него, так же как и у Винокуровой и других сказочников, фантастика уже тесно сплетена с бытом. Разнообразные, и богато у него подобранные, элементы фантастики он вводит в быт осмысляя тем сказочное повествование, и на этом пути он проявляет огромную изобретательность и чуткость художника. Записи его текстов в сборнике Д. К. Зеленина открываются сказкой о Ванюшке. Ее началом и завязкой служит сюжет ученичества у колдуна. Его обычная схема такова: старик желает отдать сына в ученье и случайно сталкивается с колдуном.

Ломтев тщательно мотивирует встречу. Старик у него отправляется учить сына, по дороге их застигает гроза, мочит дождем, они сбиваются с дороги. Сын предлагает отцу прислониться к забору: «не так будет нас дождем бить». Хозяином дома оказывается старичок-колдун, он слышит разговор у своего дома, выходит на голоса, и таким образом, происходит встреча и знакомство, завершающееся отдачей сына в ученье.

Такими реалистическими подробностями полна вся сказка. Напр., рассказ, как старик учит Ванюшку хозяйничать: «начал его самовар учить ставить: налил воды и жару наклал»; тонкие реалистические детали — в рассказе об открытии запретной двери: «Ах, дверь крепкая... Увидал на двери есть такой сучек. Взял он палочку-колотушечку — проколол этот сучек». Фантастические драгоценные камни, золото и серебро запретных комнат заменены совершенно реальными, и более знакомыми рассказчику и его слушателям, медными, серебряными и бумажными деньгами. Влезание в ухо коня, после чего герой делается покрытым золотом чудесным богатырем, заменено простым мазианием себя золотом. Можно привести очень большое количество аналогичных примеров.

В таком же, строго реалистическом плане, но с глубоким психологическим проникновением, изображены сцены встречи Ванюшки с девушками, его отчаяние, когда они исчезли, выпрашивание платья и т. д. «Доходит, отворил комнату, стал: ништо с имя не говорит; онемел и стоит. Девицы сказали: «Што ты, Ванюшка? Ади мы хороши?» — «Сколько у дедушки в комнатах

хорошо — а вы мне показались еще лучше!» — Когда красавицы улетели, он «сял на лавку, замахал руками, заботал ногами, задурел». Так, сменой движений великолепно передано состояние отчаяния. Для художественной манеры Ломтева вообще очень характерно это внимание к мелким движениям, в которых проявляется то или иное состояние человека.

Как художник-психолог, он, конечно, значительно уступает Винокуровой (которая в этой области является непревзойденным мастером среди русских сказителей), у него нет таких целостных, выдержанных в едином плане психологических образов, как у сибирской сказительницы, но отдельные моменты и сцены у него порой блестяще разработаны. Такими моментами особенно богата его лучшая сказка — сказка о Ванюшке. Как яркий пример, можно привести сцены отчаяния Ванюшки, когда, лишившийся всего, потерявший жену и богатство, он сидит где-то на кочке, в болоте, закусывает сухариком и плачет: «Жди, отец! Выучился Ванюшка!»

Таким образом, Ломтев должен быть отнесен к тому же типу сказочников, что и Винокурова; его сказки — так же реалистичны и характеризуются сильным уклоном к психологизму; так же, как и у Винокуровой, интерес к реалистически-психологической стороне заслонил интерес к внешней стороне сказок: сказочная обрядность выражена у него довольно слабо. Вступительные формулы и концовки у него почти совсем отсутствуют. На все 27 сказок можно указать только одну концовку, и то очень примитивную. Очень бедно представлены у него и внутренние сказочные формулы и типические места. Описание богатырской поездки и седланье коня встречается только один раз; традиционное описание бабы-яги иногда встречается, но, напр., в сказке о Ванюшке оно уже отсутствует и заменено реалистически построенной беседой между старухой и зашедшим путником. Отсутствует оно и в ряде других текстов, где ему надлежало бы быть по ходу действия.

Взамен этих традиционных формул, у Ломтева ряд своих, самостоятельно выработанных, чисто реалистического типа формул, которые играют у него такую же роль, как обычные типические сказочные формулы. Из таких формул можно указать описание угощения, которое он передает всегда следующим образом: «давала она

всякого бисерту, подносила имя жареного и паренова». Это «жаренова и паренова», по приблизительному подсчету, встречается у Ломтева раз десять. Из других формул такого же типа: «ночным бытом», «с копылков долей» и проч.

Репертуар А. Д. Ломтева чрезвычайно разнообразен: в него входят сказки волшебные, бытовые, шуточные сказки, сказки-легенды, сказки-рыцарские романы и т. д. Но над всем преобладают чисто фантастические сюжеты (17 из 27); кроме того, элементы фантастики заходят и в его бытовые сказки (ср. приведенную здесь сказку «Васенька Варегин»).

Кто был учителем Ломтева, где и у кого перенял он свои сказки, не установлено; но, несомненно, что он черпал сказки из разных сфер. Основной же социальный фонд его сказок — купеческий быт, с которым он был лично связан и который он превосходно знает. Даже в сказках явно солдатского происхождения («Васенька Варегин») черты купеческого быта заслоняют основные солдатские. Он даже Илью Муромца делает (правда, на короткий срок) купеческим приказчиком. Отношения колдуна-волшебника и его приемыша («Ванюшка») являются типичными взаимоотношениями купеческой семьи.

Вообще его сказки — типичный пример сказок, прошедших через купеческую буржуазную среду. Но вместе с тем, было бы ошибкой считать их и определенным выражением купеческой идеологии. Купеческий характер сказок подвергся у Ломтева сильному окрестьянению. Круг интересов сказочника — чисто крестьянский, и его кругозор — кругозор крестьянина-бедняка. На примере сказок Ломтева особенно оправдываются и делаются наглядными утверждения о мелкобуржуазном характере «идеалов» крестьянина-бедняка дореволюционного времени: его «бытие и сознание находилось всецело во власти собственнической системы и идеологии» (Б. М. Соколов; см. также вступительную статью, стр. 84—90).

Очень силен в сказках Ломтева местный колорит. Действие в подавляющем большинстве случаев происходит в «Урале». «Урал», — как указывает Д. К. Зеленин, — является для него символом, заменяющим обычную фантастику неведомых и потусторонних царств. В «Урале» рождается Иван-крестьянский сын — герой

сказки о Незнайке, там же происходит действие сказки «Звериное молоко», «по Ураду» — «диким местом, не путём, не дорогой» поехал Иван-Царевич искать Елену Прекрасную и там же встретил дворцы своих зятей и т. д.

«Было бы ошибкой видеть, — говорит Д. К. Зеленин, — во всех этих случаях одну пустую сказочную формулу, утратившую уже свое определенное содержание; в других случаях того же сказочника действие происходит в подобной же обстановке, но не в «Урале», а у моря, — и тут нет никакого смешения. Никогда не случается, чтобы, напр., море оказалось около «Урала». Да и самая формула с упоминанием «Урала» могла возникнуть только в данной области, а не где-либо в ином месте» (стр. XXII). Но местная бытовая стихия не ограничивается только этим упоминанием «Урала» — она представлена гораздо шире и подчиняет себе ряд элементов сказки. Так, напр., типично местными чертами — чертами северной уральской природы — изображается пейзаж: топучее болото, мхи, кочки, дремучий лес, трактовая дорога и т. д.

Любопытные замечания сообщает Д. К. Зеленин и о характере речи в его сказках: «говор Ломтева — чисто владимирский, с сохранением предударного *я* (запрягать и т. п.), переходом предударного *е* в *ѣ* и т. д. Но в сказках он свое произношение сильно разнообразит — повидимому из убеждения, что в сказках все должно быть по-особенному, не по-будничному, деревенскому».

13. ВАНЮШКА

ОТЕЦ повел своего сына, Ванюшку, учить. Застала их дорогой буря-ненастье. Пошел дождь. Заблудились они. Пришли нечаянно к какому-то дому. — «Станем мы, тятка, к забору: не так будет нас дождём бить». А в этом дому живет старик — ему 500 годов. Услыхал этот голос. — «Кто тут около моего дому?» — «Мы с сыном» — «Ага! — сказал старик: заходите в мой дом». Запустил их и спросил: «Куды вы пошли?» — «Своего сына учить». — «Отдай ты мне его на три года: я выучу его к худу и добру». — Согласился. Ночь переночевали. Старик домашней начал его самовар ставить учить: налил воды и жару наклал. — «Ванюшка, таши-ко из комнаты, чего там есть на столе!» Наташили и мя всего жаренова и паренова. — «Добродетельной, видно, хозяин, хорошо нас накормил! Слушай его во всё». — Проводил отца домой, хлеба ему на дорогу и всего положил.

Сын остается со стариком; живёт год, живет и два и третьего на половину.— «Што ты меня не учишь никакому ремеслу? Это я и дома умею. Не будешь ты меня учить, я домой уйду; а если будешь учить, буду проживаться». — Доверил ему старик от семи комнат ключики: «Ну, Ванюшка, к какому ремеслу заглянётся, тому и учись!»

Проводил старика, пошел по комнатам. В первую комнату зашел: денег медных навалена куча. Во вторую комнату Ванюшка перевалился: тут тоже серебра кучи — не меньше того, как и меди. — «Экой богатой старик!» В третью комнату зашел — тут серебра груды. В четвертую комнату зашел — тут бумажных денег поленицы. — «Ну, что мне ремесло! если мне охапку денег даст старик, так тут мне никакого ремесла не нужно!» В пятую комнату зашел — тут наслаты ковры, драгоценными камнями убраны, висят скрипки и гитары. — «Экой старик — забавник!» В шестую комнату зашел — наловлено всякого сословия разных птиц, поют разными голосами. Ванюшка подивился: «надо жо наловить!»

Ванюшка ходит день и два по этим комнатам. Старик сказал: «Што, Ванюшка, к какому ремеслу ты обучаешься?» — «А что мне, дедушка, ремесло. Если ты мне хорошу вязанку навяжешь денег — вот нам и не нужно ремесло!» сказал Ванюшка на это. — «Обучайся к чему-нибудь, к ремеслу к какому-нибудь!» — «Ну, ладно!»

Старик ушел на охоту, а Ванюшка взял ключи, пошел по комнатами. Дошел до седьмой комнаты. — Ах, дверь крепкая! до этой комнаты [старик] Ванюшку не допущает, а што-нибудь

да там есть лучше. Увидел: на дверё есть такой сучек. Взял он палочку-колотушечку, проколол этот сучек. Видит: в комнате сидят три девицы, вышивают ковры драгоценными камнями.

Ванюшка крикнул. Девицы на это сказали: «Ванюшка, что ты к нам в гости не ходишь?» — «Я ишо молод, до вашей комнаты мне дедушко ключики не дает». — «Ну, мы тебя научим». — «Научите!» — «По вечеру старик придет, ты ему подай бокальчик—и два, и до трех—старикун!..»

Старик приходит по вечеру. — «Ох, дедушко, ты каждой день ходишь, небось пристал?» — «Как жо, Ванюшка, не пристал?!» Ванюшка подал ему стаканчик и два, и до трех. — «Эх ты как меня разупóбил! Ты перетряси перину мягку, подушки пуховы; одеялом соболиным приодень меня!» — «Ладно, ладно, дедко, лежйсь!» Всё ему исправил это. Лёг он на левой бок. Ванюшка на его глядит, не спит. Переверотился на правой бок: на левом уху у его ключик от комнаты, у старика. Взял Ванюшка, снял тихонько ключик, пошел к девкам в комнаты.

Доходит, отворил комнату; стал, ништо с им я не говорит: онемел и стоит. Девицы сказали: «Што ты, Ванюшка? али мы хороши?» — «Сколько ли у дедушки в комнатах хорошо, а вы мне показались ешо лучше!» — «Ну, Ванюшка, поди жо ты вот в эту комнату! В этой комнате есть комод. В этом комоде есть шкатулка; гляди: на верхней полочке ключик лежит. Отопри шкатулку: есть наши самосветные платья, таши сюды!»

Ванюшка притащил платки, подает им я. Они надели платки, взяли его под ташки (под пазухи, по-нашему) и пошли кадселью плясать. — «Ванюшка, што — мы хороши? — «Я на вас здрить не могу: вы настолько хороши!» — «Хотя мы и хороши, только ты и видел нас!» — Пали они на пол и сделались пчелами. Ванюшка их потерял. Сял на лавку, замахал руками, заботал ногами — задурел: не ладно, видит, сделал. Отворил двери, они потом улетели от его — вылетели из хоронов.

Проснулся старик, схватился за левое ухо: ключика нет. Взглянул на Ванюшку: «Сукин сын! кто тебе дозволил с моего уха ключик взять?» — «Да кто дозволил? Я вчерась тебя поил вином — омманывал! Кто позволил? Они же научили меня, суки!» — Што ты наделал?! Я теперь должон их три года собирать!» — «А што тебе делать? — собирай!» — «Ты теперь три года жил, и ешо три года живи».

Старик отправился, Ванюшку оставил на три года дома. Старик приходит, приводит — через три года — всех трех девиц опять обратно. — «Вот прожил ты, Ванюшка, шесть годов у меня. Теперь ты в совершенных годах; я тебя женю теперь... А которую ты из их возьмешь?» — «Да хоть которую!» — «Да которую все-таки» — «Да вот хоть эту жо возьму!» — «Нет, эту не бери, вот эту возьми!» — Отвел ему дом особенной. Всего в дому довольно: «Вам навеки не прожить — говорят — тут». Отдал ему шкатулку, сказал ему: «Не отворяй, не надевай на ее платки!»

Прожили они неделю. Пошла она х ко бедне

[к обедне]. Собралась в браурное платьё, надела шаль черную пуховую на себя. — «Эка собралась я теперь как умолённая монашка. Кабы хорошей муж, дал бы мне самосветное платьё! Люди-то бы посмотрели: эх, скажет, у Ванюшки женьшина-та хороша!» — Ванюшка вспомнил, что дедушка не велел; как полыснет ее, она и с копылко в долой. — «Айда! мне ладно, а люди што хошь говори!»

Неделя проходит, старик к имя приходит в гости. — «Што, Ванюшка, поживаешь?» — «Спасибо, дедушка, поживаю хорошо». — «Теперь айда ко мне в гости: ко мне гости приедут». — Поблагодарил Ванюшка, сказал хозяйке: «Давай собирайся!» — «Сейчас айда те: гости приехали!» Жена собралась в браурное платьё, надела на себя черную пуховую шаль. — «Вот к дедушке приедут гости все из царского колена. Вот, кабы хорошей муж надел бы на меня самосветное платьё!..»

Забыл Ванюшка, в ынял ключик, достал из шкатулки это платьё. Надела она это платьё скоро на себя; надела и поцеловала его. — «Ну, пойдем теперь!» — Вышли на улицу. Пала она на землю и сделалась она голубем и улетела от его. (Вот тебе и жена!)

Тогда он воротился в комнату, сял на лавку, замахал руками, заботал ногами... Да хоть сколько маши, никто не уймёт! Вышел Ванюшка на двор, набрал соломы охпку, напехал полную печь. Напехал и зажэг. Накрошил он сухарей, накла в котомку и пошел жену искать: «Не пойду—говорит—в гости к старику один». Шел день до вечера, зашел в топучёе болото и

огрѣз до колена. Вышел на долину, сѣл на кочку, взял сухарик: сидит поедает с горя-то.— «Жди, отец! выучился Ванюшка! Сам не знаю, как выплестись отсюда! Сам не знаю, где живу!» Заплакал Ванюшка.

Соскочил Ванюшка, поглядел во все стороны, — увидел в одной стороне огонь. — «Знать-то, жители живут!» Ванюшка пошел на этот на огонь. Приходит: стоит избушка, на куричьей голяшке повёртыватся.— «Ну, избушка, стань по-старому, как мать поставила! — к лесу задѣм, ко мне передѣм». Зашел в эту избушку, разулся, разделся, лег на печку и лёжит по-домашнему.

Неоткуль взялась Яга-ягѣшна: бежит, и лес трешшит. Заходит в избу, разевает рот — хочет Ваню съ и съ эта Яга-ягѣшна. Ванюшка сказал: «Што ты, старая сука, делаешь? В протчих деревнях так ли делают старухи? — А ты должна баньку истопить, выпарить, вымыть и спросить: где ты проживался?»

Старуха одумалась: затопила баню, выпарила, накормила ево. — «Где же ты проживался?» — «Я проживался шесть лет у дедушки в учениках: он споженил меня на малой дочери». — «Экой ты дурак! ведь ты жил у брата моего, а взял племянницу мою. И она вчера была у меня на совете. Нашто ты надел на нее самосветное платьѣ? Она бы жила-жила у тебя, — не надевал бы — говорит — на нее!» — «Ты уж теперь меня, тетушка, научи, как к ей дойти!» — «Пойди, там ишо есть у меня сестра, поближе к ей живет, там она тебя научит».

Дала ему подарок лепѣшку: «Будет лезть (и съ его), так ты её в зубы тычь, етой лепѣш-

опередить поному достанется все! Находка оба лешии сродости
и нашо согласился и повеяли попоказати си дорою и какъ сло
ро уйдяли они изъ виду тогда Иванъ царевичъ надеясь
на себя самото селюходы ишлаву невидимку истажд невидан
заканертъ възвжъ подмышку и пошея въ путь свои лешии и
одинъ дружокъ перетянул нашо место пришли где лежан и
ихъ иходки пошла и пошли ииждана царевича ии вси въ на
ходка то оворотились пошеян въжъ чрговъ сыслажд Ивано
царевича одноко дома ииходили на него чомемоти видста пою
му что нимия была надежда шадва невидимки ишлажд они бе
гивъ повсему лесу напоследокъ разошлись по своимъ местомъ
ишлажд царевичъ шела пушемъ дороюсю несколько днен и
увидежд вадорогъ стоивежд тамъшла иижушка тогда царевич
пошея каижушки ишлажд иижушка иижушка встанъ лесу за
домъ ииомне олеринне передока вдуруя иижушка обернулс
лкъ задомъ иижушка иижушка иижушка она вду иижушка и
ушидежд епу вдуу кокорна спидеа напоу уверши мери востю
ишлажд иижушка шель еста вдуе чедда иибуо царевича (шлажд ф) ф
Фу вдука дочкевю русмаво духу (шлажд) не слаждано иибуи
рускоп дугъ иибукажд совршдетс зачетъ вду добромъ сло
дежд иибука царевича судъ зашла волю или невиданю сду шп шув
стерда вду востыгда сказы иибу царевича шп вртдежд
дотерва иибука напоа доиномри иибука уи спрашман еста
вду востыгда востыгда соврда напола напола яибукажд
ибука царевича иибука востыгда иибука сду шп шув
иибука шп шув иибука востыгда иибука востыгда иибука

Сказка об Иване-царевиче.

кой!» Дала ему еще воронью косточку; он её в карман положил. Опять пошел в путь.

Шел день до вечера. Зашел в болото топучее — ночным бытём. Огряз до колена в болоте, вышел на долину, сля на кочку, вынял сухарик, сидит, поедает. Соскочил на ноги. Увидел опять: огонек горит. «Знать-то там тетка моя живет!» Пошел на огонек. Избушка стоит на козьих но́жках, на бараньих ро́жках, повёртыватса. — Избушка, будет култыха́тьса: время Ванюшке заходить. Зашел в избушку, по-домашнему разулся, разделся, лег на печку и лёжит.

Неотку́ль взялась Яга-ягишна: бежит, и лес трешшит. Заходит в свою хату. Прибежала и лезет на ево ись. — «Эх ты, старушка! в прочих деревнях так ли делают? ты должна добром обходиться». Тычёт ей лепешкой в зубы. «Вот что ты делаешь! ты бы должна баньку истопить, выпарить, накормить и спросить, куда путь клонит, где проживался?»

Одумалася старуха. «Ладно, от сестры ты гостинец принес, лепешку». Истопила баню, выпарила, накормила. — «А где же ты, милой друг, проживался?» — «Проживался я у дедушки шесть лет в учениках, он и споженил меня на малой дочери». — «Вот ты какой дурак! вель ты жил у брата у моёго, а взял племянницу мою. Вчерась она у меня была на совете. Не надевал бы на нее самосветное платье — никуда бы она не ушла от тебя!» — «Нельзя ли как, тетушка, через тебя достигнуть к ей?» Дала она ему в подарок жар-птицыну косточку. — «Есть там моя старшая сестра; та тебе обскажет: она

близко около ее живет... Она очень злая; дам я тебе ешо полотенцо; как лезти на тебя будет, ты ей хлещи по глазам!»

Пошел он. Шел день до ночи, зашел в топучее болото и огряз до колена. Вышел на долину, слял на кочку, взял сухарик (ись захотел), сидит, поедает; съел сухарь, стал, поглядел во все стороны, увидел в одной стороне огонек. Пошел к огню. Избушка стоит на козьих рожках, на бараньих ножках, повертывается. — «Избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, к нам передом!» Заходит в избушку: никого нет, один фитилёк горит.

Неоткуль взялась Яга-ягйшна: бежит, и лес грешит; прибежала, и лезет на ево ись. Он полотенцом ей по глазам хлещет. «Што ты, старая сука?!. Должна спросить: откудава ты и куды пошел? Вот как в протчих деревнях делают старухи-те: должна про меня баню истопить, выпарить!..» — «Ладно, ты принес от сестры полотенцо: признаю я тебя знакомым». Истопила баню, выпарила, накормила. — «Где же ты, мой друг, проживался?» — «У дедушки шесть лет в учениках проживался, он и споженил меня на мадой дочери. Она от меня улетела!» — «Дурак ты дурак! вчерась она у меня на совете была. Не надевал бы на нее самосветное платье, викада бы она не ушла от тебя!» — «Научи-ко ты меня, тетушка, как доступить?» — «Ну, ладно, пойдем со мной, покажу я тебе её дом».

Завела она его на гору. — «Видишь: вот в этой стороне в роде солнца огонь?» — «Вижу», говорит. — «Это не в роде солнца огонь, а это ее дом: он весь на золоте — говорит. До его

ешо итти тебе 300 верст, до этого дому. Иди ко мне теперь, я тебя учить буду, как заходить к ей в дом... На, я тебе дам лепешку: у ей у ворот привязаны три льва, они тебя так не пропустят. Ты разлومي ее на три части, разбрось имя. Они будут лепешку ись, ты проскочи в ограда (во дворец)! Стоят три дежурных у паратьнего крыльца — не будут тебя пушшать. Ты на это не гляди: одного полысни, штобы он с ног долой, и другой повалится, а третей скажет: проходи, проходи! — Ты и пройди. Зайдешь в комнату, и в другую. В третей комнате она сидит в хороших крйслах таких. Ты не назови ее тогда женой, назови ее тогда государыней: она ведь царица, не простая, пади перед ней на колени, скажи: «Государыня, дай мне три раз спрятаться: если я три раз не упрячусь, тогда меня, куды знашь, туды и девай!»

Дала ешшо она ему шшучью косточку и проводила. Ванюшка исполнил все, как ему было сказано; пришел к царице во дворец, пал на колени и просит ее: «Государыня, дай мне три раз спрятаться: если я в три раз не упрячусь, тогда меня, куды знашь, туды и девай!»

«Ох ты, Ванюшка, сказала она: где тебе спрятаться? я тебя везде найду!» — «Ну, дозвольте, все таки государыня, спрятаться!» Она дозволила. Он вышел на лужочек. «Куда мне спрятаться? Сясти под куст, так она найдет!» Сунулся в карман. Попала перво-на-перво ему воронья косточка, первой тетки. Бросил он эту косточку на лужок. Неоткуль взялся могúтной ворон, взял его под тáшки, за руки и заташ-

шил его в топучее болото; только одна голова осталась у него не спрятана. Ворон сля на голову, закрыл его — спрятал.

«Слуги, подайте мне гадательную книжку и зеркалы: я буду Ваню искать!» Искала она его везде — по болотами и по лесами, и по лугами и в морской пучине: нет нигде его. Нашла его в топучем болоте: ворон сидит на голове на его. — «Ворон, вытащи Ванюшку, чтобы он был здесь!» Ворон выхватил его из болота, принес на морё, курнул его — вымыл, принес на берег на лужок. Приходит Ванюшка. — «Што, Ванюшка, раз спрятался?» — «Спрятался!» — «Ну, ступай, ешо прячься раз!»

Ванюшка отправился, вышел на лужок, вбила жар-птицину косточку, от другой тетки. Неоткуль взялась жар-птица, взяла его под ташки и унесла его под небеса, спрятала и держит его там под оболочком. Время вышло. — «Слуги, подайте мне гадательную книжку и зеркала: я буду Ваню искать!» Начала он наводить по морями, по лесами и по лугами — нет нигде. Навела она на небесную высоту и увидала его под оболочком. — «Жар-птица, сыми его, не убей». Жар-птица сняла его, поставила его, как есть, на ноги, на лужок. Заходит он к ней... — «Ступай, поди прячься в третьей раз!»

Ванюшка отправился в третьей раз. Вышел близ моря; хватился в карман, попалась ему ишущья косточка. Бросил он ее на лужок. Неоткуль взялась могутная ишука; взяла его зоглонула в рот и унесла в море, в морскую пучину, и стала — залезла под камень. Подали

гадательную книжку и зеркала; начала Ванюшку искать — по небесной высоте наводить, по лесами и по дугами и по озерами; навела в море, в морскую пучину, и под камень... Только у ноги у одной палец не заглоула шшука: палец видать. Немного не запрятался Ванюшка. — «Слуги подойдите, посмотрите: куда запрятался Ванюшка!» Слуги подбежали, посмеялись. — «Шшука, представь мне на сухой берег его!» Тогда шшука выпятилась из моря, выплюнула на сухой берег его (всего измяла его).

Приходит Ванюшка во дворец, заплакал; увидала у ей служанка, сожалела его (што ему смерть). — «Постой, Ванюшка, милой друг, постой со мной, поговори! я тебя научу. Проси у ей усердно, штобы она тебе ешо раз спрятаться. Я тебе куды велю спрятаться, так ей вовеки не найти. Если дозволит она тебе спрятаться, поди, со зла дверь запри, во вторую комнату войди, тут есть зеркала: меж зеркал ляг и лежи!» Приходит к ей, пал перед ей на коленки. — «Ну, што, Ванюшка, какую себе теперь смерть желаешь? на веселицу тебя или живого в могилу закопать?» — Он заплакал и говорит: «Государыня, дозволь хоть мне ешо раз спрятаться». — «Где тебе спрятаться? я тебя везде найду?» Слуги и енералы его пожалели: «Государыня, пожалей его: дай ишо раз спрятаться!» — Сogласилась.

Ванюшка пошел от нее, со зла двери запер; во вторую комнату зашел, меж зеркалов пал и лежит. Прошло время. Начала она искать его везде — в море и в морской пучине, п по

лесами, и по озёрами, и по лугами, и в небесной высоте... Нигде не может найти. — «Вы, меня, подлецы, довели до этого! велели ему спрятаться!» Тогда бросила свои книги от себя, ходила-ходила по комнатами, потом сяла в стуле, повесила голову и сидит. Скричала: «Ванюшка! где ты ешь? иди сюда! станем жить вместе!» Ванюшка лежит и не отгáркивает ся. Во второй раз она взяла опять книги и зеркалы, искала, искала... Опять не могла нигде найти. (Ей зеркало на зеркало никогда не навести.) Побегала, побегала по комнатами. — «Эй, милой Ванюшка? где ты? Иди сюды, не будем с тобой ссориться, станем вместе жить с тобой!»

Он стал жить вместе с ей. Месяц прожил, послал письмо отцу: «Я живу тепер в таком-то царстве, владею царством. Если желаешь, приезжай ко мне на житьё!» Отец пожелал к ему на житьё.

14. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

У царя были сын да три дочери. Царь стал помирать, сыну наказывает: «Мотри, пёрво дочерей отдай, а потом сам женися». — Царь помер; схоронили и поминочки отвели. Поживают год и два. Старшей сестре стукнуло 30 лет, а второй было 26, младшей с залишным 20 годов. Время и Ивану-царевичу жениться. Приходит к сестрам на совет: «Што, сестры, стало быть, — за вами женихи не приедут — мне сроду и не жениться». — Старшая сестра гово-

рит: «Запрѣги карету, поежжай: не найдешь ли в чужой державе мне жениха?»

Запрѣг золотую карету, поехал искать. Только проехал станцію, — едет рыцарь не хуже его на такой на золотой карете же. — «Постой, Иван-царевич, скажи мне, куда ты поехал?» — Иван-царевич сказал: «Есть у меня старшая сестра, охота мне ее замуж отдать, женишка ей съискать». — «Ладно, хорошо» — этот самой мѣлодец: «согласен я ее взять, я за тем же поехал — невесту искать себе». И он объяснил ему так: «Я урѣдец у меня одна рука с ѓ х л а я» (з ѓ г о д я объяснил ему жених). — «М ѓ ж е т, сестре поглянѣшься, это ничего!»

Приезжают к Ивану-царевичу. Сестра выбежала встречать их: «Што, брат, привел жениха?» — «Привел, вот гляди». — Жених поглянулся ей, согласилась она за его итти; и они с ей повенчались. День пировали. Дело к ночѣ; взяла она его за ручку, повела в спальну. Поставил он [Иван-царевич] дежурного одного: «М о т р и, не прокарауль; я его не спросил, как зовут и отколь».

Ночь проходит; поутру Иван-царевич приходит, заглянул в горницу: нету никого, они уехали. Дежурного м ѓ з н у л по щеке и в тюрѣмной з ѓ м о к с в ѣ л, заковал.

Приходит на совет к сестрам к другими. — «Што, сестры, за вами если не приедут, неужели мне сроду не жениться?!» — Сестры посылают: «Съезди, братчик, по чужим державам, может и мне не найдешь ли жениха?» — И сделался очень рад Иван-царевич; приказал кучеру запрѣкчи карету золотую.

Только проехал станцию, — едет на встречу не хуже его такой же рыцарь на золотой карете. — «Стой, Иван-царевич! скажи мне подробно, куда ты поехал?» — Иван-царевич сказал: «Есть у меня две сестры, и охота мне среднюю сестру замуж отдать; я за этим поехал, женишка искать». — «И я также поехал невесту себе искать». — «Ну, поедем!» сказал Иван-царевич. Приезжают к Ивану-царевичу. Сестра середняя выбегает: «Што, братчик, привел жениха?» — «Привел, вот гляди». — Она сделалась согласна. Пошли к венцу, повенчались с им.

День пировали. Дело к ночё. Взяла она его за ручку, повела в спальню... Поставил он [Иван-царевич] двух дежурных: «Мотрите, вы не прокараульте!» — И они всю ночь сидели, не спали несколько, караулили. Поутру Иван-царевич стает: «Што, в комнатах зять?» — «Должён быть в комнатах: всю ночь не отворялась дверь!» — Иван-царевич глянул в комнату: нет никого. Иван-царевич задал им я по лизие и отправил в тюремной замок их (за сто, што прокараулили).

Потом стал малой сестре говорить: «Што, сестра, если за тобой женихи не приедут, мне сроду и не жениться?» — Сестра его посылает тоже жениха искать. Запрёг золотую карету, проехал станцию, едет другую. Едет рыцарь. Сверстался против его и говорит: «Стой, Иван-царевич. Скажи мне, куда ты поехал?» — Иван-царевич сказал: «В чужу державу: охота мне малую сестру замуж отдать за кого-нибудь». — «Отдай за меня! Я кругом уродец: у меня обе руки с хлые, и плохо я цедовижу,

Из лубочной книжки, Сказка о Булат-находке.

и ноги плохо ходят». — «Ну, поедем, што же! может, сестре поглянёшься?» — Приезжают к Ивану-царевичу.

Сестра выбегает и говорит: «Привел жениха?» — «Привел, вот гляди». Обсказал сестре: «Мотри, сестра, не ошибись! он кругом уродец!» ... «А что человека конфузить? все-таки я за его пойду». — Сходили, повенчались. День пировали. Дело к ночё; повела она его в спальню. И поставил он [Иван-царевич] трех дежурных и наказывал: «Мотрите, и вы, подлецы, не прокараульте! караульте попеременно, не спите!»

Услышал это жених, вышел и говорит: «Иван-царевич! пошто же ты поставил дежурных караулить меня?» — «Как же мне не ставить? Отдаю я за третьего и не знаю: как зовут и откуда какой есть?» — «Когда ты не знаешь, я тебе скажу: бѣдал ты своих сестер за нас, за трех бѣтов; прозванья у нас разные: большой брат — Медведь Медведѣвич, а второй брат — Ворон Воронежич; а моя фамилья лёгкая: меня зовут Воробѣй. Иван-царевич, оставь этот караул! если тебе угодно, сам с огнем стой у двери; когда захочу я уехать, тогда тебе не увидеть!» — Иван-царевич поставил трех дежурных и сам стоял всю ночь с огнем, дежурил.

Иван-царевич послѣ полночи глянул в их комнату, — нет никого; выбежал на улку — и кареты нет. Иван-царевич говорит: «Стало быть, не виноваты и те солдаты; расковать их и из тюремного замку выпустить их, тех дежурных!»

Иван-царевич отправился в сенот посовето-

ваться своим енералам: «Господин енерал, я оставлю вместо себя тебя, а сам отправляюсь искать себе невесту». — Насушить приказал сухарей и отправился по Уралу диким местом, не путём, не дорогой. И шел он; нечаянно выходит: стоит преогромной дом. Подходит к дому. Из этого дому Медведь Медведёвич, старшой зять, выбегает с его сестрой, встречает его. Всякими напитками начали его по́тчивать и стали его спрашивать: «Куды жо ты, Иван-царевич, пошел? скажи подробно нам!» — «Думаю себе невесту взять не простую, а царицу Елену Прёкрасную».

«Я бы т á ч и л тебе, Иван-царевич, воротиться назад: у ней десять богатырей на аржаной соломе сидят голодуют, и тебе не миновать, што не поголодать!» — «Ну, што будет, то и будь! все таки я пойду!» — «Ну, пойдёшь, так я тебе дам подарок: на вот тебе бутылочку одногорлую! Пойдешь по дороге, да захочешь ись, так махни в ту сторону и в другую, тут увидишь, што будет! а если тебе не надо, махни бутылкой кверху, — ничего и не будет!» — Принял подарок, в карман по́ложил, отправился в путь.

Шел он станцию и захотел ись! «Эка сестра злодейка, не дала мне на дорогу и хлеба!» — Вынимает бутылку, отворяет пробку, махнул в ту сторону и в другую, — выходит царство, и слуг перед им много оказалось: пошло ему угошшенье туто. (Оттого сестра не дала и хлеба.) Похвалил зятя. «Как я теперь буду это царство собирать?» Полежал Иван-царевич на диване, отдохнул он немного, взял эту бутылку, махнул ей кверху, — и ничего не

стало. Взял эту бутылку в карман и сам вперед пошел.

Проходит он станцию, увидел дом не хуже того, чем не лучше; из этого дому выходит Ворон Воронбвич и сестра его средняя; его встречали, собрали на столы, начали его потчивать. И зять его выспрашивает: «Куды жо ты, Иван-царевич, пошел? скажи нам об своём походе». — «Думаю я мленьем себе взять невесту не простую, а Елену, прекрасную царицу». — «Не хуже мы с братьями тебя, по три года бились, на ничё не могли поделать. Тачил бы я тебе воротиться; есть у ей десять богатырей, мрут на аржаной соломе; и тебе не миновать, што не поголодать — говорит — в тюремном замке!» — «Ну уж, што задумал! все-таки пойду!» — «Ну пойдёшь так я дам тебе бутылку двухгорлую; знаешь ли што в неё поделать?» — Иван-царевич на то сказал, што знаю.

Отправился в путь дальше. Нечаянно попал на третей дом, где этот самой Воробей живет. Воробей с его сестрой встречает; начали его угощать. Спрашивают: «Куда жо ты, Иван-царевич, пошел?» — «Думаю я себе взять невесту не простую, а Елену прекрасную царицу». — «Тачил бы я тебе воротиться; есть у ей десять богатырей, мрут на аржаной соломе, и тебе не миновать, што не поголодать». — «Што будет, то и будь, пойду в путь!» — «Ну, пойдёшь, так я тебе дам подарок». Подарил он ему трёхгорлую бутылку. «Знаешь ле, што в неё поделать?» — «Знаю».

Отправился в путь дальше. Нечаянно пришел к Елене Прекрасной в город. Идет городом

и спрашивает: «Кто в этом городе проживается?» — Сказали, што правит этим городом Елена Прекрасная. — Доходит он до её дворца, заходит к ей во дворец. Стоит дежурной у паратьнего крыльца и говорит: «Братец, што нужно? доклад мой! не ходи без доклада!» — Иван-царевич, не говоря, пласнѹл этого дежурного, — он с ног долой!

Заходит в её палаты. Увидала Ивана-царевича, затопала на его ногами. — «Кто тебя мерзавца, без доклада дозволил зайти в мои палаты?» — «Я человек не простой, Иван-царевич! за добрым словом, за свѣтаньем пришол к тебе» — говорит.

Она приказала его заковать, свести в тюремной замок на аржану солому. Повечеру привозят к им ѧ воз соломы. Иван-царевич не велит соломы сваливать. — «Не нужно нам соломы, мы пропитаемся и без соломы!» — сказал Иван-царевич. После этого вынимает одnogорлую бутылку, махнул в ту сторону и в другую — выходит царство, пошло им ѧ угошшѣнье.

Разгулялись эти самые богатыри и сказали: «Если вы, дежурные, от нас не уйдете, весь тюремной замок раскатѧм и вас убьем!» — Один дежурной убежал с докладом Елене Прекрасной сказывать. Посылает Елена Прекрасная служанку, што «не продаст ли ету самую бутылочку?» — Служанка приходит: «Иван-царевич, не продашь ли нам бутылку?» — «Не продажна, а заветна». — «Какой жо ваш завет?» — «Завет наш: час время ѣе тело по колен посмотреть». — Служанка приходит, ей объясняет: такой-то завет.

— «Привести его! што жо, ведь, он поглядит, ничего не сделает, а всё таки отобрать надо!» Расковали, привели, она открыла по колен тело; посмотрел час время он у ней. Час проходит; закрывает коленки, берет бутылку. — «Заковать его, просмешника! в тюремной замок отвести опять!»

Иван-царевич вынимает двухгорлую бутылку, махнул в ту сторону и в другу, — выходит и шó того лучше государство; пошло и м'я ишó угошшенье такое-же. Потом они напились, наелись, закричели на сторожов: «Если вы не уйдёте, вас всех перебьём и тюремной замок раскатаем!» — Один дежурной прибежал с докладом, што богатыри разгулялись: из бутылки Ивана-царевича вышло царство ешó лучше того.

Она посылает девку-служанку опять. Дежурной приходит и говорит: «Иван-царевич, не продажна ли у тебя бутылочка?» — «Не продажна, а заветна». — «Какой у тебя завет?» — «Завет у меня — по пуп тела посмотреть два часа». — Она на тем решила, што расковать, привести смотреть его (не выхватит, говорит, он у меня, ведь). Приводят его; она открывает платье, и он просмотрел два часа. Два часа проходит, тело она закрывает, бутылочку у его отбирает; приказала его свести опять в тюремной замок.

В третьей раз трёхгорлую бутылку оттыкает, махнул в ту сторону и другую, — вышло царство ешшо лучше того, пошло и м'я угошшенье. Напились, наелись, зашумели, прбгнали дежурных: «Если вы не уйдете, вас всех перебьем и тюремной замок раскатаем!» — Один дежурной при-

бежал с докладом, што богатыри разгулялись: из бутылки Ивана-царевича вышло царство ещо лучше того.

Она посылает девку-служанку опять: «Што он просит?» — «Не продажна, а заветна». — «Какой у тебя завет?» — «Пушшай жо она в своих комнатах поставит две кровати в место, и мы с ей лягем на кровати, штобы она никакие речи не могла говорить со мной, не худые, не добрые (а лежать на разных кроватях); затем вместе. Если я буду говорить, то она мне голову сказнит, а если она будет говорить, то с ей голову снять!» — Согласилась.

Пошел из тюремного замку, наказал своими богатырями: «В полночь вырвитесь, придите и кричите: ура! ура! взяли, взяли!» — Приходит, лёжится с ей на разные постели и договорился, штобы огнюдь никакие речи не говорить: не худые, не добрые. И отворотился от её и лежит, уснул крепко, не разговариват. Елена Прекрасная умом своим думает: «и поговорила бы я с ним, да нельзя говорить!» Помаялась и уснула крепко. Около полуночи вырвались десять ухорезов, приходят и закричали враз: «Ура! ура! взяли! взяли!» — Она испужалась этого шуму, соскочила с кровати, закричала.

Иван-царевич схватил её за волосы, замахнулся на неё саблей, хотел с ее голову снести. Она сказала: «Иван-царевич, не ссеки мою голову, я добровольно за тебя замуж пойду!» — «Ладно, хорошо!» — До утра доживают; съездили оне, повенчались; пошла у них пировка после этого. Когда он повенчался, пожалел етех бо-

гатырей, выпустил их на волю, наполнил их, водкой.

Живёт с ей месяц и два этак; обжилсь; домой этак не торопится. Она ему и говорит: «Иван-царевич, везде ты ходи, вот в этот подвал не ходи и не гляди!» — «Ладно», говорит. — Она ушла в сад в разгýлку; он идет по двору, до этого подвала доходит. — «Што такое? все таки я потгляжу, ничего не сделается мне!» — Отворяет этот подвал. Стоит старичок на огненной доске. И так он старика сужалёл: «Ах, дедушка, тошно тебе стоять на огненной доске!» — Сказал старик: «Если, молодец, ты меня спустишь с доски, я тебе два века ешо прибáвлю! (ты будешь жить три века)».

Иван-царевич сужалёл, обóрвал у его цени, вывёл старика из этой конюшни. Старик ударился об землю, поддел Елену Прекрасную из саду и увёз. Иван-царевич ждал несколько суток, дён до пяти, — нет Елены Прекрасной (думат, што в гости она отправилась).

Иван-царевич поймал себе коня, поехал на розыски — искать Елену Прекрасную. Поехал по дикому месту, и так áлся на Елену Прекрасную в таком доме се. Елена Прекрасная сплакала — стретила его. — «Ну, я тебе говорила! нашто ты его спустил? Пушай он догорал бы, старой пес!» — Тогда хозяина дома, не было; посадил Иван-царевич Елену Прекрасную, повёз он ее в своё государство опять, 2, домой. Приезжает старичок домой, походил по комнатами, нигде пет (Елены Прекрасной).

Приходит в конюшню к своёму коню. — «А што, конь, гость был?» — Конь сказал:

«Бы́л». — «Елену Прекрасную увез?» — «Увез». — «А скоро ли можем ее догнать?» — «Двои сутки по пируем, — то ж нó догоним!» — На третьи сутки сял на коня, од нем ми гóм его догнал, не допустил до царства. — «Стой, Иван-царевич! Нарушил бы я тебя, да слово переменить не хочу своё: век ты свой прожил, ешо тебе два века жить!» — Ссадил Елену Прекрасную и увез домой.

Иван-царевич потужил-потужил, пожил у ей в государстве, выбрал себе коня получше, поехал опять за ей. Приезжает к ей в дом, его опять дома нет. Посадил Елену Прекрасную, повез домой. Не через дóлго время прибыл этот хозяин, дома по гáркал, потом к коню своему приходит. — «А што, конь, гость был?» — «Бы́л и Елену Прекрасную увез». — «А скоро ли мы можем ее догнать?» — «Суточкы попируем, да догоним». — На другие сутки сял он на коня. Догнал: «Ешо тебе век один жить!» — Ссадил Елену Прекрасную и увёз домой.

Бросил етого коня Иван-царевич, отправился ешо счастья искать, не поехал к ей в государство. Ночным бытóм нечаянно приходит к етакой избушке: избушка стоит на козьих ножках, на бараньих рожках, повёртываются. — «Ну, избушка, стань по-старому, как мать поставила — к лесу задóм ко мне передóм». — Зашел в эту избушку.

В етой избушке живёт Яга-ягишна: «Фу-фу, русского духу слыхóм не слышать, и видом не видать, а русской дух ко мне пришел — человек не простой, а Иван-царевич! Куды жо ты, Иван-царевич, пошел?» — «Я пошел себе счастья

искать!» — «Наложу я на тебя три дни службу: через три дни я тебе — чё тебе поглянётся, то и дам!» — Согласился Иван-царевич трое сутки прослужить.

Поутру она дала ему десять кобылиц, одиннадцатого жеребца, пасти. Он их спутал на долину и пасёт. «Куды они уйдут? — Некуды уйти!» А сам лег спать. Солнышко на́закать, — проснулся Иван-царевич, видит: кобыл нигде нету. Искал много время и не может их найти.

«Кабы мне на это время зятя Воробья: он бы помогнул моему горю!» — А Воробей все равно как тут и был. — «Ах, Иван-царевич, потерял своих кобыл». — Воробей ударился об землю, сделался жеребцом, начал кобыл искать. Нашол, начал легать и кусать, пригнал их. — «Ну, теперь, Иван-царевич, гони!» — Пригнал Иван-царевич, сдал их Яге-ягишне.

Переночевал потом ночь. Поутру она ему дает десять гусей, одиннадцатого гусака, пасти. До вечера доспал, потерял гусей, не может найти. — «Кабы мне на эту пору зятя Воробья: он помогнул бы моему горю!» — Воробей тут и был. Ударился об землю, сделался орлом, полетел на розыски гусей. Воробей разыскал гусей, начал шшипать их, только из их перья летят. Пригнал их к Ивану-царевичу. — «Ну, Иван-царевич, гони!» — Пригоняет, сдает он Яге-ягишне.

Ночь переночевал. На третьи сутки она дает ему десять уток пасти, одиннадцатого селезня. Выгнал на залыбину (в логу), а сам лег спать. Солнце уже сяло, он то жно́ проснулся. Уток

нету; не мог найти. — «Кабы мне на эту пору зятя Воробья!» Воробей к нему прибывает. — «Сегодня уток потерял! Ну, куда не деваются». Сделался ястребом, нашел их в камышах, пригнал. «Ну, Иван-царевич, гони!.. Иван-царевич, у ней десять дочерей, станет давать из любых, ты не бери; давать станет тебе золота, ты и золота не бери, никакие деньги не бери. А есть худой жерибчипко, кое-как ноги переплётывают, ты его возьми, он тебя на путь наставит!»

«Иван-царевич, не желаешь ли из десяти дочерей любую взять? — Я тебе подарю счастье!» — «Мне дочерей твоих не надо, и денег мне твоих никаких не надо, а ты отдай мне худого этого жеребёнка!» — «Неужели ты у меня это только и заслужил?» — «А што! был договор: што я желаю, то и отдай!»

Отдала она ему худого жеребёнка. Он повел его по Уралу. Жеребенок говорит ему: «Будет тебе меня вести, я пойду погуляю с месяц. Через месяц я прибуду к тебе, ты не уходи с этого места!» — Вынимает одногорлую бутылку, махнул в ту сторону и другую, — вышло прекрасное царство, и оп в этом государстве с месяц прохлаждался (покуль его жеребец отдыхает). Через месяц жеребец прибегат, говорит: «Будет уж отдыхать, теперь надо дело вести!» — Иван-царевич взял одногорлую бутылку, махнул кверху, ничего не стало; остался оп на лужёчке; бутылку запехнул в карман.

Конь сказал ему: «Я поехал бы с тобой сейчас за Еленой Прекрасной, только нельзя теперь ехать. Поедем мы с тобой на такую-то гору.

На этой горе стоит дуб, на этом дубу есь гнездо, в этом гнезде есть Кошшея Бессмёртнова яйцо (этот старик Кошшей Бессмёртной называется). Мотри, Иван-царевич, садись на меня, крепше держись, шtbody чтобы тебя ветром не сшибло!» — Он сля на коня и всё равно мигом приехал на эту гору, к этому дубу. — «Залезай на дуб, снимай яйцо и пе бей его: тихонько положь в карман, береги ето яйцо!» — Слез с дубу. Конь ему говорит: «Брат мой сдужит у Кошшея Бессмёртнова; брат двухкрылой, а я шестикрылой; я побегу мало-мало с им рысью, и то брату во веки меня не нагнать. Приедем к нему в дом; если он [Кошшей] дома, то бей его яйцом в лоб: как яйцо разлетится, так и он нарушится, тут жо!»

Оне пригоняют в дом—Кошшея Бессмёртного нет дома. Конь пошел к брату, а он пошел к ей в дом. Конь отворил только двери, — брат обрадовался: малого брата увидал. — «Где ты, малой брат, проживался долго время?» — я тебя не видал!» — «Я проживался у Яги-ягйшны; она меня заморила... помоги Ивану-царевичу Кошшея Бессмёртнова убить». — «Его убить левой рукой: кабы достать с дубу яйцо, вот его и смерть!» — «Это мы достали, у нас в кармане!..» — «Ты, брат, айдá шагом, а если пойдешь рысью, то мне не догнать тебя!..» Он (Иван-царевич) посадил Елену Прекрасную на своего коня, поехал шагом.

Прибыл Кошшей Бессмёртный не через долго время домой; кричал в комнатах. Елену Прекрасную, — ее дома нет. Являлся он между тем, к коню. — «А что, конь, гость был?» — «Был!» —

«Елену Прекрасную увез?» — «Увез!» — «А скоро ли мы можем его догнать?» — «Да если шагом повезет, дак догоним, а рысью побежит — во веки не нагнать!» — Садился на коня, отправлялся его догонять. Догнал его дорогой, остановил: «Ну, я теперь нарушú тебя, Иван-царевич, тебе будет жить!» — Иван-царевич слезал с коня: «Давай теперь мы с тобой побрúтуемся!» В ы н я л из кармана яйцо, ударил Кошшея Бессмёртна по лбу, — он тут и кончился.

Посадил Елену Прекрасную на старшего коня, сам сяд на младшего, поехал в свое государство, в русское (не поехал к Елене Прекрасной). Привозит в своё государство. Поехал своих зятевьёв собирать, заводить пир. Собрал своих зятевьёв и вот оне тут несколько суток с им я пировали.

15. ВАСИНЬКА ВАРЕГИН

Был именитой купец Вáрегин. В Питере жил, царю помогал армию кормить. У купца Вáрегина был сын один. Время ему вышло жениться. Он отцу сказал: «Сватай, тятинька, а сам не оканчивай дело: я сам поеду досватывать». — Потом купец приезжает к купцу; што «я приехал за добрым словом, за свáтаньем». — «С великой охотой отдаем дочь за твоёго сына! тебя и ждем!» — «Не хочу я окончить дело сам, вы сватать теперь, а приеду на второй раз с сыном, потом окончим дело!»

Потом приезжают с сыном. Сын приходит в купеческие палаты и говорит: «Покажи мне

свою дочь! я посмотрю, какá у тебя дочь». — Дочь собралась в свѣтное платье, выходит, поздоровалась с Васинькой с Варегиным. То он сказал купцу: «Господин купец, дозвожь мне в разные комнаты с ей речи поговорить, с невестой!» — «Я тебя—говорит—возьму, так блуд сотвори со мной! (што мне терпенья нет)». Она согласилась.

Обѣхал он десяток купцов (и всех) и всё таким манером обледевонит, выйдет из комнаты и говорит: «Мне такую девку не надо!» — Отец на это осердился. — «Неужели купеческие дети все говорят: — девки? Я больше сватать, говорит: не поеду никуда! мне конфуз! Сватай сам, где знаешь!»

То он вышел в лавку торговать, Васинька Варегин. Идет к ему офицерская дочь, девушка из себя хорошая. Приходит к ему она в лавку и говорит, што «мне нужно, Васинька Варегин, серёжечки». — Сказал: «Дороги ли тебе надо серёжки?» — «Не дороже того — в десять копеек покажи». — «Девушка ты хорошая, а што дешбвы бо льно сережки просишь? Не пойдешь ли, умница, за меня замуж?» (Она ему заглянула ся). Девца на то ему сказала, што «я бедного положения, офицерская дочь; где вы меня возьмете?» — «А если вы пойдете, я одѣжды нашу своей хорошей (когда у тебя одѣжды нет, опасаясь), только айда за меня замуж». — Девца сказала: «Иду я за тебя с великою охотой, как если не мѳргуешь мною; согласна».

То он ей сказал: «Не сотворишь ли ты со мной блуд, если я тебя возьму?» — «Ты меня

хоть золотом обсыпь, не сотворю, покуль не повенчаешься». — То Васинька Варегин: «Вот, стало-быть, ты честного поведения. Я тебя возьму. Дам я тебе сейчас сто рублей денег». Дал ей сукна хорошего и дал на много платьев всякого матерья. «Ты к этому воскресенью и спасись: што тебе дал, все перешей, штобы было у тебя готово Мы поедем повенчаемся!»

То он повечеру приходит домой, отцу своему объясняет, што «я высватал невесту». — Родитель спросил: «Скажи, Васинька, где же ты высватал невесту, у какого купца?» — Сказал ему сын, што «я высватал офицерскую дочь, у офицера». — На то ему отец сказал: «Если ты привезешь ее домой, я тебя и в дом не пушшу с ей!» — «Я на тебя не погляжу! Когда мне г лянтся человек, все-таки я возьму!» (сказал сын). То подходит суббота. — «Што, тятинька, добровольно будешь свадьбу играть, или не будешь?» — Отец сказал, што «ты не думай! Никогда не соглашусь я офицерскую дочь взять в дом!»

Васинька отправился в лавку торговать поутру. Тогда Васинька думат мленьем: «взять надо денег не мало! можот, отец меня выгонит, было бы чем жить мне с ей!» — Взял много тысяч с собой денег Доживают до воскресенья. В воскресной день сказал сын отцу: «Дозволь мне х ко б ё д не сходить». — А отец: «Шго, разе у нас лошадей нет? Кучер отвезет тебя на лошадке». — Васинька сказал отцу: «Я не хочу ехать на лошадке, а хочу пешком итти в божей храм!»

Васинька тогда не пошел в церкву, а пошел

в питейное заведение. Приходит в питейное заведение, — сидят три пьянчужки, головы повесили. Купил четверть вина имья; поит их водкой и говорит: «Ребята, вино пить не даром!» — «А што нужно, Варегин, тебе?» — «Вот этот будет мне хрёсной, а этот дружка, а этот — подружьё! я жениться хочу». — Пьяницы на это были согласны. — «Пейте, да не шибко, в овсё пьяные не напивайтесь!»

Выводит их на рынок, купил им хорошие одежды, обредил их как следно быть, пьяниц. Свиснул биржóвшикам; биржовшики подгоняют: «Што тебе угодно?» — «Я вот на сколько време съезжу, за тоё заплачу!» — «Садитесь!» — То сляли они на лошадей, подъезжают к етому офицеру к дому. Офицеру скричел Васинька Варегин: «Благословляй свою дочь замуж, выводи на улицу, пушшай со мной садится! Поедем к венцу! (А в дом я нейду сам, значит)». Дочь собралась; благословили отец с матерью; она выходит, садится с Васинькой.

То они приезжали в божей храм. Обедня на отходе. Они выходят на круг. Свяшшеник подходит к имя: «Што нужно, Васинька Варегин?» — «Мне нужно венчаться». — Для богатого живо свяшшеник повернулся, венцы поттаскивал, надевал на них, начал венчать их.

То сметили купеческие дочери, што он берет офицерскую дочь. Купеческим дочерям (которых он о б л е д е в ђ н и л), сделалось обидно; докладывали они Варегину. Отец разузнал: «Сукин сын! безо всякого благословенья... все-таки на своем постоял! венчаться!» Работникам приказал стать

к воротам, взять по стягу: «Если приедет, убейте его, и зыску не будет!» — То Варегин приезжает к воротам, видит: работники стоят со стяжками. «Што это такое? разбойство!» — «Васинька убирайся и сюды николды не являйся!» — Васинька Варегин с биржовшиками расплатился и пьяницам дал по рублёвке; сам пошел, откупил себе квартиру.

Ночь переночевали, а поутру пошел, лавку себе взял, набрал товару, начал торговать. (Даром жить нечего, а денег украл немало.) Проживается месяц и два. Люди доносят отцу, што очень молода хороша и хорошо живут. Мать его сужалела, своего сына, и говорит: «У нас один сын! живут прикашшики». (Мать так мать: мать — кривая душа!) Нам што, што худая жена, пушай живет с нами!» — То он написал сыну письмо, а лакею приказал отташшить, — штобы Васинька шол домой жить.

То письмо Васинька получил, сказал: «Старой пёс одумался, видно!» — Приходят они с женой к отцу, пали в ноги. Отец их простил. — «Вот ведь, тятинька, ты до старости дожил, а ума-та не нажил! Если бы я богачку взял, она будет черемонии вести, а я бедную взял — меня она боится, а вас вдвое». — И стали они поживать. Пондравилась сноха, залюбёл Варегин и признал ее хорошим человеком.

Тогда купеческие дочери в воскресной день в клуб съезжались погулять. То они советовали: «Давайте по сту рублей стряпке ихой отдадим, пушай она жену Васинькину уморит: тогда он котору-небудь из нас возьмет». —

А митя гоноритъ: полна наль тужите
Вина надороти въ склянку твердого
Купитъ вина полную нальтъ да то
наша беда лашокина та густа...

П. Л. Ч

Плачь без надежды
русь без отрады
гечаль без утех

Митя над разбитой косушкой (лубочная картинка).

Собрали они денег тысячу рублей; приходит одна к Васинькиной стряпке тайно: «Получи тысячу рублей, возьми зельёв, состряпай пирог, оворми её». — Стряпка согласилась. Пошла на рынок, взяла зельёв и взяла хорошую рыбку (осетра); состряпала она пирожок особенной. Приходит на куфню молодая к ей; тогда стряпка сказала: «Послушай, молодая, нам обед достаётся все попосле! Я состряпала пирожок для тебя особенной, — не угодно ли покушать сейчас?» — «Ну, давай, стряпка, поедим!» — То она живо скатёрочку набросила, пирог разрежала и говорит, што «стряпка, садись вместе!» — «Вот у меня это не убрати; да я сейчас сяду; давай садись, кушай!» (Стряпке будто бы нашлось дело тут.)

То молодая сколько бы там поела рыбы, растянулась вдоль лавки и кончилась. Тогда стряпка убирала скоро пирог и все это, доложила большакáми, што «што-то молодúшке сделалось». — То приходят сверху Варегин со своей женой, смотрит, што уж она кончалась. (Не хворала, а кончалась.)

Доложили Васиньке (он был в лавке на торговле). Очень Васинька запирал лавку скоро, бежал домой. Прибегает, — жена его кончилась. Вышел на дворец Васинька, заплакал об жене. Сказали ему работники: «Не плачь, Васинька; есть у нас в городе сведущая старуха; если не своёй смертию она померла, она может оживить её». — То Васинька приказал кучеру: «Поезжай за старухой! што она возьмет, то и заплатим; вези ее домой сюды!» — То кучер приезжает к старушке. К бедному: «куды?

чего?» а к богатому — сейчас собралась, садится с кучером. Старуха приезжает.

Васинька стал перед её на коленки, просит старуху как можно потрудиться. Старуха сказала: «Если не своей смертью умерла, так я ее через час живую сделаю, а если своей смертью умерла, тогда ничего не поделать. Выйдите теперь вы из комнаты, а через час время я вам долбжу». — Раздела она её до-нагá, положила ей на сердце цвeток, на лоб и на грудь — три свeточка полбжила. Час время только проходит, а молодая стаёт. Старуха снимает с ее свeткí, а молодая одевается в платье — как есть по старому.

Тогда — знает купец, колды час время пройти, — у дверей скричели, што «можно ли в комнату зайти?» — Сказала старуха: «Можно». — Заходят в комнату все трое и спрашивали молодой: «Што сделалось над тобой?» — Молода сказала: «Нештб! я только пирожка поела, вот меня с пирожка и взяло: слышу, што вы разговариваете, а стать не могу». — Сказал Варегин купец, што «где у тебя пирог? покажи, чем кормила?» — А стряпка отвечает: «Она врет, я нечем ее не кормила, пирога у меня нет». (Отпирается.) То Васинька избил, из дому вытолкал: што «не толи што в дом, мимо моего дому теперь не ходи!»

После етого старушке наградил сто рублей денег и отправил ее на место. Старушка дала ему за ето три свeточка на вбвсё: «Если што будет над вами, так вот так и делай» (рассказала, што «на грудь и на лоб и на серцо полбжь»).

Тогда они прожили неделю, — сын стал отцу говорить: «Тятинька, мы поедем в особенные города с женой торговать! пушай купеческие дочери эти выдут замуж, а то они и меня изведут!» — Отец дал денег ему не мало; он отправился на ямских в город Астракань. Приезжают в этот город, откупили себе квартирёру, начали квартировать. То Васинька Варегин пошел на рынок купить себе лавку и место хорошее. Приезжает енерал из Англии в этот город, стаёт квартировать к етому же купцу в дом.

А енерал был из себя молодой и холостой. Увидел он Васинькину жену, што она хорошая, стал с ей разговаривать. Сказал енерал: «Што вы — здешные или не здешные?» — Сказала она, што «мы из городу Петербурху, я Варегина сноха, Васинькина жена». — Сказал енерал: «Чья жо ты дочь?» — «Дочь я офицерская». — А енерал сказал: «Когда ты офицерская дочь, военную службу очень хорошо знаешь. И вот, согласись со мной жить тепериче. Своего мужа мани: поедем мы в англицкой город; твоёго мужа мы там кончим, а я тебя замуж за себя возьму». — То она на ето было согласна: «Итти лучше за енерала, чем за купцом мне быть!» (Охота енеральской женой ешо быть!)

То Варегин по вёчеру приходит, она и говорит: «Мила ладушка, когда мы задумали с тобой дальше ехать, поедем ешшо подальше, поедем в англицкой город мы с тобой торговать». — На то он ей сказал: «За морем коровы дешовы, перевоз дорог! далёко ехать» (Васинька был не согластен). Енерал ему сказал, Варегину:

«Я тебя увезу безденежно; сколь вы проживете — и назад приставлю безденежно, только айдайте туды! там вам торговля будет хорошая!»

Согласился Васинька Варегин ехать. Ночь они кутили, а заутра собирались ехать. Поутру товаров нагрузили свежих, отправились в отправку в Англию. То был Васинька Варегин в гитару охотник играть. Гитару она у его запрятала (на фатере оставила). Отъехали ковда, выехали на море, жена и говорит: «Все, Васинька, хорошо, только в одном я виновата: гитару я оставила, забыла». — «Вот ты подлая! Што разве карапь остановить для штуки етой?» — Варегина жена сказала енералу, што «карапь остановить нужно: обратиться за гитарой». — Остановили карапь, отхватили легкую шлюпку. Варегин сял. Она ему рассказала, где лежит; он воротился за гитарой. Прибыл на берег, побежал — может быть улиду или две ли, коли ешо там добежал, — они подняли якорь и уехали, оставили его на сухом берегу.

То он гитару нашол, прибегает на берег и видит, што они очень далеко. — «Если мне ехать в етой шлюпке, должбн я в бурю утонуть, а мне уж их не догнать!» — То он сколько бы побранился после етого, пошел в питейное заведение, с горя взял себе водки выпить, Варегин. Приходит к ноче на старую фатеру, стал жить-проживаться тут. (Деньги есть с собой у его.)

То Варегин дождался: приходит на пристань карапь; он прибегает, спрашивает: «Куда пойдет в обратной путь карапь етот?» — «В обратную путь отправится в город в Англию». —

«Господа, возьмите меня с собой в английской город, я вам заплачу за это!» (На розыски охота съездить.) На будущей день также перегрузились они товарами, отправились в город Англию; сля он с имя тогда. Когда ему делать нечего, он возьмет свою гитару, начнет выигрывать.

Приезжают в Англию, приваливаются на пристань, а на приемку товаров приезжает енерал с его женой. Сразу жена его признала и говорит енералу, што «мой муж прибыл сюды». — «Ладно-хорошо! Што мы будем делать с им?» — «Што хошь!» сказала она. Енерал сказал: «А по прибытности нет ли у вас какого музыканта с собой, в музыку поиграть?» Сказали ему, што «есть у нас музыкант, Васинька Варегин». — Васинька в музыку играл, а сам выговаривал, што «подлая жена, бросила меня на чужой стороне!»

Очень енерал скоро его закликнул, што «Варегин, пособляй товары выгружать!» — Енерал вытаскивал из своего кармана тысячу рублей, полбжил к Васиньке в гитару. Тогда немного они порббили; енерал говорит, што «меня обокрали! я обыск хочу по вами сделать!» — То обыск сделали, — ни у кого не нашли, нашли в гитаре у Варегина тысячу рублей. Сказал енерал: «Вы етем наживаете и капитал! . . . Завернуть его в рогожу, завести за остров, утопить его в море!» — Солдаты живо завязали его в рогожу, завернули и связали крепко, полбжили на легкую шлюпку, повезли его за остров.

Сказал Васинька Варегин: «Не тоните, братцы

меня! погибает душа моя напрасно; пожалейте меня, отпустите на остров, я вам дам по сту рублей денег... Тогда я уеду на ямских домой и виду не подам, жить здесь не буду!» — Солдаты пожалели Васиньку, развязали; он дал им я по сту рублей, а его на остров выпустили. На ямских он приезжает в свой опять город Петербурх, Васинька.

«Што сделать? — схожу я в питейное заведение, напьюсь до пьяна, тогда я пьяной лучше одумаю, што мне сделать». — Напился водки. Приходит солдат, берет тожо вина. Васинька и думат мленьем: «Говорят, што солдатам плохо жить. Солдату есть на чего и водки брать. Пойду я сам в военную службу». — Приходит он к енералу и говорит, што «я, господин енерал, желаю безо всякой за счítы в военное положение». — Енерал хорошо его знает, што он Васинька Варегин. — «Тебя, Васинька, никак нельзя забреть покрóме царя: если царь прикажет, так и я забрею».

Долбжили царю, што Васинька Варегин желает в военное положение безо всякой засчиты. Царь на то сказал, што «его без отца никак нельзя забреть, сын он один: отец распорядится забреть, так забрейте!» — Отец подумал так: «стало быть, он жену потерял, желает в солдаты; забреть его безо всякой засчиты» (отец не научил, так пушай царь поучит!). — Забрели его.

Приказал енерал, штобы не быть ему рядовым солдатом, а произвести в каки-небудь офицерá, и выше и выше. То, как он человек поучоной, военною службой очень хорошо за-

нялся; заслужил себе чин офицера. Он с этого горя (как дома раньше жил) сдумал пьянствовать. Все деньги пропил и одежду с себя пропил; начал у товаришсов воровать што-небудь, да пропивать ташшит. Стали солдатики енералу жаловаться, што Варегина нельзя держать с собой вместе, што начал у нас воровать коешто. — Енерал сказал, што «не могу слушать, взять его на сокрѳту — не давать ему випа!»

Срядили его как есть в солдаткой мундѳр, назначили к генералу в колидор на вести (часовым). Он стоял в коридоре; енеральская дочь малая мимо его идет; как сверстѳлась против его, и уронила она шалфетку («Што от его будет когда за ним воровство имется?»). Он шалфетку ету прибирал, за обшлаг пехал. Енеральская дочь шла мимо его взадь, ништо ему не сказала (што он прибрал; прошла и тѳлько).

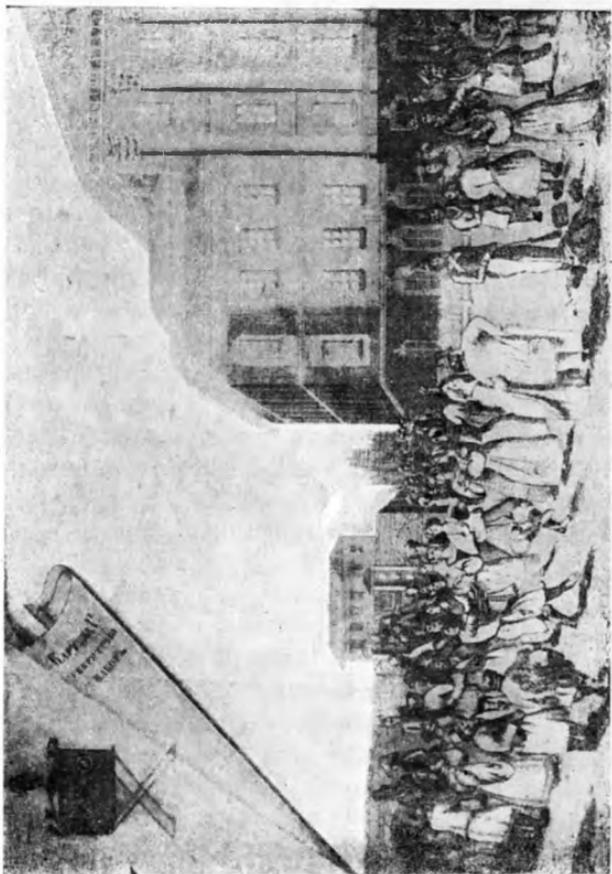
С часов он сменился. Ведет его товариш в казарму под доvizѳром, штобы он не мог зайти в питейное заведение, шинель пропить. Идет он дорогой и говорит: «Товариш, я хочу немного на двор; дозвошь мне сажен пять отойти от тебя!» — Товариш ему дозволил; он сажен пять отбегал, шалфетку вынимал из карману, развязывал узол. В одном узлу, — видит, — завязано три золотых. (Она гостинцы ему дала.) А в другом углу — развязал, видит: записка, — и он, как человек грамотной, смотрит: «одумайся, Васинька Варегин, не будешь ешли водку пить, будешь жить богаче домашнего».

То Варегин одумался, што «я брошу водку пить!» Надевал скоро портки, шол с товариш-

шом в казарму. Приходит в казарму и говорит: «Ребята, дозвоьте мне ведро водки взять и решотку калачей — вас попотчивать; вы меня простите — я у вас много прѣпил!» — Солдаты сказали, што «купи, Варегин, хорошее дело! попотчуеть нас!» — Заходит он в питейное заведение, взял ведро водки; на рынок зашел, решотку калачей скупил. Тогда напоил солдатиков; они его простили и сказали: «Непрѣменно, подарил ему денег енерал и наставил его, видно, на путь!»

Тогда он сказал: «Старший делопроизводитель, позволъ мне на рынок сходить, в лавку — купить сукна на мундер и сапожки как есть: у меня мундер плох, нужно мне мундер хорошей завести». — Купил, сшил себе мундер хорошей, обрядился как следует.

То они во второй раз опять его поставили в дежурство к енералу в коидор. Стоял он на часах; малая дочь мимо его идет и остановилась, спрашивает: «А што, вы тот раз стояли, я шалфеточку уронила — вы подымали?» — «Да, подымали». — «Это ничего», говорит: «што вы подымали. А што в шалфетке было, то видали?» — «Да, барошня, видали: в одном узлу было три золотых, а в другом — записка». — «Што жо, Васинька Варегин, не будешь больше пить?» — Сказал ей, што «я горести (табачишша) и матершинны не могу перенести в казарме — по старой жизни, как я жил у родителя. То-то бы мне фатеру особенную, я тогда не стану и водку пить!» — На то она ему сказала: «Мотри, Васинька Варегин, если тебе дадут особенную фатеру, станут тебе завизывать

Рекрутский набор.

глаза, садить тебя в глухую повозку, ты а й да!»

Приходит она к отцу и говорит: «Тятинька, нужно дать Васиньке Варегину особенную фатеру: он в казарме не может перенести с такими людьми». — Енерал написал ему записку, што «придешь в казарму, тогда разъясни своим товаришшам и разыши себе фатеру!» — То он приходит к своему дяде, к Варегину (а к отцу не пошел). Приходит; дядя весьма рад, принял Васиньку Варегина в гости. — «А што нужно, племянничек?» — «Вот бы, дядя, мне нужно фатеру: я в казарме не могу проживаться». — Дядя ему сказал: «Комната тебе готова и повар готов! ешь (потребляй) мою пишшу, вычету с тебя не будет (за ето я ничего не возьму с тебя)».

Он поблагодарил дядю за ето, сходил в казарму, свои вешши взял и сказал солдатам, што «я буду стоять фатерой у дяди у Варегина». — Тогда стали, действительно, к ему ездить: што не ночь, приезжает кучер в глухой повозке, завязывал ему глаза и возил его. (Он с енеральскою дочерью с малой живет: она залюбела его и возила его каждую ночь к себе.)

Продолжалось не меньше году это времё. Потом енеральская дочь ему говорит, што «будет нам с тобой зря жить; дам я тебе сто рублей денег и золотую табатерку; поставят тебя в царской коллдор на караул, а ты скажи, што нездоров, отпрашивайся у моёго родителя; дай ему сто рублей денег, а если ето не поможет, отдай золотую табатерку, штобы отменили только от караулу». — Васиньку Варегина назначают в царский каллдор в христовскую заутреню стоять в дежурство, и он сказал, што «я не здоров». —

То сказали солдаты: «Отменить мы не можем, просись ты у енерала».

Приходит он к енералу, перед им на колени стает и говорит, что «Ваше высокородие, отмените меня: я нездоров; получите лучше вот с меня сто рублей денег. Я не здоров». — Генерал: «Нельзя никак тебя — говорит — сменишь, отставить от дежурства: назначен ты царем». — После этого подал он ему золотую табатерку. — «Нельзя ли как отменить? я шибко слаб, нездоров». — Тогда енерал взял золотую табатерку и сказал: «Мотри, Варегин, какой будет спрос, ты уж скажи, што нездоров сильно».

После этого пошел он по городу и нашел он такого человека, кто может составить паску и на аналой поставить в христовскую заутреню. То ударили в христовскую заутреню, является Варегин в монастырь в такой, где царь приезжает. Царю пропели паску, начинают Варегину петь; царь слушат. Заутреня отходит, начинается обедня; царю пропели паску, также и Варегину, на конец. Царь сказал, што «Варегин, умел на аналой паску поставить, умей с налою ее и взять!» — Варегин стоял, отвечал: «Умел», говорит: «Варегин поставить, умею и взять: возьму с налою, и царь не увидит».

То обедня отошла; видит царь: паски Варегина нет на аналое. Тогда царь приказал всем к Варегину на обед итти с поздравлением. То царь приказал, што с нижних чинов и до высших ему прибавлять — чин от чину. Надавали на окончание ему чин енерала: енерал на последе шел и сказал, што «быть тебе енералом». На окончание царь сказал: «Когда он генерала мог

через паску получить, потребовать на него галуны, надеть!» — Отобедали у Варегина, разъехались по местам. Варегин на окончание сходил на рынок, купил он себе сукна хорошего, нашел одежды хорошей (генералу уж нужно хорошую шинель!), сапожки получше купил себе.

Потом он жил енералом месяц-другой. Царь спохватился: «Через чего он чин скоро получил?» — Царь требует к себе его (Варегина енерала) на совет. То приезжает Варегин к царю на совет: «Зачем вы меня требуете?» — Царь сказал: «Скажи мне от чистой совести, через чего ты скоро чин получил? (На приступах ты — говорит — нигде не бывал!)» — Варегин царю сказал на то: «Не знаю — говорит — ваше царское величество, то ли я с женой, то ли с дочерью твоей живу!» — «Почему это ты выразил мне такие речи?» — «А потому — говорит — што каждой ночи возят меня в глухой повозке, завязывают мне глаза, — говорит: — ночью увозят и ночью привозят». — Царь на то сказал, што «не обходя каждую ночь тебя возят?» — «Да, кажную ночь». — «Вот я тебе дам пузырек; ты как лягешь с ей, на шшочку капни; тогда я узнаю, с кем ты живешь». — Затем Варегин отправился домой от царя.

Но шным бытóm приезжают за Варегиним, завязывают ему глаза, садят в глухую повозку. Лягли они с ей в спальну, и он взял пузырек и ей капнул на шшочку; она за ойкала, соскочила, смотрит в зеркало, што пятно. И сколько бы она мылом не смывала, никак не может смыть. То рассердилась, што «мерзавец! завязать ему глаза, свезти его на фатеру!»

То поутру царь его спрашивал: «Што, Варегин ездил к своей сударке?» — «Ездил». — «Капнул?» — «Капнул». — «Вот в таком-то часу приезжай на смотр! записных я невест вьг ар каю, и посмотрим, с кем ты живешь». — Тогда действительно царь всю свою двóрню осмотрел — и жену и детей своих, — нет ни на ком. Тогда съехались купеческие дочери записные и также и енеральские жоны и дочери; то поглядел царь — не на кем нет.

Сказал царь: «Кого ешо у нас из записных невест нету?» — Сказали, што малой енеральской дочери нету, она нездорова. — Сказал царь: «Штобы предоставить ее, хотя она и нездорова! у нас есь военные дохтура, посмотрят, чем она нездорова; пушшай все-таки прибудет на смотр!» — То она приезжает. Царь смотрит: она шалфеткой свои шшочки завязала. — «А што у тебя, умница, чем ты нездорова?» — «У меня, ваше царское величество, зубы болят!» — «Развяжи, поглядим!» Снять ей велел шалфетку; усмотрел у ей товда пятно.

Царь и сказал: «Вот, госпожа невестка, не желаешь ли итти замуж за Варегина за енерала?» — «Наше дело девичье, как он возьмет — мало ли бы што я пошла!» говорит. — Царь сказал: «Варегин, не желаешь ли енеральскую дочь малую замуж взять за себя?» — «С великой охотой возьму!» — Царь велел съездить повенчаться. — «Когда умел чин енерала получить, так не сменяю я тебя: оставайся енералом! Молодец! правду сказал, не оманул царя и, што я велел, исполнил!»

Когда Васинька Варегин поехал к венцу, дяде

своему наказал отца с матерью своего в гости позвать. Тогда отец с матерью к брату в гости приходят. Приезжает Васинька от венца; тогда они в ноги родителями пали, а отец его простил во всех делах. Отцу объяснил, што «жена' моя скрылась, и я неизвестен, где она живет; и я с горя пожелал на военную службу».

Завели пир; также и царя потребовали к себе на гулянку. Кутили очень долго, радовались.

С месяц, другой после этого послужил в енералах с женой; потом попросился он у царя в Англию: «У меня есь задушевной товарищ; дозволю мне, ваше царское величество, туда съездить повидаться». (Охота опять к жене своей к первой явиться, к первому закону.)— Царь ему дозволил.

Взял он с собой телохранителя и отправился в Англию. Приехал в английской город; надели оба шинели солдатские: «Скажем, што мы солдаты, послаты из Петербургу сюда послужить... Ты не говори, что я енерал!»—То они являються в английской город, доложили енералу, что «мы прислаты из города Петербургу сюды послужить; примите нас, приделите в какие полка!» То определили их в полки; начинают оне тут жить. То Варегина назначили к енералу н а вестн стоять в колидор, в дежурство.

Пошла его жена в сад в разгулку и говорит: «Солдат, сними с меня колоши: мне по-саду гулять очень тяжело будет в колошах!»—Товда Варегин сказал: «Ах ты мерзавка! не есть с тебя колоши снять, а есть с меня, подороже тебя! я, по крайней мере, муж!»—То она не пошла в сад в разгулку, воротилась в комнаты

назад. Говорила своему гулевáну, енералу, што «мой муж Варегин стоит в коидоре нá часах!»

Енерал посмотрел на Варегина в коидоре и ворóтился в комнаты назад. Не через долгое время енерал собрался в гости, наказывал солдату, «чтобы никого не впущать, покуль я ежду в гости!»—Приезжает оттудова и ведет солдатов за собой, конвой уж. Енерал приходит и говорит: «А шго, господин одинарец, никто у меня в комнатах не был?» — «Никого не было покроме меня!» — Заходит в комнаты полицá и там смотрят: комод перебит, росшиблен и там бумажник изорвát валяются середь полу. «В этом бумажнике было у меня несколько тысяч денег!» — Товда его присудили скоро к полевому суду, к растрелу: через шесть часов штобы растрелять его. (Вот и господин енерал! добился опять!) То приказал его заковать, свести в тюремной замок.

То он приходит в тюремной замок, попросился у этих же солдатов сходить к товаришшу вешши передать свои. К телохранителю приходит, говорит, што «ты возьми мои вешши. Как меня растрелят, ты тогда ношным бытом вынь, роздень донага; есть у меня в чемодане три светочка, положи эти три светочка на серцо, на лоб и на грудь: через час если я живой буду, так буду, а не буду, так закопай меня опять в яму!» — Телохранитель боится ношным бытом так итти; запас себе вина, напился пьяной, потом пошел отрывать его. Отрыл его, раздел донага, положил на грудь и на лоб и на серцо (как ему наказал).

Был он трубокúr, начал трубку раскуривать; пьяной колды-то наложит, колды-то раскурит, — час времё проходит. Варегин стаёт, а целохранитель испужался, от его побежал. — «Не бегай, товариш! Подай мне из чемодану белую рубашку, а што есть, себе прибери! То поживи здесь; а я отправляюсь в свой город Петербург. Ты поживи здесь! я скоро к тебе прибуду!»

То он отправился на ямских в свой город Петербург. Ладно, хорошо. Приезжает в город Питер; очень тяжело царская дочь хвораёт. Варегин надевал одежду дохторскую, назвался чужостранным дохтором; сказал слугами: «Доложите царю, што я с измалетства этим занимаюсь; не примет ли меня царь дочь свою лечить». — То царь приказал дохтору этому: «Вылечишь мою дочь, больша тебе будет награда». — «Што мне лечить не подобает самому девицу; я отдам на честные руки женьшине свое лекарство». Женьшине этой рассказал: «Ты роздень ее донага и положи ей на грудь, на лоб и на сердце три светочка»... То через час време налились у царской дочери крови и через час времени сделалась всем здорова, лучше старого.

Тогда она спрашивала: «Из каких ты родов? из каких земель явился ты, дохтур?» — «Я с измалых лет хожу, и я своёго роду-племени не знаю». — Царская девица приходит к своему родителю и говорит царская дочь: «Я желаю за этого дохтура замуж итти!» — Царь приказал: «Што же! желаешь за его замуж итти — сходи повенчайся с им!» — После этого стали они с ей поживать.

Тогда сказал Васютка Варегин: «Нет ли, тя-

тинька, у тебя в каких городах силы мне попроведовать съездить? не обижают ли солдатиков енералы?» — Назначил царь его в город (Самарканд) — да не в тот. Он съездил в етот город очень скоро. Приезжает и говорит: «Тятенька, не назначишь ли меня в город Англию?» — Сказал царь, што «силы тут не много стоит». — «А я — говорит — слышал: тут городок хорошей». — То царь ему приказал и в Англию съездить. Тогда он поехал со своей женой (взял царскую дочь с собой).

Дали знать в Англию, што в которой день наследник прибудет. То они не доехавши одну станцию до английского городу, — жене он стал говорить: «Жена, ты знаешь ли, кто я есть такой?» — «Не знаю, я только то знаю, што ты мне муж!» — «А ты не знавала ли Васиньку Варегина прежде?» — «Как же не знала!» — «Вот я самой и есь!» — «Как же, Варегин — говорит — не в давнее время ты служил у нас енералом, взял енеральскую дочь малую?» — «Да и верно — говорит — а первого закону за мной была офицерская дочь; еду я теперь — ее хочу нарушить: она живет с енералом в Англии. Ты ночь севодни здесь обожди, а поутру приедь; я в ночь севодни отправлюсь в Англию вперед. Мотри, если уж ты меня нигде не можешь найти, так ищи меня в тюремном замке!» (Он начепушит опять там уж.)

То простился с царской дочерью и отправился в ночь в Англию. Приезжает; бежит прямо в казарму. Приходит: солдаты чистят ружья и мундэры свои и сапожки, на смотр выходить подчищаются. Сказал Васинька, што «он не

для етого едет, наследник, ему не нужно ваше чйшшенье!.. А што же? я гляжу, што у вас такого-то солдатака нет. Где же он находится?» (Телохранителя своего спрашивают). — «Он находится у енерала в банниках, в бане и спит» (день и ночь проживается в бане). «Уж хорошого человека спросил, самого последнего». — «Затем, братцы, прошайте, а мне нужно с им повидаться!»

Приходит он в баню. И он также чистит ружейцо и свой мундер; тожо на смотр подготавливаются. По имени его назвал, по изотчеству его звеличал, поздоровался с им. Банник не может его признать. — «А што, земляк, — тебя не признаю — ты откуль? какой? как тебя зовут?» — Сказал Васинька: «А прежде знавал Васиньку Варегина?» — «Как же не знал господина енерала!» — «Вот вы теперь ждете наследника, а я теперь в наследники наступил!» — «Чего вы городите, Варегин? неужели — говорит — правда?» — Тогда он расстегнул свою шинель, казал ему нижней мундер. Потом он перед им на коленки пал... — «Это не нужно! сходи в питейное заведение, купи две бутылки водки, да б и сёрту купи; а про ето нешто не говори, што у меня наследник в гости». — То притаскиват две бутылки водки и всякого бисерту. — «Мы севодни — говорит — ночь пропируем, а завтра што-нибудь откроем». — Приказал он товаришшу наклась в ранец говен и калбушек (обрубков); «и ставай с левого фланку на край! с тебя я буду смотр делать — с краю, завиню тогда енерала!»

Ночь ета проходит. Поутру рано едет царская дочь; и в барабан ударили, што едет скоро на-

следник, што выходить скорее на смотр! (Наследница торопится, чтобы его не убили.) То енерал скричел своими кучерами, што «подайте поскорее мне карету! поскорее на смотреть!»— То енерал выходил, садился в карету со своей жонкой. Васинька выходил из бани и сказал: «Куды ты, сволочь, садишься с енералом? Ты не енерала, а Варегина жена. Девка ты, ты этакая таскúшшая!» (обледевонил ее). То енерал приказал ево заковать: «Покуль смотры не отойдут, пушай он сидит в тюремном замке! (Как можешь обледевонить мою жену?» говорит.)—То повели его, заковали.

А ехала его жена, царская дочь — в повозке стояла на ногах и глядела, где несчастного поведут. То увидела наследница. Он сказал, што «мне подайте одежды и расковать меня сей минутой!» То из экипажу ташшат ему одежды. То увидал енерал, когда он снаряжался в наследницкую одежду, — тогда енерал с горюхнул. — «Кто мог ему сказать? Ведь и верно, што не моя жена!» Тогда снарядился в одежду, являлся к солдатам. Поздоровался с енералом, подходил к солдатам на смотры.

А к царской дочери подходила енеральша поздороваться, за ручку взяла, а царская дочь и говорит, што «здравствуешь офицерская дочь и Варегина сноха!» — А она говорит: «Царская дочь, я не Варегина сноха, я за енерала вышла девушкой замуж!» — «Нет, не может быть! ты меня оманываешь!»

Варегин приходит с левого фланку к солдату и говорит: «Ну-ко, солдатик, хороши ли тебе выдает енерал вешши? Покажи, что у тебя

в ранце в солдатском!» — Развязал он ранец, оказалось у него в ранце говны и калбушки. — «Разе я на смех приехал?» скричел наследник: «Ранцы бросить за фронт, чтобы не на одном не было! Не смеяться надо мной, господин енерал!.. С енерала галуны долой! оборвать с его галуны, надеть на банника! А тебе быть не енералом, а быть тебе в банниках!» — С енерала галуны оборвали, надели на банника.

После етого подходит к первой своей жене, к офицерской дочери и говорит: «Што, ты признаешь меня мужем, што я Варегин Васинька?» — Она говорит: «Я не признаю!» — «Когда ты меня не признаешь, я могу с тобой иначе распорядиться теперь!» Привязать приказал ее к столбу и расстрелять из шести ружей ее и зарыть ее в яму. («Она меня — говорит — расстреляла и топила!») Тогда жену его расстрелили и зарыли.

Товаришшу своему наказал: «Служи и правь этим городом! я к тебе буду приезжать почашше, навешшать тебя!» — А жене своей сказал, царской дочери, што «ты отцу своему не выражай те речи, што я Варегин! мы так с тобой и изживем век!» — И стал он с царской дочерью жить.

16. МИКУЛА ШУТ

Микула шут поехал на пашню. Пашет Микула шут пашню; едет свяшшеник дорогой; увидал, што Микула шут пашет. — «Бог помочь тебе!» — «Добро жаловать!» — «Как же ты, Микула шут, с рѳду не пахал, а теперь выехал пахать?» — А Микула шут на то сказал: «Добрые люди

поехали сеять, и на меня доброй ум напаху́л, и я поехал похать; напашу́, буду сеять». — «Так вот што, Микула шут, загни-ко мне зипу́нчик — говорит: — у меня зипуна́ нету: дождь пойдет, а зипуна нет!»

Микула сказал, што «я б́ало [на котором полозья гнут] забыл дома; ты попаши́ наместо меня, а я съезжу на твоей лошадке; да я и пешком могу сходить: пуша́й лошадь твоя здесь походит... Вот што, батько, ты одéжду-ту сними; я твою одéжду надену, а ты мо́ю, а то поедут мужики, скажут, што поп пашет; неловко!» говорит. Свяшеник лóпоть худую надел, а с себя хорошую одéжду отдал.

Приходит Микула шут к матке и говорит: «Матка, давай ты́счу рублей денег! затем свяшеник отдал мне свою одéжду, што мы дом скуп́или хорб́шой!» Матка и говорит, што «ты́счи рублей у нас нету; девятьсот есь, а одной сотни нету». — «Он велел у дьякона занять сотню». — Матка живо побежала к дьякону, сотню рублей заняла́ и подала́ ему денег ты́счу рублей. Он попал в лес и лежит, нейде́т к попу; а одéжду поповскую оставил дома.

Поп, видно, пах́ал, пах́ал; «што он, сукин сын, долго? штобы он там ма́тку не обманул, надо ехать мне домой!» — Приезжает свяшеник домой и говорит: «Матка, ты Микулу шута не видала?» — «Шго́ ты, батько — говорит: — я отдала ему ты́счу рублей денег! вы дом скуп́или», говорит. — Он обратился на́ поле, свяшеник, Микулу шута искать.

Микула шут надел на себя сарафан, подв́яз́лся по-девичьи и пашет. Подъезжает он [поп]

к девице и здоро́вятся: «Здраствуешь, Микулишна!»—«Здраствуешь, батько!» говорит.— «Я—говорит: поехал твоего брата искать!»— «А я—говорит: — принесла́ ему хлеба, да лошадь даром стоит, а его нет!»—Поп и говорит: «Микулишна, ты лошадь брось тута, он придет так вспáшет, а ты иди ко мне: хоть денъги-те эти немножко заживи!»

Микулишна сказала: «Я, батько, рада месту: я с го́лоду пропа́ла, с им живу... Так нужно, ба́тько, лошадь вы́прекчи: кто его зна́ет, скоро не скóро придет, пушай лошадь хоть ест, ходит».—Привозит Микулишну домой, сказал попадье што, «не нашол Микулу самогó, а вот привез его сестру: пушай хоть поживет, денъги у нас заживет которы».

Он (Микула) жил до́лго, сознакомился—у попа было три дочери,—потихоньку наладил имя́. То поп говорит матке: «Што-то у нас, matka, дочери с́ыты стали шибко. Не Микула ли сам живет ето у нас?»—Попадьа говорит: «Как мы его узна́ем?»—«Истопить нужно баню».—Посыла́л своих дочерей с ею в баню, с Микулишной. Дочери приходят.—«Не Микула ли есть?»—«Што вы думаете? што мы девки, то́ и она девка!»—Поп ответил: «Тупа́й, matka, с ей сама! лучше узнаешь».—Во второй раз он нейдет: «У меня,—говорит:—голова заболела, я и так угорела!»—«На будущей день истопим баню—говорит—пойдешь?»—«Пойду». (*Пропуск.*)

Тогда купечество наслы́шались, што у попа девки этаки с́ыты, хоро́ши, приехали сватать поповских дочерей. Всех трех девиц подводилл, а купцы сказали: «Не возьмем не котору».—

А пои сказал: «Есть у меня девушка хорошая, чистенькая, Микулишна...»—«Веди Микулишну!»—Микулишна приходит... Согласились купцы взять ее. Батько тем же разом повенчал; купцы повезли ее домой.

Привезли ее домой, посадили; посидели, потом дружки повели ее на подклет (в снальну). Лег Микула шут с женихом и говорит: «Ох, жених, у меня брюхо заболело».—Микула шут ушшупал у жениха в кармане бумажник: «Это,—говорит—што у тебя?»—«Деньги!»—Микулишна отвечает: «Да-ко мне—говорит—сто рублей, не отвалит ли у меня от сердца».—Жених вынимает деньги, сто рублей, отдает Микулишне.—«Милой мой женишок, от сердца отваливает! нет ли ишо?.. От сердца меня отвалило хорошо, дак [на двор] меня манит, а терпеть я не могу!» А жених говорит, што «езде заперто».—Микулишна ответила: «Окно отворяется; ты меня на холсту опусти, ты меня опять и затынешь».—Только Микула спустился,—тут лежит козел. Он привязал его за рога и говорит, што «я готова, ташшй меня».—Жених притащил козла. «Што такое, овернулась моя невеста козлухой! Вот беда! Куды жо теперь я?»—А Микула был таков (ушел).

Жених на кровать, и козел прыгнул также к ему на кровать. Жених начал бегать по избе, козел спрыгнул с кровати, бегат также по избе, бегат и ревет. То он закричал несчадно своих дружек. Дружки приходят: «Што тут делалось?»—«Вот у меня невеста овернулась козлухой».—Невесту лупили дружки несчадно; только с козлухи шерсть летит, как оне

по ню ж а ю т: «Оввернёшься?» — До того стегали—козлуху убили. Купец приказал ее вывезти на назем, зарыть.

Поутру Микула шут приходит к попу сам (срядился в мужицкую одежду). Микула шут с попом поздорóвался, а поп и сделался рад, что Микула пришол к ему.—«Ну, как Микула шут?—Тысчу рублей ты у матки взял, отдай мне деньги».—Микула шут на то сказал: «Я слышал, будто ты сестру отдал за купеческого сына; съездим жениха посмотрим, потом я тебе деньги отдам».—Запресли лошадь, приезжают к купцу. Попá стретили, посадили за стол, начали потчевать. «Потчевание мне—сказал Микула: «не нужно! покажите жениха и невесту!»—Купец объясняет брату Микуле, что «что-то молодёй не здоровы».—«Я не хочу слушать; все-таки притти не на долго время можно».

Священнику сказали они, что «невеста отвернулась козлухой, мы ее убили».

Наконец и ему сказали.—«Богатые купцы людей бьют!.. Тебе, поп, не отдам деньги, а на их просьбу напишу, что мою сестру убили!» — Купец сказал:

«Микула шут, возьми с меня двести рублей, только просьбу не пиши, ее уж теперь не воротить». — (Вот он как зипуном загибает!) Поп сказал: «И я с тебя не возьму тысчу рублей; не калякай нигде».—Микула шут на это был согласен; получил с купца ешо двести рублей, а потом отправился домой. *(Пропуск)*.

...Составилось у его денег 1600 рублей; потом он свою ко́жу продал за рупь. Приходит в свое селёние домой. Собрáлся сход, советуют

об хороших делах. Он приходит на сходку.— «Об чем больше советуете, также я с вами посоветую. Вот я заколол свою лошадь, продал кожу за 1600 рублей. Не верите, сошшитайте мои деньги, знаете, что мне денег взять нѣгде».

То он выложил свои деньги; сошшитали, у него действительно 1600 рублей. То народ разошлись, пошли своих лошадей колоть—продавать кожи. Кóней всех приколóбли, по одной лошаденке оставили (возá наколóбли которы богаты мужики); привозят много возов этих кож, а кожи не по чѣм не берут. Кое-как рассовáли эти кожи—кто по рублю, кто пó два. Вот он что подлец сделал. «Поедемте, ребята, домой, поймáм его, уьѣм за это, что он нас обманул!»

То приехали домой. Он идет по озеру. Они прибежали артелью, схватили его, завязали в рогожу.— «Ребята, пойдем, пообедаем, возьмем пѣшню, лопатку, сделаем пролубь, утопим его в озере». — То — покóль завтракали, а по озеру купец ехал, арендатор, который держал это озеро. Купец увидел, что куча такá лежит: «Кучер, айда приворачивай к этой куче ближе!»—Купец подъехал.— «Кто тут такой?»— А он скричел: «В окунино царство меня садят царить, а я царить не умею!»—А купец говорит: «Я царить умею!»— «Развяжи меня, сейчас тебя в цари посадят». — Купец Микулу шута развязал, а он купца завязал; слял в повозку и сказал: «Кучер, пошел!»—То прибегают мужики, выдалбливают большую прóлубь и спустили купца в окунино царство.

Мужики приходят домой, сходку собрали,

советуют: где лошадей взять подешевле.—Микула шут тут едет на тройке лошадей—лошади воронье,—в повозке. Микулу шута увидели, и закричали народ его: «Остановись, Микула шут. Посоветуй с нами!»—Он подъехал к сходке.—«Мы думали, что ты, Микула шут, потонул, а ты, видно, жить хочешь. Где ты таких лошадей взял?»—«Хо вы, чудаки эдаки, там есь буры и кауры и каких надо: табунны ходят целые. Я только скричел, подбежали ко мне тройка лошадей, я вот запрэг и ежду».—«Микула шут, нельзя ли как нам?»—«А й д а т е, прѣлуби долбите всяк себе пошире, чтобы провести коней побольше?» То они надолбили прѣлуби широкие. Скричел Микула шут: «Кричите, кому каких надо, такие и подбегут—кому бурых, кому каурых».—Сколько ле было в селенье мужиков, все враз пали. Тогда сказал кучеру: «Пошѣл!» Поехали вперед. Проехали версти три; тогда он сказал кучеру: «Кучер, стой! теперь я пойду пешком, коней мне не надо!» (сам вон настрянал что!)

Жѣны их сказали: «Что-то наших мужьѣв долго нет».—Да ведь ешо подерутся там об конях-то: получше заглянется; зависныѣе», говорит.—У, которого пузырь лѣпнет, тот и выплывет назад; и коней нет—все кончились.

То бабы их и сказали: «Мы его, подлеца, поймаем, мы его валькѣми убьѣм».—Увидали Микулу шута, подбежали его ловить; поймали его в лесу, привязали его к березе, а бить имѣ нечем. Пошли они домой за валькѣми. Только ушли от его домой, а из другого селе-

ния идет молодец мимо его. — «Что ты, дядюшка, привязан?» — «В этом селеньи невест много, а женихов нет; хочут меня женить, а мне не хочется жениться». — Молодец был холостой, ему жениться надо. — «Ах бы мне жениться!» — «Давай, тебе сейчас невест много наведут, только выбирай. Давай отвязывай меня!» — Молодец его отвязал. Микула живо его привязал, чтобы молодец не мог отвязаться. Сам отправился в путь от его. А бабы прибежали, притащили — кто валёк, кто стяжók; давай его жарить, а он кричит: «Вы меня жените!» — «Мы тебя, подлеца, женим!» — Молодца етого убили, натащили досók, гроб ему сколотили, а в землю не зарыли...

Потом он молодца из гробу вытащил, сам лег, пробил дыру и взял себе жигáло. *(Пропуск.)*

Тогда она испугáтся, бежит от гробу. Не стали к ему ходить уж: он их всех перепугáл. Потом он идет по селенью, — они его скричели к себе добровольно; сказали ему: «Микула шут, ходи к нам!»

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказки А. Д. Ломтева записаны Д. К. Зелениным в 1908 году и опубликованы в издании «Великорусские сказки Пермской губернии». Сборник Д. К. Зеленина. II. 1914. (№№ 1, 6, 14, 21).

13. В а н ю ш к а. Соединение двух сюжетов: «муж ищет похищенную или исчезнувшую жену» (А н д. 400-а) и «чудесного прятанья» (А н д. 329, см. в настоящем сборнике № 1 и примечания). Такое соединение довольно распространено. Типичным примером может служить (А ф. 130-б) «Елена Премудрая» (по этому заглавию назван сюжет и в указателе), затем см. 49, 178, 355 (эти тексты упоминаются также и в примечании к № 1). Необычным для этого сюжета является эпизод, которым Ломтев начинает свою сказку: он заимствован из сюжета «Хитрая наука», иначе «Колдун и его ученик» (см. в наст. сб. № 18 и примеч.).

В общем, все основные эпизоды и элементы текста Ломтева встречаются и в других редакциях, но его текст превосходит все остальные полнотой разработки, детализацией отдельных мотивов и богатством реалистической обработки: напр., описание комнат с богатствами, обман девушек, изумление Вани при виде красоты девушек и его отчаяние, хитрость жены, выпрашивающей платье, разговор с Ягой и т. д. Но наряду с этим текст Ломтева очень беден элементами традиционной сказочной обрядности — стоит сопоставить описание прятанья, как оно изображено Ломтевым и Чупровым.

14. И в а н - Ц а р е в и ч и Е л е н а П р е к р а с н а я. Сюжет — зятя-животные (А н д. 552), соединенный с сюжетом кашеевой смерти (А н д. 302, см. примеч. к № 17). Медведю, ворону и воробью сказки Ломтева в других вариантах соответствуют: сокол, ворон, орел (А ф. 94), лев, медведь, ворон (О н ч. 78), медведь, ерш, лебедь

(Опч. 167), медведь, птица — железный нос, шука (Эрл. I) и др. Ломтевская манера повествования и характер его реалистического метода особенно ярко обрисовываются из сопоставления сцены сватовства трех женихов с некоторыми аналогичными вариантами других текстов. Так, напр., (Аф. 94) «вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная, грянул гром, раздвоился потолок, влегел в горницу ясен сокол...» Превосходный поэтический образец в чудесном классическом стиле записан А. А. Шахматовым от старушки Тараевой: «жил-был священник и было у него три дочери... был у них згляд ясного сокола, брови у них были черного соболя, личинько было белое и щочки у них алые»... «Они идут с братом на могилу родителя». «Стали ены над родителями плакать и рыдать сильне, ну потом вдруг наставала туча темная, грозная, пошел гром великий, молния... молния ударила в крыльцо, пал лев-зверь с неба»... (Опч. 78, стр. 203, см. дальше: Приложение к текстам Ломтева).

В эпизоде второго сватанья у Ломтева, несомненно, пропуск при передаче: пропущен дефект жениха (очевидно, хромота).

Из имеющихся параллельных текстов совершенно исключительным по мастерству рассказа и силе художественных образов упомянутый (Опч. 78) «Иван-Попович и прекрасная девица». В виду его особенного значения этот текст приводится в приложении. Вместе с тем на примере этих двух текстов, Ломтева и Тараевой, особенно рельефно обнаруживается на одном материале различие двух манер: реалистической (Ломтев) и классической (Тараева).

15. В а с и н ь к а В а р е г и н. В указателе Андреева отнесено к типу «Оживленная неверная жена» (№ 612); сюжет этот имеет обычно следующую схему: «Муж велит опустить себя с женой в могилу; видит, как змея с помощью трех листиков оживляет другую. Таким образом он оживляет жену; жена платит ему изменой; его убивают. Товарищ оживляет его, он оживляет царевну и наказывает жену» (Срв. в русском былевом эпосе былинку о Поточе-богатыре). Но, в сущности, ломтевский текст гораздо шире этого приурочения. Д. К. Зеленин так характеризует его: «Солдатская сказка нового фаясона, главный предмет коей — месть жене-изменнице и

головокружительная карьера солдата, повидимому весьма широко распространена теперь в солдатской среде, несмотря на то, что в ней так силен элемент чудесного, напр., воскресение мертвеца» («Перм. Сб.», стр. 526).

С основным сюжетом Ломтев связал и мотив женитьбы на бедной девушке, обычно тесно связанный с сюжетом верной жены (см. в настоящем сборнике № 33 и Приложение).

Эпизод ночных свиданий с генеральской дочерью существует и в виде отдельной, самостоятельной сказки (Аз. II, 8, «Солдат-бедняк и графская дочь»); отметка лянисом своей возлюбленной встречается, как указал еще Савченко, в русских сказках Чулкова (ч. I, стр. 17; С. В. Савченко. Русская народная сказка, стр. 77; цитата повторена Д. К. Зелениным. «Пермск. сб., стр. 528»). См. также Аз. II, 10.

Собиратель отмечает в сказке ряд путаных моментов: так, совершенно неясна история с «пасхой» (куличем), есть неясности и неточности в мелочах военного быта; напр., звание «банник», которого никогда не существовало в русской армии. «Быть может, — предполагает Д. К. Зеленин, — тут простое недоразумение с непонятным названием артиллерийского банника (поршня для чистки пушек после выстрела). Все эти особенности объясняются, конечно, малым знакомством сказителя с военной специфической обстановкой».

Но, несмотря на эти мелочи, промахи и несогласованность, эта сказка является одной из замечательнейших в репертуаре Ломтева, где с наибольшей силой проявилось его художественное дарование. Реалистический сюжет позволил ему дать ряд широких картин, разработанных с большим знанием быта и среды. Так, напр., детально разработана женитьба Варегина и сопротивление отца, распри его с сыном, примирение, — все это сочными мазками зарисовано из хорошо знакомого Ломтеву купеческого быта.

Варианты этой сказки имеются еще: Си б. 6 (Купеческий сын Ванюшка), воспроизводящий основную схему, но без такой широкой детализации событий, также Вят. с б. 103 (и прим., стр. 526) — без начала о женитьбе на бедной девушке: два коротких схематических рассказа — У С м. 78 (Неверная жена) и 319, 349 (сказка про купца).

16. Микула шут (Ан д. 1538, I). Один из многочисленных так наз. шутовских сюжетов. Данный сюжет в каталогах обозначается «Шут невеста». Его обычная схема такова: — шут наряжается в платье сестры и выдает себя за девушку; живет у попа в работниках и т. п.; женихи сватают мнимую девушку; шут обманывает жениха, убегает с брачной постели и привязывает вместо себя козу» (см. Ан д., стр. 92). Вар. А ф. 223 а, с; О п ч. 269. Конец сказки развивается по другому плану, приближающему ее к другому типу шутовских и воровских сюжетов, в частности Ан д. 1539 (см. примеч. к № 20), Ан д. 1535 (Дорогая кожа). Конец сказки опубликован собирателем с большими пропусками. В примечаниях он так передает содержание последних эпизодов: «Бабы поймали Микулу и привязали к дереву; когда пошли домой за вальками, чтобы убить его, Микула поменялся ролями с молодым, которого уверил, что бабы насильно хотят женить его. Бабы убили молодца вместо Микулы. Когда бабы ходили на гроб мнимого Микулы, живой Микула их перепугал. Бабы приглашают его к себе в гости, чтобы иметь мужское потомство» («Пермский сб.», стр. 535).

В настоящем сборнике текст дан с некоторыми пропусками: часть из них сделана самим собирателем, напр., последний эпизод (неудачная попытка баб поиздеваться над мнимо-умершим Микулой), часть — редактором, в виду неудобства воспроизведения в печати ряда эпизодов.

Этот сюжет, в соединении с сюжетом: шут, обманывающий попов, продавая им мнимо чудесные предметы (см. наст. сб. № 20), послужил темой для либретто балета Прокофьева «Семь шутов» (в СССР был поставлен на сцене только в Киеве).

СКАЗКА СТАРУШКИ ТАРАЕВОЙ ¹

ИВАН ПОПОВИЧ И ПРЕКРАСНАЯ ДЕВИЦА

Жил был священник (как у нас в Кондопоге все равно). Была у него жена и было у ней три дочери, был у них згляд ясного сокола, бровь у них была черного соболя, личинько было белое и щоцьки у них алые, оченно были девицы бравые. Был у них единый сын Иван Попович (и з о т ч и н ы у него не было). Жили они побыли, маменька у них и померла.

Вылили ёны патрет чугунный, снесли к божьей матери, в церкви поставили. Потом стал у них татинька нездоров (тому помереть надо); стал ён сыну своему наказывать о детях своих: как большой дочери придет первый сват, за того и выдать дочку, и другой дочери также, как придет первый сват, так и дать ю такождо, и также и третъей дочери, как первый жених посватает, за того и выдать нужно. «И, сын мой любовный, Иван Попович, не сдержáть слова моего: как придут женихи, так за первых женихов отдать их».

Тут жили побыли, татинька и помер. Слили патрет на тагиньку такой же чугунный и также к богородице в церковь к собору поставили (к жены так и поставили патрет, патрет о патрет). Тут ёны стали жить с братом, три сестры и брат. И брат все медленно книгу читает. «Есть не в каком царствии (царства не знаю назвать), есть у царя доцька прекрасная девица, кто на ю посмотрит, тот с ума рехнётся (кто на ю посмотрит)».

¹ Записано А. А. Шахматовым в 1884 г. в селе Кондопоге, Петрозаводского уезда, Олонецкой губ. Сведений о сказительнице нет никаких. Кроме этой сказки, от нее записано еще три текста легендарного типа («Демьян и Кузьма», «Христов крестник», «Жена из могилы»).

Потом стало сестренкам скучно, что брат не говорит с ними, подходит бблшая сестра. «Милый братец, Иван Поповиць, пойдем на могилу, к божьему храму к родителям своим» (попахать вишь хотят родителей своих). Он огвёриулся (оделся) скоро и пошел. «Пойдемте, сестрицы родимые, со мной». Ну и пошли ёны на могилу. Стали ёны над родителма плакать и рыдать сильнё, ну потом вдруг наставка туча темная, грозная, пошел гром великий, молвия. Скричал брат сестриць: «бежите, сестрицы родимые, домой, бежите скорей домой».

Оны домой на крылечко смахнули, вдруг молвия ударила в крыльцо, пал лёв-зверь с нёба; девичу ушли в избу, в покой свой; лёв-зверь бежит вслед ею; приходит к Ивану Поповицю. «Иван Поповиць, давай сёстру за меня замуж» (за зверя). Иван Попович расплатется горько. «Неужели моя сёстра до того достойна, что за зверя замуж думать» (а у родителя так благосовлёно, что за первого свата дать). Сёстра закричала, смолилася брату своему. «Братец мой, красота у меня ведь непомерная, белота в лице сингу белого, красота в лице сбнция красного, бровь у меня черного соболя, очи у меня ясного сокола, не дай братец, за зверя меня!» (просит брата, вишь). Крикнул зверь Ивану Поповичу: «Дашь сёстру и не дашь, возьму. По родительскому бёру я благословленью!»

Только промолвил зверь это слово, хватил ю за ворот, кинул себе на плёчи, да и попёр и унес. Две сёстры и брат плачут бойко и плакали ёны не мало времени, года два (тосковали по ней), и нету от ней слыху никакого; подошла сестра к брату. «Ой же братец, Иван Поповиць (а он все книгу читает), покинь свою книгу с белых рук, пойдем с нама на могилушку сказать родителям про сестру свою». Братец опять отвёрнулся скоро и пошел с ними. Приходят ёны на могилушку, расплакались, про свою сестрицу поросказали все (зверь унес сёстру нашу), однако матушка спромовила слово им с сырой земли единое: «Бежите, милые дети, прочь отсюда; тую сёстру лёв унес, а тебя медведь унесет». Ёны скоро крикнули братца. «Побежим домой, братец, беда идет, туча темная встает!»

Ёны домой побежали, гром загремел грозно, молвия заходила по земле, потом прибежали ёны домой, не по-

спели дверей запереть, вдруг пал зверь с неба во ступени к ним, и валится зверь след той девице, в тот же покой Марья Поповны. Проговорил зверь своим словом: «Марья Поповна, пожалуйста со мной в обручение». А брат сидит, книгу читает; пала Марья Поповна к брату на ворот, Ивану Поповичу. «Братец мой, не оставь и не покинь меня, сбереги меня от лютого зверя!» Брат говорит: «Сестра моя милая, у родителей ты благословленная». Подходит зверь к Ивану Поповицу. — «Не держи сестры, а давай мне в обручение, дашь — возьму, и не дашь — возьму, след с собой унесу». Хватил сестру за ворот, кинул себе на плечи и понес ю.

Потом ёны расплакались, брат да сёстра, остаются двоима и что ёны живут, не могут места прибрать себе (так жалко звери сестрёнок унесли). Тут ёны прожили года три после сёстры, а Иван Попович все книгу читает, все до той царевны домогается, что ему тая царевна предлагает замуж взять. Расплакалась сёстра его, усердно просит брата своего: «Пойдем, братец, выльем два патрета сестер моих и поставим к божьему храму, где отец и мать мои».

Братец скоренько свёрнулся и пошел и вылил ён два патрета. Снесли во божий храм, поставили к отцу и к матери. Тут ёна у матушки да прослезилася и ёна батюшку да проплакала. «Зачем же ты, батюшко, отдал детей своих зверям ись? Не бласлови меня, родитель, зверю ись лютому». Матушка в земте говорит ей: «Бежи, дочь, домой, гляди, черный ворон налётит, хватит тебя за верховицо и унесет!» Скричала сестра брату своему: «Ой, братец, Иван Поповиц, сбереги меня!» Побёгали ёны домой, прибежали домой, падала ёна на кроватку тесовую. Вдруг черный ворон залетел в покой, пал ён к Ивану на ворот, к Ивану Поповичу: «Иван Попович, я пришел за сестрой твоей, жена моя, а сестра твоя». Тут потом хватил ю черный ворон и понес.

Остается Иван Попов один в избе теперь и свалился на кроватку тесовую, взял ён в правую ручку лист ёрббый, бумажку, стал ён думать-гадать, некуды письма писать. Однакожю взял книгу в руки, читал ён ни много ни мало три года в ряд и дочитал до того места, что итти ему надо не в какое царствие, взять эту дочку замуж за себя. «Не дурак ли я буду, что

я пойду. Несколько сватало ю князей и бояр и не за кого ей не дают, неужель она за меня пойдет? Нет, однако я пойду». Взял подобулся и приоделся и приотправился в путь.

И не так скоро путь корбтается и приходит в такое место и стоит царской дворец. Что за чудо за эдако, в эхтом месте и царства не видано! (не бывало, вишь, никогда, тут царство сочинилось). Зглянул на дворец, вишь, на болконе сёстра его болшая гуляет. Выбегала сёстра среди бела двора, встречает брата своего: «Откули тебя бог принес? Как же ты сюды зашел?» Сестра взяла его, приумыла его, приналадила, сестра стала спрашивать у него, и ён сёстры говорит: «Пуспела бы ты спрашивать, пёрво накормила бы, да напоила бы, да спать ты меня уложила бы, потом бы ты спрашивала у меня».

И сейчас сёстра сббрала, накрыла ему на стол: «Садись, братец, хлеба кушать». Потом он наелся и на кроваточку на тисовую повалился. Тут сёстра спросила у него про сестренок: «Ты пошел, ты куда их оставил?» Брат отвечает: «Через два года медведь унес сёстру мою, а другую сёстру чернй ворон утащил, остался нещастный я один, пошел я в царство за прекрасной девицей». Сёстра говорит: «Не мог мой лёв-зверь утащить ей, так тебе не д бй де взять».

Потом брат отдохнул, стал снаряжаться от ней прочь пойти: сестра плачет, просит ёго погостить у себя: «Дожди зятя своёго». — «Я, говорит, боюсь, лёв-зверь придет, съест меня». — «Не бойся, милый мой братец, прозвание его так, а он не лёв-зверь, а царь на царствии». — «Скоро ли он будет домой?» — брат спросит у сестры. — «Будет он через полгода времени».

Живет брат, гостит у ней и прошло время полгода. Ён лежит, книжку читает на кровати. Брякнуло о ступени, испугался Иван Поповиць. «Ах, сестрица, беда пришла!» — говорит сёстра: «Не бойся, говорит, царь наехал домой». Как приходит лёв-зверь в фатеру, спросил у жопы: «Кто у тебя такой?» — «Милый братец мой Иван Попович». — «Кормила ли ты ёго, поила ли ты разными напитками ёго?» Стал снаряжаться Иван Поповиць, надо уйти от них с того прочь места. Лёв-зверь берегёт ёго, унимает, просит ёго еще погостить Ивана Поповиця: «Гости, милый друг, у меня». — «Нет, милый зять мой,

не слободно мне гостить, на б итти не в какое царство прибрать себе прекрасную девиду царевичу, кто на ю посмотрит, тот с ума рехнется». Говорит ему лев-зверь: «Ах ты, милый брат мой, не мог я девиду унести, так тебе в глаза не увидать». Говорит Иван Поповиць: «Щастьё моё и бесщастьё мое, все-таки я пойду».

Оделся ён и отправляется в путь. Говорит лев-зверь жене своей: «Ай же ты, Олександра Поповна, подай брату своему кукшинчик, пусть дорогой он тут ест и пьет; ты спроси, Иван Поповиць, как есть захочешь, переверни кукшинчик на другую сторону, выскочит тебе тридевять молодцов, подадут тебе питья, еды, кушанья». Взял лёв-зверь, выдернул из-под правой руки шерсти у себя (с под правой пазухи) и подал Ивану Поповичу: «Береги шерсть эту, когда будешь при беды, так тогда возьми эту шерсть в руки и вспомни меня, я буду у тебя».

И отправился Иван путем дорогой. Стало Иванушке итти голодно и холодно и ножки болят. Ну потом Иван взял этот кукшинчик, перевернул со строны на сторону, выскочило тридевять молодцов, поставили шатры шелковые, полы стлали (полы) серебряны, красота в покоях неумерная, тёплота невидимая. Поставили столики дубовые, налагали иствшушко сахарное, наливали питьецо ёму медвяное, сажали Иванушка за дубовый стол. Иванушко, пожалуй, и тут жил бы, да надо пойти Иванушку, до царевны доходить: кинул шкатульку (кукшинчик) на другу сторону, не стало у Иванушка шатра хорошего и не стало на иствшушка, ни столиков дубовых, ничего у него не стало. Подогнали ему тройку лошадей, сажился Иван Поповиць и уехал.

Приезжает к такому месту, стоит сад большой, стоит дворец царской. Поглядит, на болхоне серёдня сёстра его гуляет. «Что за чудо, скае, эдако, я всех сестёр нашел». Однако сестра вышла, стретила брата своего и усердно она расплакалась. «Ах же, милый братец, где же нещастная наша сестра одна?» — «Черный ворон взял на торзьяне (подавить бытто взял). Взяла сёстра к покою его, накормила ёго, напоила ёго и стала спрашивать про с род ст во свое. И ён рассказал про сестрицу свою: которая сестра за лёв-зверем, оченно ей жить хорошо. Стал Иванушка справляться уйти. Просит сестра: «Живи, братец, погости, жди зятя своего, получишь щастьё от нёго».

Однако стал Иванушка гостить тут, гостил не мало, полтора года. Хлопнул лютый зверь на ступенях, спугался Иванушка в покоях. — «А, сестрица, уйди надо». — «Что ты, братец, муж мой пришел домой». — «Кто ж у тебя это?» — спросил муж жону. — «Ах, милый мой, пришел брат мой». Зглянул ён на него глазом милым, дал ён ёму руку правую. «Милый брат, гости у меня я тебя кормлю и пою и совсем держу у себя». (Зять уни-мает, вишь, совсем живи тут.) Иван Попович развернул книжку и говорит: «Нельзя жить, надо пойти царевну найти». Говорит зять ёго царь жены своей: «Жена моя премилая, дай ему шкатулку след, ты иди Иванушка, переверни из колена на колено, тебе будет хлеб и кушанье тут». Тут взял медведь, выдернул шерсти с под правой щеки, подал Иванушку в руки: «Прими, Иван Поповиць, клади в корман и береги; ты, как будешь при беды, возьми шерсть в руки мою и вспомни меня, я буду у тебя».

Тут Иванушка отправился путём-дорогой, стало Иванушку голодно и холодно и ножки болят; взял шкатулку, перевернул из колена на колено, выскоцило девять молодцов. «Что, Иванушка, хочешь, тёпла или добра?» — «Хочу добра и тёпла и еды и кушанья». Всё ёму представили, сделали шатры шолкбвые, полы стали хрустальные, столики ставили дубовые, опять ён на кушанье попал. Наливали ему еды и питья и кушанья. «Садись, Иван, хлеба кушать». Тут Иванушка наелся, напился, перевернул шкатулку из колена на колено. Стал дикой лес (збулся в лесу, вишь, быть). Смолится Иванушке ко господу: «господи боже мой, выведи меня на путь».

Пошел Иванушка путём-дорожкой, показал господь дорожку ёму, приходит село, приходит в это село, стоит домик не малый и не великий. «Пойду в этот дом, Иванушко, кто в этом доме живет?» Приходит в дом, всё летают черные вороны. Зглянет, сидит сёстра ёго у окошка. «Ати мни, братец мой, а как ты зашел ко мне?» — «Шел, сестрица, я не путем и не дорогой, шел я тёмным лесом». Роспачается Иванушко судьбы своей и расскажывает сёстры своей: «Милая ты моя сестрица родимая, а ссть ли у тя хлеба и соли и кушанья, можешь ли накормить несчастного брата своего. Ежель ты меня не можешь накормить-напоить, нет так я тебя накормлю-напою». Потом сестрица говорила ему: «Ай же, братец,

есть у меня чего есть и пить». Угостила сестрица брата своёго, налетел черный ворон. «Милая моя, кто у тебя?» — «Братец мой, Иван Поповиць!» Подал ён свою лапочку ему: «Здравствуй, милый брат мой Иван Поповиць». — «Прощай, черный ворон, я сейчас пойду от тебя проць», Иван Поповиць говорит ему. Скричал ворон жоны своей: «Дай брату салфетку ему». Вырвал с под правого крыла перо ёму, подал Ивану в правую руку, и пошел Иванушка, попростился.

Несколько Иванушка путем идет, приходит к быстрой речке, у речки стоит амбарушка, у амбарушки поставлен крестик. В амбарушке поет Соловей-розбойник. Скричал ён громко, розбойник: «Ай же ты, Иван Поповиць, спусти с амбарушки соловья проць; ты меня спустишь, соловья, прочь, ты много получишь добра, а не спустишь, так и не получишь добра». А спросит Иван Поповиць: «Кто ты такой?» — «Я вот какой: Соловей-розбойник, у прекрасной девицы служитель». А спрбречит Иван Поповиць: «Не могу спустить я тебя на волю теперь, я иду прекрасную девицу себе в обручество брать». Говорил ему Соловей-розбойник: «Хоть получишь, да не сбережёшь. Спусти меня на волю, так твоя будет совсем». Задрожался Иван Поповиць: «Никак не могу спустить (боится, как бы не было чего, не смеет). Я не здешнего места, так не смею». Однако ён пошел от соловья.

Приходит ён к царскому дворцу, ударил в звонок. «Милая царевна, стрчай меня, Ивана Попового сына!» Прекрасная царевна крикнула своим служителям: «Возьмите этого дурака, положите ёго в темницу!» — «Экий я какой несчастный, Ванюшка, как мне сказали зятевья, что прекрасна девица будет не твоя».

Ну, однако, стал Иванушко сидеть в темнице. Суточки сидит, ничего не говорит. «Что я сижу, никого не вижу, тёмно; дай-ко я возьму кукшинчик свой». Перевернул с руки на руку, выскочило тридевять молодцов. «Что тебе, Иванушка, надобно?» — «Надо покой чистый и светлый, свечи были бы неугасимые, иствушко было бы сахарное, питьёе медвяное». Оказалось три человека с ним сидячнсь, засажены под неволю. Садил ен всех за столнки за дубовые, за иствушко садил за сахарное. Иван Поповиць тут ест и пьёт, кушает с нима; тут ёны розыгрался. тут ёны росплясался (как напилися).

Услышали сторожа, что за шум в темнице: видно.

драка там. Говорит прекрасна девица: «Только четыре человека, неужель бой подняли большой». Приходит сторож, отворяет дверь, очено жалко оттудова выйти, такое там хорошо. Приходит сторож к царевны: «Ай же, прекрасна девица царевна, есть у нас засажен Иван Поповиць, у него есть там светлота и чистота и свечи неугасимые, у него много пива на столе и вина и цтвшушко сахарнее; все ёны там наедались и напивались, тут ёны все расплясались». И говорит прекрасная девица служителю своему: «Поди купи у Ивана эту штуку у него, пусть продаст мни» (кукшинчик этот).

Приходит сторож к нему и говорит: «Продай мни кукшинчик, прекрасной девице. Много ли тебе денег требуется за то?» — «Я, говорит, не тотарин и до денег я не жаден». — «А чтоже тебе надоть?» — «А мне нужно то, а увидеть прекрасну девицу в очи свои, ю посадить на стул голую и меня голого, я и отдам кукшинчик свой».

Сейчас дбнес просьбу прекрасной девице эту. Вывели Иванушка на час целый к прекрасной девице в комнату ейну. «И не что такое, спроговорит прекрасная девица, дб гола скидавайся». И сама роздела рубашку прочь и посидели час целый. Отдал ён кукшинчик из руки на руки и попростился. Свели его опять взад в темницу.

Скучно Иванушко в темнице быть, перекинул шкатульку с колена на колено. Стали тэрема высокие, стали горницы светлые, хлеба сколько угодно ешь, водки у него сколько можешь пей. Смодится Иванушко старичкам в темнице: «Старички почтенные, вставайте, водку воспивайте». Все ёны напильсь да расплясались. Опеть сторожа все сдивовались (сторожа сдивовались). «Что за чудеса строит Иванушко у себя, прекрасная царица? Что за чудеса строит Иванушко: е чистота, е красота, е тэрема уставлены, хороши». — «Поди, сторож, купи у него шкатульку, ежели продаст, давай злата ёму, давай серебра ёму; ежели ён денег не берет, что велит, то сделаем».

Приходит сторож: «Иванушко, продай штучку-шкатульку. Берй злата сколько те надобно». — «Я не тотарин и до денег не жаден, а жадаю прекрасну девицу привезть в темницу, посадить возле меня рядом на стул, выцеловать несколько раз». Пошел сторож: «Эдакой подлец, какие речи говорит: целовать прекрасную девицу!» Однакоже донес прекрасной девице слова ёго. «Иди же,

прекрасная девица, в темницу к нему». — «А не что ён мни-ка сделает (она говорит), хоть в темницу итти — я посижу и с ним на стуле, а выманю шкатулку и поцёлую несколько раз». И приходила ёна в темницу со сторожом, а в темнице весьма хорошо и красиво, так ей прилюбилось в темнице сидеть хорошо, целовала ёна несколько раз ёго. Ен перевернул шкатулку из колена на колено, стало темно и грубо, скочила со стула прекрасная девица,хватила сторожа руками. «Неси шкатулку скорей к покой мой, а запирай дурака в темницу!»

А потом Иванушко благословясь в темнице не живет, роскинул салфетку по темнице, стала палата грянювита, сколько е столов, столько е молодцов, все пишут и ма-рают, а прекрасну девицу за Ивана доставают. Увидел сторож с окна, что у него чудеса эдаки идут, доносит ен прекрасной девице: «Ай же ты, прекрасная девица, это были чудеса не чудеса, а топерь новы чудеса: сколько столов, столько сидит молодцов и все пишут и годают, как тебя за Ванюшка достать». — «Однако пойдй, сторож, что ёму надобно, то и дай ему, и оберем у него достатки, больше ему нечем буде шутки шутить».

Иван ему говорит: «Поди сходи к прекрасной девице, пушай ложится на тесовую кровать спать, меня пускай повесят на а р г а н ы (на ремни) на верех супротиво ей самой прекрасной девицы и на три часа выпустит этих стариков со мной прочь из темницы, так я и солфетку подам». Прекрасна девица говорит: «Ни что такого не буде, а пушай ён на ремнях висит; висьте его на ремни покрепче». Иван Попович говорит своим темникам (которые вместе сидели в темнице, так тые и будут на ремни висеть его и держать ремни): «Как я крикну, что загорелсь, так-то понижe спустите, а как пожар, так и совсем спустите». А прекрасна-то девица не зная умысль ёго (что он делает).

Однако ёна послала сторожа вывести его с темницы, привести всих их тут. И стали висеть Иванушка на а р г а н свои старики темничные. Прекрасна девица кричит, что крепче гяните ёго, а ён говорит, что крепко тянут. сердце лопает. Взынули его на аргане высоко над прекрасну девицу; ён голый и ёна без рубашки. Прекрасная девица на перине, и ён крикнул: «Рёбята, горят». Ены ремни отпустили, и ен крикнул: «О, робята, царской дворец горит, о робята (старики), великий пожар!» Ены

спугались, ремни с рук и спустили, сами на ножар ушли, а пожару и нет, а Иван Поповиць с милой прекрасной девицей на кисовой кровати почивает.

Ну тут юж ёны стали пер водить (пер перовать), за муж ёна походит за него, за Ивана Поповиця. Пришли в храм божий, повенчали их. Не долго Ванюшка жил, полтора года только. Стала проситься прекрасная царевна в гульбу с ним. «Пойдем, Иванушка, гулять!» Приходили ены к быстрой речке, где крест поставлен, где стоит амбарушка, где сидит Соловей-розбойник. Скричал Соловей-розбойник: «Иван Поповиць, отопрешь ли мне, али нет?» Он говорит: «Я не смею» (все-то Иван Поповиць упирается, что не смеет). Милая прекрасная царевна говорит: «Я отопру». Иван Поповиць скаже, что «худо будя, как отопрешь». — «А я, скаже, отопру не боюсь никого».

Взяла ёна, отперла амбарушку, выходит Соловей-розбойник. Плеча у него аршинны, лоб у него четвертинный, голова как пивный котел, росту ёго сметы нет. Крикнул Соловей-розбойник своим голосом сзловецким своим карабельщикам. Скоренько карабли ему подгнали. А смотрит прекрасная царевна на Соловей-розбойника, жалко спустить ёго. Соловей-розбойник подошел, хватил её за середку, клал на караб, увез к свою сторону.

Остается Иванушка несчастный; сын Попов: «Говорил мне Соловей-розбойник, спусти меня на волюшку, тогда получишь себе добра (впереди шел, как соловей ему выговаривал), а как не выпустил, так не получу добра, все свое добро стерял». Пошел Иванушка опять путем-дорогой шатается, приходит к старушке в избушку ночью попросился. Старушка нанимает ёго пастухом: «Иди ко мне в пастухи нетёлок пасти; есть у меня пять нетёлок и бычек».

Вставал Иванушка поутру, сделал со старушкой ряду «Ежели пригону к ночи, так десять рублей», а не пригонит, так рублей двадцать с него. И ён выгнал на темный лес скотину, а ёны убежали проклятые во дикую корбу, чтобы не найти мни несчастному пастуху, и ён проходил день до вечера, ни одной нетёлочки в глаза не видал, взял с кормана, вынял шерсть, что лев зверь дал ему, клал ён из руки на руки, спомянул ен лев зверя: как лев зверь был бы, так скотинку пригнал бы. Лев зверь бежит да и скотинку гонит к нему. Срадовался Ванюшко Попов сын: «Полно тебе, Ванюшко, горевать,

пойдем в мое царство воевать». — «А поди, миленькой, ты домой, а я погоню скотинку к старушке домой».

Пригнал домой скотинку. «Принимай, бабушка, нетёлки, а денюжки подай». Ён денюшки от ней получил, а старушка стала пасти звать на другой день. «Поди, я денег дам много тебе, дам рублей тридцать на этот день, а если не пригонишь, от тебя сорок» (ряду делает). Тут начала она нетёлок бить ломать, чтобы ёны пастуху в руки не шли, чтобы шли дальше. Угнал пастух на долину, чтобы здесь сохранить свою скотину. Ёны ушли во болотища топушие, где добры люди не ходят; однако пастух головой пошталал, сам не знает, как найти скотину. Выдумал он сам про себя; есть у меня медвежьей шерсти клочек в кормане. Вынял ён шерсть из корману и взял из руки на руку перекладывать: сказал мне медведь, что шерсть мою в ручки возьми, да меня вспомни, да и я буду у тебя. Ну медведь бежит, нетёлок к нему гонит. Тут сказал медведь: «Полно, пастух, тебе горевать, пойдем в наше царство воевать». — «Мни нельзя, говорит, итти, надо коров к старухе согнать, а надо деньги получить».

Ну пригнал ён коровушек к старушке домой. «Давай, старуха, деньги мои, зажилые мои, коровушки дома твои». Старушка деньги отдавала, вперед его принимала на третий день. Еще денег дороже ему давала, ёла ёму давала пятьдесят рублей, а от него шестьдесят (она все выше себе берет, а ниже ёму дает). И, господи, стала дочерей (этих нетёлок, это ее дочери) бить и говорить: «Так бежите в синёе море, и ён как выгонит вас на дуг, так вы падите в синёе морё». И ён пастух выстал по утру и согляд скотину на долину; тут нетёлки разбежались, пали в синёе море. Стал пастух думать, годать, как их с воды достать. Пришел на берег на морской, лежит щука во весь берег; смолится щука пастуху: «Ах, милый Иван Попович, спусти меня к воду, так я сгону твоих петелей прочь». — «Погоди, щука, я доставлю и тебя к воду».

Хватил шерсти в пясъ к себе (взял из кормана шерсть лев зверя и медведя) и взял перо черного ворона. «Вы говорили мне, что я как буду у беды, так вы будете у меня, так выручите от беды меня». Черный ворон налетает в море, надает, этих нетелей доставал. Лев зверь набегает, и медведь скачет к пастуху в помощь.

Росплачется Иван: «Ах же милы зятевѣ мой, не оставьте горевать меня, спустите эту щуку в синее морё» (щуку пехнуть надо в синее море, за тем что нетелей оттуда выгонит). Лев зверь кинул лапу на щуку, а медведь и дви (у лёва видно силы более), спёхнули щуку в море; в море щука стрепехталась, а нетели с моря в гору побежали, а пастуху то и надо: ворон хватил быка за верховища, так и тащит с воды. Говорит ворон: «Гони Иван скотину домой, не бери больше себе пасти».

Пригнал пастух скотину к старушке. «Давай, старушка, мне-ка денюжки», а у этого у быка глаза выклеваны, а у девушек косы поыврвана. Сдогодалася старушка: не надо бы эакого вера пастуха, извел ён скотицу мою: у быка глаза повыкопаны, у дочушек косы поыврваны. «Не говори, не говори, старуха, денюжки кодай, вот что». Иван Попович говорить буде: «Я тебе нещапную сделаю, если денег не подашь, звери тебя росторзуют, ворон глаза выкопает». — «Ах, ах, погоди, молодчик, я денег сподоблю». Сходила в амбарушку, отчитала ему денюшки. «Поди, Ванюшка, дурак поповский сын, больше ко мне вечно не ходи». Лёв-зверь берёт и медведь и черный ворон, берётут ёго все тройкой. Вышел Вапюшко от старушки с избушки, спомнил лютых зверей своих: «Где мои милые звери?» И звери стоят у него колен. Лев зверь хватил Иванушка за плечка, посадил себе на спинку и увез к своё царство его.

СКАЗКИ Н. О. ВИНОКУРОВОЙ

Н. О. ВИНОКУРОВА

ВИНОКУРОВА, Наталья Осиповна—крестьянка с. Челпанова (Верхленского района, ок. 200 км. от Иркутска, по старому Куленгинскому тракту). Как уже подробно сказано во вступительной статье, она является самым ярким и сильным представителем реально-психологического направления в русской сказке. Но этот художественный реализм имеет у нее еще некоторую специфическую окраску. Ее сказки входят целиком в обще-крестьянскую лирию, но кроме того, это — сказки крестьянки, т. е. женские сказки, сказки бедной крестьянки и, вдобавок, бедной сибирской крестьянки. Эти три момента придадут особый тон и направление всей ее сказке.

Женское начало выразилось прежде всего в характере ее репертуара. У ней заметно преобладают женские сюжеты: «верная жена», «мудрая жена», «купеческая дочь и разбойники», «купеческая дочь и кучер», «неверная сестра», «министрова жена» и др. Любимая ее сказка — но ее собственному признанию — сказка о верной жене, но с особенной симпатией и нежностью воспроизводит она образ матери. Правда, у нее встречаются и сюжеты «неверной матери» («Утка с золотыми яйцами», «Зверное молоко»), но в их трактовку она вносит свои специфически-личные черты. В частности, в ее сказках от-

сутствует момент наказания матери; суровое же наказание неверной жены или неверной сестры — встречается.

Обычно же, образ матери окутан у ней глубоким уважением, и она любовно воспроизводит материнские заботы о детях, ее тревоги, скорбь при сыновних неудачах и т. д. Но образом матери не исчерпывается круг женских образов и тем Винокуровой. Она останавливается на различных проявлениях женского чувства, и каждый раз подходит к нему со свойственным ей тонким, психологическим чутьем. Во вступительной статье, уже был отмечен сильный и страстный образ любовницы лешего. В ряду с ним можно поставить яркую фигуру молодой красавицы, тоскующей со своим старым мужем: «Вот идет Вася по городу, прогуливается. Он — великолепный красавец был. Сидит эта министерша на третьем этаже, увидала Васю и слезно всплакала. «Вот люди — так люди. Вот так красота. А я за ком пропадаю».

Собиратели и исследователи не раз отмечали особые свойства женских сказок. В них отмечают: «господство чувства», «тонкость и нежность задушевного тона» и т. п. Все это приложимо и к сказкам Н. О. Винокуровой. Особенно сказались эти свойства в разработке одного из эпизодов сказки о «верной жене» (см. приложение 1-е), где с резкой отчетливостью и огромной художественной силой обрисовалась тонкая, чуткая и деликатная натура сказительницы — в эпизоде свадебного пира: «Подвыпили все фрелены, ковалерá тонцуют, а его на смех поднимают: «Что же ты со своей молодой не тонцуешь?» — А он боится ее спросить, может она обидится. Где же ей — с мешкой ходила — поди не умет. И посылат горнишну спросить... Здесь уже смешиваются водино и неразлично личный такт и психологическое чутье и такт художника.

Резко выражена в ее творчестве и сибирская стихия. Почти в каждой ее сказке встречаются нерты местного быта и местной природы. Один из любимейших мотивов у нее — мотив скитальчества, «страмствования», бродяжничества; с этим тесно сплетен у нее и другой мотив, который можно назвать мотивом приюта прохожего, отражающий одно из характернейших явлений быта сибирских притрактных селений. В сказке «Заклятый сад» к бывшей царевой горничной, убежавшей некогда

Н. О. Виокурова.

от царского гнева бродяжить и позже разбогатевшей, живущей со своими сыновьями-богатырями, ночью стучатся прохожие. «Сыновья мать спросили: «Мамаша, каки-то прохожие стучаются». — «Ах, дорогие детки, пустите, если прохожие. Я сама долго страмствовала, жалею всех». Аналогичные примеры также в сказках: «О Марке богатом», «О мудрой жене» и пр. Вообще, «сибирское» широкой волной разлито в творчестве Винокуровой. То оно скажется в какой-нибудь бытовой детали, то проглянет в каком-нибудь штрихе диалога, то развернется в широкой типично-бытовой сибирской картине. Сын орла-царевича, переодевшись девушкой, называет себя простой челдонкой, — как любят именовать себя с притворным смирением сибиряки. В сказке об «Утке с золотыми яйцами», царь спрашивает старика: «Что же, дедушка, ты расейский али здешний уроженец?» Наконец, в ее сказках нашли отражение и почти все главнейшие стороны промысловой жизни верховьев Лены: сплав, обозные транспорты, наем рабочих на сплавы и ленские прииски, охота и т. д. В сказке о верной жене — довольно отчетливо знакомство с тюремным бытом и его порядками; в этом нужно видеть, очевидно, следы поселенческого влияния и поселенческих рассказов.

Одним из центральных моментов в ее творчестве является также мотив бедности. Как уже сказано ранее, этот момент не явился фактором, преобразующим ее стиль и метод и выводящим ее сказки в сферу иной идеологии, но он придал своеобразный оттенок ее повествованию и переформировал некоторые сюжетные схемы и положения. Очень показателен и характерен с этой стороны наказ старика-лесника («Брат и сестра») своему прпемышу о снисхождении к бедным: «Может, кто бедный человек лесинку рубит — не бери с него вятки... Бедных людей обидить нечего». В сказке о жене-оборотне купец, умирая, завещает: взыскать все долги с богатых, долги же за бедными — зачеркнуть.

Такого рода личные привнесения тесно сплетаются с моментами традиционной поэтики. Эта неразрывная связь резко всего обнаруживается в той же сказке о верной жене, где купеческий сын женится на пленившей его нищей девушке. Из этого старинного сюжета Н. О. Винокурова сумела создать целую поэму любви и бедности.

Преобладание реально-психологических интересов за-

метно отразилось на ослаблении внимания к фабулярной стороне и внешней структуре сказки. Зачины, концовки, внутренние формулы у ней очень редки. Ослаблены и фантастические моменты. Так, напр., кощей (в сказке об орле-царевиче) утратил в ее изображении всякую фантастическую оболочку. Он представляется скорее каким-то важным барином, ежедневно отправляющимся на занятия. Не имеет никаких чудесных атрибутов и леший, ставший любовником молодой девушки («Брат и сестра»). Подробнее обо всех этих моментах — см. во вступительной статье.

Н. О. Винокурова скончалась только в текущем году (1930), на седьмом десятке жизни. В момент записи сказок ей было около 50 лет.

17. ОРЕЛ-ЦАРЕВИЧ И ЕГО СЫН

ИЛИ были мышка да воробей. Ну, как мышка в страду напасат себе всего, а воробей — летучий: ничо. А зима на тот раз была жестокая, трескучая, холодная. Воробью спастись некуда, он — мышке в нору: «Голубушка-кумушка, содержи меня, покаль лютый мороз». — «О» — говорит — «о пнако у меня провянт у не хватит». — Ну, он её милости просит: «пусти, да пусти, мышка». — «Ну, пойду я провянты свои посмотрю; ежели хватит, так пушшу тебя».

Обсмотрела свои закромы и согласилась она его пустить. «Хочь сыты не будем, и с голоду не пропадем».

Ну, согласились они вместе жить. — «А летом будем вместе робить. Ты будешь пшаницу собирать, а я носом молотить, да таскать буду». — Весна прилетела, воробей споркнул и улетел. Мышке обидно стало, пошла она к сво-

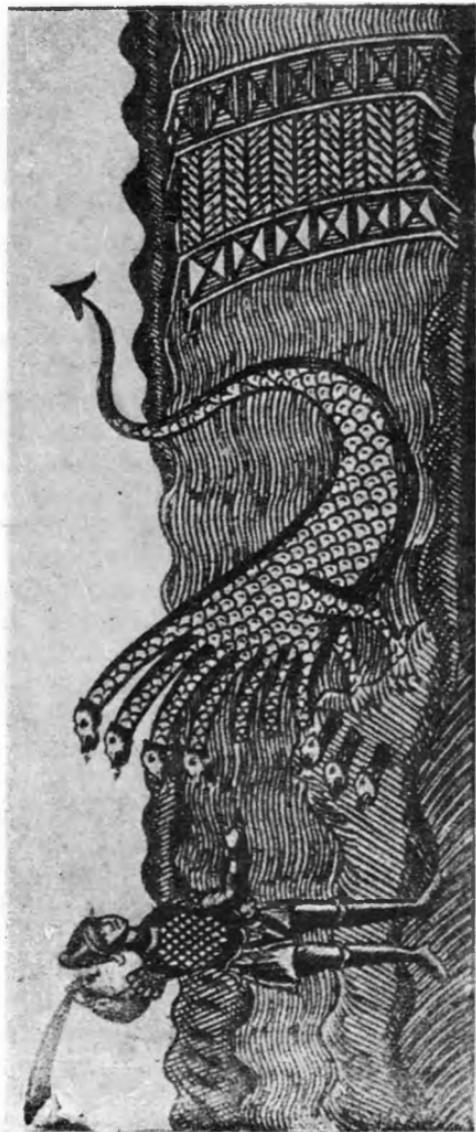
ему старшóму на воробья просить. Собралися их суд большой. Собралися. И птицы ето вся слётелася и гнусйна: мыши, кроты там. И пошел суд у их. Суд имя ешбó недостаточно, открыли войну межу собой. Воевали они двое суток. Ну, и разошелся их суд, одному орлу подстрелили крылья — остался на пеньке.

Пошел в одно время Иван-купеческой сын за охотой и видит етого орла, и снимат винтовку, метит его убить. А орёл чловеческим голосом отечат ему: «Иван-купеческой сын, не бей меня, я такой же человек, как и ты, только заклéтый на некоторое время, а лугче возьми да корми, я тебе полезен буду». Подходит Иван-купеческой сын, спрашивает: «А долго я тебя кормить буду?» — «Один год», говорит: «меня надо кормить». — «А какú же ты пйшки ешь?» — «В сутки барана».

Ну, взял купеческой сын орла, приносит отцу: «Вот так и так, такую находку сделал». Обсказыват всё. Отец помолчал. «Ето», говорит: «дорого». Ну, и опеть, хоть и ворчит, да единственный сын — запретить жалко.

С полгода кормил, отец ругаться стал: «Што же ето такó — в сутки барана? Гля какой ты пользы его кормишь?» Потом отец осердился, выбрал, как сын отлучился — и велел орла в овраг бросить, и не велел сказавать, куды и бросили. Одна горнишная только заметила, куды его понесли, и потихоньку ему сказала. И он етого орла взял из оврагу и предоставил на фатеру к древной старухе. Предоставлят в сутки барана и только кормит потихоньку от отца.

Остаётся до году кормить один только месяц,

Из глубочной книжки: «Сказка о сильном и храбром и непобедимом богатыре Иване-даревиче и о прекрасной его супруге Царь-девице».

а отец узнал, што сын все-таки кормит его, рассердился на н ё с л у х а - сына — взял и выгнал в одном пинжачке его. Приходит купеческой сын к орлу с горьким слезам: «не то што», говорит: «тебя кормить, самому есть нечего стало». — «Ну, так што ж, пойдём», говорит орел: «силу пробовать». — Вышли они там на плошшедь. «Ну-ка», говорит орел: «садись на меня, да доржись покрепче». И поднял его на себе под облака, поднял под облака и опустил — бросил. Иван-купеческой сын только хотел не жив упасть, тот не дал ему упасть и подхватил его.

Потом как они остоповались: — «А што же ты думал», спрашивает орел у етого купеческого сына: «когда летел?» — «Да што думал? Думал: упаду, так разобьюсь». — «А ето я первый долг уплатил вам. Когда я на пеньке сидел, ты в меня целил, я тоже думал, што смерть моя будет. Ну, тогда садись на меня и полетим, куда наши глаза глядят».

Вот они долго ли, коротко ли летели, прилетают к какому-то городу и останавливаются за городом. «Ну, вот што, Иван-купеческой сын, дай три пота с себя, сослужи мне одну службу». — «А где же я могу спотеть?» отвечает. — «А вот лезь на заплот». — Тот залез. — «Вот тряси меня за уши до тех пор, покуль у тебя руки, ноги опустятся». — Ну, тот трёс, трёс — уж моченьки у его нет. Пот с его градом льёт. — «Ну отдохни», говорит: «ишо два пота дай мне!» говорит. И стали у его уж по колени ноги человечески из етой шкуры. И опеть давай его трясти. Трёс, трёс. Уж моченьки у его нет. Пот с его градом льёт, а стало его

уж до грудей видать. — «Ну, теперь треси в последний раз, докуль кожа на руках останется. А то не выдюжишь, все наше с тобой пропало!» — Вытряс он его из етой кожи, стал орел молодцом пред ём. — «Ну, топерь побратуемся!»

Стали они назывные братья — и условие дали, штоб не покидать друг друга. — «Топерь иди в такой-то дом, там есть така-то надпись, и проси там милостыню. Тут в етом дому моя сестра старшая живет. И приходи к окну и проси милостыню не ради-христа, а ради орла-царевича. И хозяйка спросит: «Каку же милостыню тебе надо?» Ты проси от подвала золоты ключи, и обратно слушай, што она скажет, ежели не даст ключи».

Подходит он и просит, начинат таку милостыню, не ради-христа, а гля орла-царевича. А у окошка стояла горпишна, белье гладила. Ну, и со всех ног к барыне бросилась: «Што такое по новой форме милостыню просят?» Барыня ето дело догадалась, пошла сама к окну, рассказал он ей все про дело — и просит ключи. Она выслушала ето дело и говорит: «хощ сколько я с братом не видалась, но иушай иню столько не увижусь, а ключи не дам». Ну, приходит он к ему, обсказыват. — «Што же тут не удалось, пойдём к другой сестре, в другой город».

Ну, короче сказать, тут и мя также отказали. Пошли в третий город к меньшей сестре; опеть пошел Иван-купеческой сын просить ету же милостыню. Та от всего сердца обрадовалась — «А где же он, орел-царевич?» — «А вот дай мне ети ключи, я на свиданье тебя ему приведу». Подала она ему ключи ети. Ну; и потом

пришли они с етим с орлом, стали беседовать, пир у них. Свиданье, значит, у сестры младшей с братом сделалось. Ну, и потом орел-царевич повенчал Ивана купеческого сына со своей сестрой. — «А я», говорит: «пойду себе долю все двенадцать искать». — А Ивану-царевичу все двенадцать подвалов препоручил, в них много всякого злата и серебра.

А орел-царевич приходит в чужестраной город. В етим городу жил бессмертной кашшей, владал етим городом. И у его была купеческа дочь украдена — доржал он её у себя.

Несколько времени проживал етот орел-царевич в етом городе, и стал гостить к етой кашшейке, как кашшья в городу нету. И ета кашшейка стала от него забеременела. И в одно время захватил кашшей бессмертной орла у себя в дворце, и снёс ему голову. А она осталась от него беременна. И как кашшей уехал, она без его родила. И не знат, куды с ём деться. Всё равно кашшей его убьёт. И удумала она его в дубовой бочонок положить, на бочонке написала, што не хрешшоное чадо, и спустила в море.

И етому же самому купеческому сыну, который на орловой сестре женился, пригрезился сон, што бутто на его пристали новые корабли пришли. И он будит свою жану рано утром. — «Што такое за сон? Я поеду на присталь. Все ли там благополучно?» — Приежат на присталь — плават у его на пристали бочонок. Ну, зловил он етот бочонок, видит литерá, што не хрешшоное чадо, схватывает етот бочонок и везет домой к жане. Вот они с жаной етот бочонок взяли, раскупорили, вынули оттуль

дѣтишше, и там записка, што от орла-царевича прижитки. И они оба с жаной обрадовались: «ето што же, от нашего брата». — И пошли у их крестины. Окрестили, дали имя ему Василий. И своих у его было двое парнишек. И стали они с жаной растить, как своего.

Растёт он у их не по годам, не по дням, а прямо по часам. И вот ондали они его в школу вместе со своим детям. Виду ему не подают, што ты не наш. Из школы дети бегут — балуют. Василий их тихонько толкнет — имя не смаготно. Придут, жалятся, што вот нас Васька обижат. Ну, они ничего не говорят ему. Дети да и дети.

Вот однажды дети рассорились — старшобй нарнишка и говорит ему: «Ты не наш, тебя нашли мы». — Тот прибежал со слезам к отцу, к матери. Те хотят его разговореть; ну, он одно твердит: «Опустите меня; коли я не ваш — пойду гулять». — Ну, уговорели его койкак. Остался он. Но училишшу-то он лутче всех. Кто три года учится, он в один год всё понял.

В одно время детишки играли стрелками и улетели его стрелки на старый, на дряклый подвал. Пошел он за етой за стрелкой и увидал етот боченочек, и прочитал ети литерá самые. И приходит топерь к отцу, к матери. — «Нет, вы неправду сказали. Вот и боченок етот. Опускайте меня, пойду на все четыре стороны свою долю искать». — А тем я жалко опускать его. Но несколько с нём время бились, не могут ничо с ём сделать, и они уже сами все патребно ему рассказали, кто он и чей сын.

И пошел он в етот же город, где етот каш-

шей бессмертной. А топерь у кашшея етого уж обрада вокруг городу сделано: не пропускает никого. Прямо етого кашшеева дворца жила старушка в ветхленькой избе. Заходит к етой старушке етот самый Вася, просится переночевать. Пустила его старушка, покормила, што бох послал: «Кто, бабушка, у вас етим городом владат?» спрашивает. — «О, дитятко, бессмертной кашшей етим городом владат! Народ весь замучил!» — «Как, бабушка, етот город у вас крепко охронятся?» спрашивает. — «О, дитятко, ране просто было, все по простому ходили и ездили, ето все с причины доспелось?» — «С какой такой причины?» — «А у кашшея жана из русских украдена, и тут ридарь жил, и стал к кашшейе ходить, и кашшейе сознал ето все дело, и ссек ему голову, а потом заставил тут заставы. И кашшейе была от орла-царевича брюхата, и не знаю, куды скрыла младенца?» — А етот всё на усмотат. — «Так вот, бабушка-голубушка, будь ты мне вторая мать родная, я к тебе с докукой. Сходи ты на базар, купи мне женску одёжду и скрипочку, и вот тебе денег купи нам закусочку. И не сказывай никому просто. Вот, мол, жеиска у меня гостя, да и только!» — Вот старуха пошла на базар, купила ему женску одёжду, скрипочку. Он в женску одёжду оделся, и старуху молил и просил, усердно просил, штоб она не сказала, што он из мускбго полку.

Сял он к окошку на дворе, напротив кашшея, и стал играть во скрипочку — кашшейе понравилась музыка. Слушал, слушал да и да-

вай на своем балхоне плясать, и посылат прислугу. — «Подите-ка, спросите эту девушку, не пойдет ли она на вечер ко мне играть?» Девушку прислуга спрашивает — а та (Вася-то): «Я — говорит — не сумею оннако гля вашего барина сыграть — я из простых. Простая челдонка. Как сумею гля него сыграть?»

Вторично посылат прислугу, штоб, мол, не отказывалась. Потому очень игра нравится. Ну, посулился играть, а сам ладит записочку гля матери. — «Што ваш сын, который был в боченке нашолся, возрос я у дяди. И, дорогая моя мамонька, спрашивай у кашшея, где его смерть. Он два раза соврёт, третий правду скажет. А скажет, где смерть, так уважай её хорошенько».

И пришла прислуга, повела эту девушку играть. Кашшею она очень понравилась. Хорошо играт, и очень умная, уважительная девушка. А кашшеихи своей даже и ей не показывают — держит её в 12-м этаже, за проступку эту. Но Вася все-таки схитрилса, послал с горнишной записку матери. Как отошла эта тандыя, провожат эту девушку прислуга домой, подает кашшей ему 50 рублёв, а он тайным образом эти деньги горнишной и передал, штоб та записку оддала.

Ну, и как он, кашшей, натонцовалса, нахлопалса, патрепалса, назавтре спит долго. Никогда этого у кашшея не бывало: ей подали чаю, она его будит — и так ласково его просит чай пить. Кашшей тому весьма зрадовалса. То она его не любила, а тут чай зовёт пить с собою. И за чаем разговор с ём повела:

«Што ето сколь мы с тобой, душечка, ни живем, а никогда с тобой не говорили. И как ето охота тебе ети вечера делать, убивать себя до такой степени, и вот ты топерь устал. А де же, душечка, ваша смерть находится?»

Кашшею смешно стало: «Гля чего же вам моя смерть?» — «Какая же», говорит: «я тебе жана буду, когда ничего знать не буду». — «Моя смерть», говорит: «у коровы в рогах». — «У которой?» — «Да у пестрой», говорит, а сам улетел. А она сечас приказала ету пеструю корову занести к себе на етаж. Поставила её на дорогой ковер, и устала её всяким светам, и увязала её разным лентам. Вот приезжат кашшей, взглянул: «Ето што ешо такое ты удумала?» — «Ну, да што же ето, душечка, рази подобно твоей смерти по дворам таскаться. Ишо могут твою смерть убить — да я вдовой останусь. Лутче же я сама буду содержать, ходить за ей вместо всякой прислуги».

Кашшею любо ето стало. — «Выведи, дура, не тут моя смерть!» Ну, корову угнали, светы сняли, она заплакала: «Што, мол, правды не скажешь». — А кашшей от радости не знат, куды деваться, што злюбила его баба.

Вот опять вечер делат, опять зовет ету девушку играть, и опять сын записку наладил: «Спрашивай пушше, где смерть». Ну, короче сказовать, кашшей опеть натанцовался, опять лёг спать — и опеть по утру она его будит и спрашивает про смерть его: «Какая же я вам жана буду, когда ничего знать не буду». — «Моя смерть у козла в рогах», сказал и улетел. Она

сечас приказала нести етого козла к себе на верх, на ковер поставила, увила жен чугом, золотом.

Вот опеть прилетат кашшей, взглянул: — «Ето ишо чо такое?» — «Ну, да што же, душенька, рази хорошо твоей смерти по дворам таскаться». — А он смеется: «Дура ты, дура, выведи его вон». — Потом она заплакала. «Сечас, как ты меня не любишь, добром правду не скажешь, я себя смерти предаю. Я тебе всей душой, а ты не любишь меня, да правды не говоришь». — Ну, развылась, — кашшей и стал правду сказывать: — «Ну, дура и дура! Да вот где моя смерть: моя смерть за трем землям, на дикой степе, никто туды не ходит, никто туды не ездит, за морем. За этим морем стоит будка, в етой будке ящик прикованный, в егим ящике коробка, в етой коробке утка, в етой утке яичко, в етом яичке — моя смерть. Ковда ето яичко изломатся, товда моя смерть будет». — Она взяла, все ето списала на гумажку и послала сыну с горнишной. Сын получил эту записку, весьма рад сделался.

Ну, со старушкой попроштался — оставил ей капиталу и говорит: «Ты, баушка, никому не говори и не вынасивай, может еще и повидаемся, а я пойду страмствовать». Долго ли коротко шел он, до такого места дошел, што ни купить ни нанять ничо нельзя, и идет голодной. Какой-то плесненный сухарёк был ишо у его. — «Дай-ка», думат, «помочу в море да съем». Только на берег пришел, помочил, подбегат рыба и вырвала у его етот кусочек. — «Што же ты у меня, у прохожего, осталь-

ной кусочек взяла?» — Ну, он плечом пожал и пошел.

День был ясной, жаркой. Вышла самая большая рыба сушиться на солнце. Лежит, как большая гора. Вот он себе и думат: «отпушшу я свою трость, отлетит от неё како й-набить обломок, и съем я ету рыбу». Рыба отвечает ему: «Не умышляй, прохожий, ты моим куском вечно сыт не будешь, а мне будет вечно больно, а лутче я тебе гожуся». — Пошел, не стал шевелеть рыбу. Переносит на себе (голод).

Бежит собака — у ей три шшенёнка, а он до того голодный, што хотел палкой одного шшенёнка убить. Собака отвечает ему: «Вечно моим шшенёнком не наешься, а я вечно буду на тебя жалобу творить. А я тебе еще гожуся».

Ну, и пошел он далее, опять путем дорогою, и доходит до того самого моря, где будка стоит. А у моря ни перевозу ни олды — ничо нету. Сял, повесил голову и сидит. Вот видит: море колыбается, ета самая рыба, у которой он шпат хотел отрубить, зволновалась, и прет ему будку на себе. — «Ну, што доволен ты моей з а с л у г е?». — «Спасибо», говорит. Заходит он в будку, ломат етот яшшик, разломал яшшик — а в будке дверь не запер — утка из шкатулки и улетела на степь. — «Вот грех какой!» И сял, тошнее того голову повесил. «В руках была, да не мог взять». — Не откуль ета собака, у которой он шшененка пожалел, ташшит ему утку, на полету задавила. — «Ну, видишь, прохожий человек, и я тебе пригодилась». — Собаке поклонился до поясу. Сял, утку распороть; утку-то распорол, яйцо и укатилось назать

в море. — «Што же етò я за дурак, што я за неучь такая!» — Вдруг видит, море zvolно-валось, и ета, котора сухарь выдернула, рыба — ташшит ему яйцо. Положил яйцо на место и пошел обратно

Ну, а кашшею дома плохо стает. Смерть тронулась его. Ну, скоре сказать, доходит он опять до етой старушки, у которой был первый раз. — «Ну, што, баушка, у вас новенькое?». — «Вот и новенькое, кашшей в постели лежит, ничем уже недвижимый лежит». Переночевал он у старушки. Завтре идет прямо во дворец к кашшею — смелó уже идет. Кашшей его из милости просит: «Ондай ты мне ето яйцо, ставай на моим занятии, а я уйду отсель». — Он тому не внимат, взял ето яйцо, хлопнул — и кашшей здох. Вот он кашшея сожог, пепел перевеял, просеял, и отправил на пух-прах. Народ-то весь облегчился. Пошел звон, пение, радость. А сам пошел отца отрывать. Отца отрыл, етим яйцом намазал — и отец у его ожил. Ну, и вот стали жить, поживать, да добра наживать. И дядя на етот пщр пришел, у которого он жил.

18. КОЛДУН И ЕГО УЧЕНИК

Жил-был старик со старухой. И крайне бедно они жили. У их восьми ли девяти лет мальчик был, ну и до крайности дожили, што ни поись ни чего. Шабаш! — «Давай, мальчишку хошь, старуха, ондадим в услужение, хошь из-за одёжи да по крайности сыт будет». И решился утре в город вести его. Старуха утром стала, оде-

лась, печку затопила, и оболакат мальчишку. — «Што мы тут будем его голого, босого морить?!»

Вот идет старик с мальчишкой, до городу ешо ни дошли, попадутся им я мужичок на пусто пльсьи. Одетый хорошо. — «Здрастуй, дедушка!» — «Здрастуй, дядя!» — «Куды же вы пошли?» — «Ну да што, вишь, нужда, дядя, пошел мальчишку куды-набить ондаты, сил моих нету». — «А сколько бы, дедушка, за его взял в год?» — Мужик спрашивает. — «Да што же я, восподин, буду просить за его: он нигде не живал, ничо не видал, да што вот — голой да босой! Хошь бы обули, одели». — «Ну так сколько же возьмёшь за его? Я хочу его взять у тебя». — «Я так, восподин, буду с вами ридиться: милось есть, пожалуста, сколько-набить дай, да одень его, да обуи!»

Мужик вынимат сто рублей из кармана, подает старику. — «Он вам, восподин, не заробит, мальчишка ети деньги». — «Ну, дают — бери. Кажется, дело не твое!» — Старик взял деньги, распростились и пошел. Только пошел, старик спохватился. — «А чо жо я, какой глупый. Не спросил, как у его фамилия, имя, где живет. Кому я его ондал? Воротюсь, спросю мужика».

Воротился старик и кричит на весь упор: «Постой, постой, дядюшка!» — Мужик остановился с парнишкой. Парнишку звали Митя. — «Што старик, тебе надо?» — «Да вот, извините, не спросил, как ваше имя и фамилия и, где живёт, не знаю». — «Быдь покоен, старик, нашто тебе мое имя и фамилия, будет твой Митюшка здоров. А как срок придет, я тебе его на етим же месте и ондам».

Вот старик пошел домой с деньгам, заходит на базар, набрал хлеба, чо надо там поисти, идет к старухе. «Вот, старуха, за Митюшку-то мне сто рублей дали». — «Ну?»

Как они зряшного расхода не имели — и прошел год хорошо. Короче сказать, завтра год доходит — итти старику за Митюшкой. Как старуха-мать год дитю не видала, стает раненько, посылат старика.

Отправился старик, доходит до того места, где он мальчишку ондавал, видит, идет мужик с Митюшкой его. Митюшка там год пожил, быдто лет двенадцати стал, такой бульён. И одетый чисто, хорошо. Старик даже полюбовался над парнишком. Одетый чистенько и такой плотный стал. — «Што, дедка, за сыном?» — «Да, за сыном!» — «Ну, вот твой и сын сохранен, благополучен. А вот што, старик, не ондашь ли мне его ешо в год?» — «Ну, дак што, Митюшка, подёшь, дак чо». — «Етот год я тебе двести рублей положу. Так все-таки ты дойдем до меня, посмотришь, где твой сын живет, и работу его посмотришь». — Пошел старик, приходит. Дом хороший стоит. Усадил старика, угостили. Жана и три дочери у его. Старик сына спросил: «Ну чо, ладно, Митюшка, жил?» — «О, чо мне надо? Лутче домашнего. Робить много не заставляють. Одежа хорошая, харчи!»

Срядились со стариком, получил старик двести рублей денег. — «Ну, подем, все-таки, я тебе покажу сынову работу». — Повел его в заднюю ограду. И стоит там сажень дров нарублена топором. — «Вот», говорит: «сажень дров в год сын твой изрубил!» — Подумал ста-

рик: «За што же он ему сто рублей плотит?» — «Ну-ка, Митя, принеси поди спички» — посылает хозяин Митю. Митя пришел, принес спички. — «Ну-ка, Митя, зажги ету паленницу!» — Поджог Митя ету паленницу. Старик думат: «Чо же оп делат? Раз не глянется работа, пошто же он его вторично нанял?» — Разгорелась только ета паленница ясно, етот хозяин етого парнишку за ручонку, да в етот огонь. Старик на месте о мертвел, окаменел. — «Чо же, ты делашь? Ведь он у меня как есть единственной, а ты его в огонь бросил. Я с тобой поведаюсь!» — «Жив будет—не беспокойся!» — Вылетает из етого огня голубок. — «Вот твой Митька», говорит: «топеря иди спокойно старик, домой, теперь ты знашь, где я живу. Год дойдет — иди по Митьку!»

Старик домой приходит, двести рублей приносит, а дрязгу етого не рассказават, штоб старуха не болела душой. Нужды не имели, опеть прожили год. Короче сказать: завтре год. — «Опеть пойду по Митьку». — Мать уж два года в глаза Митьку не видала. Собирает его, торопит. — «Ступай!» — Как пошел старик, идет там попадатся стречу ему етот мужик, один без Митьки. — «Здрастуй, дедушка!» — «Здрастуй, восподин!» — «Что за сыном идёшь?» — «Тошно так, за сыном». — «Ну иди туды ко мне, а я недалёко схожу. Скоро приду».

Приходит старик имя в дом. Сидят ети три дочери его за столом. Старик поздоровался, сля — Митьки не видать. Старик сметил, что што-то девки шопчутся. И про его, про старика. «Што вы, дорогие умницы, шопчитесь? Скажи-

те всю правду». Как он слышит, што меньш́ая сестра упрощиват больших: «Скажемте дедушке, скажемте». А бб́льшая заклипат. Стал старик усердно просить бб́льшую дочь и младшая со слезами просит: «Скажем дедушке!» — «Ну, ладно, старик, скажем мы тебе, только мотри, папаше не сказавай. Только, што пожалели мы тебя, што он у тебя единственный сын, и живешь ты бедно́». — Клянется он, што не скажет отцу. — «Наш, ведь, отец не из православных, он — колдун страшной. Ведь, он, Митька твой, у лешей жил. Ну, так вот, как придет наш отец домой, угостит тебя, а потом поведет он тебя в тот сарай: там у нашего отца триста голубкох и всё его работники. И он хлев отворит, выпустит их на двор, и скажет: «Ну, вот, если ты Митьку поймаешь, то твой будет, а чужого поймаешь, пропадет твой Митька!» — Старик стал со слезами припадать к им я. — «Ах, дорогие красавицы, какие приметы у моего Митьки?» — «А вот, дедушка, выдет твой Митька всех зади, и хвост у его замараной, и бытто всех хуже, вот ты его и лови».

Как пришел етот мужик, напоил его чаем. — «Ну, подём-ка, старик» — и растворят ему хлев. Ну, две голубки вышли хорошие, веселые, откормленные, а етот позать всех идет. Худой такой, замореной. — «Ну», говорит старик: «от ворона сокол не бывает: как я худой, так видно и голубок мой плохой». — Зловил его, да и в пазуху, да и побежал от мужика. Несколько отбежал, ну и подумал: «Я што за дурак, я ничо не спросил, как мпе его возвóротить; што же я буду с голубком делать?» — Открыл

пазуху, голубок-то был да из пазухи улетел. Старик испугался: ни голубка, ни Митьки нет.— «Куды я топерь пойду? К мужику только чего пойду?» — Стал, заугрюмился. Видит: летит голубок обратно, повертáлся против старика, ударился об землю и сделался Митькой. И старика школит: «До старости дошел, ума не нажил. Хорошо, что я сам дошел до этого, а то што бы ты с голубком делал?»

Ну, пошли они к матери. Ну, мать, как мать. Мать обрадовалась. Переночевали; утром стали, позавтракали. Митя отца зовет в город. — «Ну, тятя, подём сходим в город». Вот они идут по пустолесью. Сидит на кусте ворона и каркат. Митя на ворону посмотрел и усмехнулся. — «Митя, што ты над вороной смеешься?» — Митя так и так, отозвался: «Да так мол». — Отозвался от отца. Идут, а другá ешо пушке каркат. Митя ешо пушке усмехнулся. — «Митя, што ты над вороной смеешься?» — Митя опять отозвался: «Да так мол».

Ну, старик пристал к ему: вот скажи, да и скажи! — «Ну, на што тебе тятка, спрашивать?» — «Как на што? Я отец, да ты такой-сякой, не хочешь со мной баить». — «Тебе сказать, ты осердишься!» — «Нет, Митя, не осержусь, говори». — «Да, вот перва ворона каркат: «Ты», говорит: «будешь царем, царем», а вторá ворона каркат: «Ты будешь ноги мыть, и отцу ету воду пить». Вот мне и совестно». — «Ну, да ничо, ведь все ето неправда. Мысленно рази тебе царем быть?» — «Вот што, тятка, я сечас сделаюсь карим жеребцом, и ты ставай на фартал и меня продавай и проси сто рублей и

без узды. С уздой, мотри, ни за што не продавай».

Вот Митя перекувырнулся и забегал жеребцом. Старик его на узду поймал и повел на базар. Подходят к нему покупатели. Кто дает шестьдесят, кто дает семьдесят, он просит сто. Приходит к нему один восподин. — «Што за коня просишь сто рублей? Ну, бери сто рублей, да только с уздой». — «Нет, без узды». Решился этот восподин взять без узды за сто рублей. Как продал старик жеребца, уздечка на руку, пошел домой, идет по пустолюсью, а Митя уж догонят его. Короче сказать, и на завтра таком же побытом его за сто рублей продал без узды. Повел и третий день.

Зашол в город, видит кабачок растворёной, а он никогда не пивал. — «А што, я мало-мало копейку имею. Зайду, выпью шкалик». — Жеребца привязыват, сам заходит в кабак. — «Нуска, цаловальник, налей шкалик!» — Подал цаловальник, он выпил. Как ему поглянулось — «Налевай и второй!» — В голове уж его дурность заходила от етих шкаликов. Долгоё время он пробыл в етим кабаку. У пьяного много разговоров наберется. Жеребец начинат уж там сердиться, лапой бьет около кабаку этого, а он ишо выпил — и сделался пьян старик.

Приходит из кабаку, отвязыват коня, хлещет его, школит, дёргат его поводом. — «Я тебя, захочу, так с уздою продам седня, а то што ты запачивал, што будешь ноги мыть, а я воду пить!» — Ну чо же пьян так пьян и есть! Становится на базар. Приходит к нему покупатель.

«Што, дедушка, за коня?» — «Триста рублей без узды». — «Ну, нельзя ли, дедушка, с уздой?» — «А бери пользуйся». — Ну, чо же и продал пьяный с уздой.

Вот он покаль по городу ешо бегал, а как хмель-то вышел, он и стрекнул ся. — «Што-то я наделал? С уздой на чо жо я продал? Ведь, не видать мне топеря сына! На што же я в етот кабак зашел, зачем я водку пил!» — Ждал, ждал Митьки на котором месте всегда встречался. Нет Митьки и нет. Целую неделю в город он бегал, все думал, не стретится ли где. Нет, не встречат. Ну, и стал без Митьки жить.

А Митьку-то, коня-то, етот самый восподин и купил. Етот самый колдун. Приводит етот мужик жеребца, заводит в сарай, и поттягиват его вверх ногам к потолку на цепь, и подкладывает под его небольшого огонька. — «Вот тебе, голубчик, и наказание от меня. Потому што ты у меня два год жил и хитрей меня выучился». — Вот весится Митя, етот конь, и месяц и два, прокоптел в целу над огнем; не пьет, не ест. Провесился полных шесть месяцев — едва жив.

В одно время етот мужик куда-то уехал. Его дочери-то и говорят: «Ну-ка, девки, зайдемте в сарай, посмотрим Митьку-то». — «Сестрица, отвязем его да поцоимте». — Ну, дочки его отвязывать; старша дочь сказала: — «Нас папа заругат!» — «Нет, мы опять привязем. Вот ето чо жо, сестрица, у его кожа потрескалась. Мы потом опеть подвесим его». — Ну, сняли они его. Вот он шататся, падат, стоять не может,

а узда то на им. — «Ну-ка, сестрица, поведемте его до ручья, побóимте!»

Он идет, шатается, запинается, а меньшá сестра жалет его и повела его на поводке, уздечкой этой поить к ручью. Вот он скрозь зубы бытто пил, пил, а' сам все назать заглядываются. Как бросится он в воду, со всех ног, так и попёр— только валы пошли, как он начал чистить. «Што нам топеря папа скажет?» — На тот фарт едет их и папа домой, а уж жеребец-то убежал. — «Папа, папа, жеребец-то убежал от нас!» — Недосуг ему с имя ругаться, сделался карасем и догонят его.

Митька слышит, што тот догонят, и заделался окунём. Гнался, гнался тот, а догнать не может. Угнались они с ём в чужой город. И потом на мосточках царская дочь полоскала платочки, к вечеру готовилась. Он и заделался с окуня кольцом золотым, и прямо к царской дочерé на платочек. Эта царевна от радости, что за супéрик попался, и на руку его надела, и не может над ём налюбоваться. А карасю-то не за што схватиться. Царская дочь идет к отцу. «Вот», говорит: «папа, какие гостинцы мне достались». — И все на суперик любится. — «Откуль мне на пальчик такой гостинец достался, точно с неба». — А папа ей сказал: «Ну», говорит: «дорогая моя дочь, етот суперик тебе к радости или к безвременью».

Вот как собрался их вечер на беседку, подвыпили, подзакусили, пошли у них танцы-музыка. Потом слышат, у их кто-то простой деревенской балалайкой под окном играет. Послали деньшика посмотреть. Пришел, объяснил: кто-

то новой музыкой играт. Прислухались они — им музыка пондравилась. — «Ну-ка зови в избу!» Как зазвали его, честь-честью здороватся. Сбьют его в кресла. — «Ну-ка, садись, играй!» — Кто смеялся над его музыкой, кто плакал, кто утешался, плясал. Показалась им антиресной ета музыка.

Как отошел их вечер, надо рашшитовать музыканта. Топеря спрашивает его царь: «Сколько ты с меня возьмешь за вечер?» — «Ничего и не надо мне, а только пушай ваша дочь ондаст мне етот перстень за игру с руки». — Царевна даже и говорить не хочет про кольцо. — «Пушай папаша хошь половину государства ондаст, а я етого суперика не дам». — А тот и тышши не берет. Поднялся у их крик и спор. Вот как дочь вышла на крыльцо со слезами, заплакала, скинула с пальца перстень: «Как-то я расстанусь!»

Только скинула кольцо с пальца, сделался перед ей добрый молодец. «Вот што, царевна, я попрошу из милости: ежели уж ваш папаша притеснять вас будет, скинь с пальца, и бросьте с силой об пол! Я рассыплюсь на мелкие блестяшки, и ты того разу примечай. Одна всех ярче будет лежать, и ты её каблуком наступи. Я к тебе прильну».

Ну, словом, до того царевну довели, што она скидыват с пальца кольцо, бросила на пол, и говорит: «Не доставайся, собака, ни тебе ни мне!» — Потом, как ети блестяшки разлетелись, и она скорей на блестяшечку каблуком. И етот музыкант разлетелся, бах об пол и сделался петухом, и давай клевать, блестяшки собирать,

а у царевны в это время вылетел сокол, и давай драться во весь упор. Сокол петуха заклевал.

Как сокол петуха заклевал, ударился об пол, сделался молодцом. Как Митя был, так и стал. «Царь-батюшка, дозвожь етого петуха сожегчи, а потом столочь его в пух и прах!» — И давай им Митя все рассказывать. Все патробно рассказал, а царевна от его ни на шаг не отстает. Живет он неделю и другую у царя, потом начинат его сватать за дочь. — «Вот што царь-батюшка. У меня ведь невеста есть. Вот я съезжу к той невесте. Ежли та не пойдет за меня, то я вашу царевну возьму». — Царевна даже захворала от етого удару, как Митя поехал за невестой.

Вот решилс я он уехать, и приезжат к этим трем сестрам. Они весьма обрадовались. — «Ето што же, Митька живой, мы думали папаша тебя совсем закурпётит». — «Вот, дорогие мои красавицы, победил я вашего папашу у царя в доме». — «Вот, спасибо Митя, так и надо». — Ну и начинат он сватать ету младшу, а темя забедно стало. Приезжат к царю с невестой этой нареченной, назначили они число венчаться. Как завтре венчаться назначено, а царевна затравила невесту со зла. Мите страсть жалко её стало. Лутше царевны. Тогда царь повенчал его на своей дочери, и говорит: «Как я стар стал»... и сделал его царем.

В одно время вздумалось ему родителя своего посмотреть, с ял со своей жаной в карету и поехал. Как к отцу приехал, ну, где же отец узнат, што Митя его царем. Как оне вечер

долго сидели, беседовали у отца, улеглись спать. А у Мити с жару ноги загорели, он ноги-то и вымыл. И, действительно, отцу ночью пить захотелось, он пошел, и из этого тазу воды и напился. Ну, вся правда и случилась над имъ. Забрал отца мать и повез всех к себе. И стали жить, поживать, да добра наживать.

19. БРАТ И СЕСТРА

Жил-был хрестьянин, охотник он был страшной, всё по охотам ходил, даже из дому уедет, когда на год, а когда и на два года. У его была жана и девушка. — «Ну, жана, я топеря надолго отправляюсь, живи тут». Она осталась от него беременна, и он не знал этого. И ездил он боле году по охотам там, по разным землям. И возвратился домой уж.

Вот едет домой, а день жаркой-жаркой, а ему пить хочется. — «А, господи, как пить охота!» — Ну и нигде ни озерка ни лывки нету. Видит с коня, в стороне блестит што-то, светит. — «Ужо, не озеро ли там, погляжу, съезжу». — Подъезжат; верно, болото, озерко небольшо. И припал к етому озерку в пападóк пить. Поймал его кто-то за бороду и тапшит в озеро, што он не может и подняться. — «Ну што в самым деле — шибко-то он не устрáшил ся — шутки шутеть, што ли, опускай, кто там поймался! В самым деле, долго будешь шутеть?» — «Да, до тех пор те не опушшу, пока ты мне заклад не заложишь». — «А какой же вам надо заклад? Бери вот коня, а то вот де-

нег, сколько надо!» — «Не надо мне ни коня не надо твоих денег». — «Дак што же тебе, нечистая сила, надо — ни коня не надо ни денег?» — «Да вот, ондай мне, што ты дома не знашь, отсули мне то».

Мужик всё дома перебрал. «Знаю, кажишь, всё». — Решился ондать ему, што дома не знат. Отсулил. Опустил он его. Сял мужик, поехал, приежжат домой, его мальчишка стречат, ползат уж. — «Ай, ай, думат: вот што я ондал!» И жане не сказават.

Растет мальчик етот у него, рбят они вместе. Как, короче сказать, лет шашнадцати етот мальчик стал. В одно время поехали они с ём в лес за дровами. А етот мужик рубил, рубил дрова, сял на колоду и заплакал. Парень глядит на его. Чо над отцом постречалось? — «Ты об чом, тятя, плачешь?» — «Ах, Вася, кабы знал мое горе. Кабы ты знал мое горе, чо у меня на душе лежит. Как же мне не плакать». — Сын к отцу таки пристал — «Скажи, тятя, како горе? Горе так об ойм, а не одному». — «Да вот, как», говорит: «мать тобой была беременна» — и рассказал, как он на охоте был и отсулил его, по такому несчастному случаю». — «Вы бы мне давно уж, тятя, сказали, я бы по малолетству давно уж сходил». — «Ну, приедем домой, Вася, матери не сказавай. Мать шибко заплачет!»

Приехали домой, сяли обедать, сын на отца взглянет, да засмеётся, да засмеётся. Мать сына спрашиват: «Ты чо, Вася, над отцом сёдни смеёшься?» — «Да, ежли вам, мама, сказать, так вы заплачете». — Мать пүшке к сыну пристала:

«Скажи, да скажи». — Сын взял, да и сказал матери все патробно, как ему отец говорил. Тогда сын пообедал и говорит: «Надо итти; когда я уж отсулёной, так надо итти». — Тут поднялся крик, шум, слёзы. — «Да, пожди же ешо, ведь он тебя потребует. Може ешо и так обойдется». — «Нет, пойду, да и все тут». — И сестрёнка эта с ём ладится. Как её не отбивали, насильно пошла с братом.

Долго ли, коротко ли по лесу шли и увидали: стоит избушка в лесу, земовейка. Заходят в ету избушку, посмотрели: в печке стоят два горшечка: в одном щи, а в другом каша. Понеможку взяли, поели из того и из другого, задвинули обратно, и улезли под печку спать, спрятались. Приходит хозяин етой избушке, а тут жил полесовщик-старичок; лес караулил. Приходит: хлеб ёденой, горшечки посмотрел — и там ёдено, и помаленьку съедено. — «Кто же», думат: «кто мог быть?» — Стал старик прислушиваться, кто-то шипит-спит. Посмотрел старик. Двое за печкой спят: мальчик и девочка. Он сяс и не знает, то ли ето бродяги, то ли ето заблудяюши какие — и боится, как бы не испугать. Нет терпения у старика — пошел будить, разбудил вежливо их. Стали они, он пригласил их к себе и съти, накормил этих ёношев старичок и стал спрашивать: «Чьи вы, откуля? Не бойгесь меня: я, ведь, дедушка».

И рассказал мальчик ему все патробно, куды он пошел и за каким делом. — «Да вот что, мальчик, я вам не советую», говорит: «итти, покаль он вас не потребует. Всё-таки он

вас потребует, а пока поживите у меня». — Старику эти дети погленулися. Девка стала избёнку подметать, обед варить, и живут они сколь времени у етого старика.

В одно время собираются старик осматривать лес, етог ему и говорит: «Да, чо же вы все сами ездите, я бы заменил вас, я тоже могу ето дело понимать». — «Ну, хотишь, ступай. Да кто, может, бедной человек лесынку рубит — не бери с его взятки, пропуская так безо всего. Я всегда так гля бедных людей делаю — у царя-батюшки лесу хватит. Бедных людей обидить нечего». — Съездил Вася, обгледел лес. — «Все сохранны, благополучно, батюшка!» — Отцом уже его зовет.

Через несколько време собираются они уж оба ехать. Вот они ездили, лес обгледели, и поехали обратно домой. Вася сля на лошадь, а старик пошел пёсший. Потом поехали они — бытто топь такая, гризь — по етой грезё. — «Ты, Вася, слезь с лошади, легче лошадь пройдет» — старик етому говорит. Старик взял у Васи коня в повод, а Вася пешком пошел.

Вот в кустах, у билотки, слышат — крик. Обзывают Васю в эти кусты. — «Вася, поди сюды!» из кустов кричат. Вася пошел, старик его не пускает. — «Нако я пойду, а ты лошадь держи». — Как старик ушел, Вася без терпенья бросил лошадь, и за стариком в те же кусты. Как у етого старика Васю етого просят: «Привел ты мне его, долго я буду ждать посулёного?»

Как старик решился с Васей. — «Вася, я за

тебя пойду. Как я пожил, у меня никого нету, а тебе пожить надо. Я заменю твою голову». — «Ну», Вася говорит: «чо же вы за чужую беду отвечать подете — я же отсулёный, я отвечать пойду». — Как старик с Васей не стал долго разговаривать, подал лешему свою левую руку, удернул его леший. Вася приезжат на стариково место, поплакал и давай браться за хозяйство за ето, с сестрой жить тут. Стал он стариково дело делать и стариково жалованье получать. И сестра его тут с им живет. А у старика было много всего припасёно.

Долго ли, коротко ли, несколько време живут они с сестрой. Ходит Вася в лес, осматриват, а в то время сестру стал смушшать нечистый. Стал являться молодым парнем. Решилась сестра с ём жить в совете за одно. И вот, как он его смустил сестру и стал смушшать: брата етого пахитить. Ну, смустил таки её: брата изводить. — «Как же мы его изведём?» — «Вот ты захворай и посылай его в лес тигру-зверя подоить. Звери его разорвут, а мы прекрасно будем жить». — Но ничего, тигра его не похитил, и он принес ешо себе тигрёнка. — «Нет, братец, мне от етого ничего не будет легче, а вот во сне мне пригрезилось: есть серый волк — от него мне будет легче». — А ето тот её учит.

Достал ей и от серого волка молока и волченка привел.

После етого серого волка, заставлят она его соловья разбойника найти, и от его пера нате-ребить. Он нашел, хотел стрéлить его, тот говорит: «Вот тебе моего соловьёнка» — и нашшипал ему пуху.

— «Ну, топерь вот што мы с ём сделаем. Есть, говорят, така-то мельница в болоте, она вся чугунна. У ей двенадцать подставов, заставь, говорит: «бусу принести оттуль. Вот на этой мельнице его жарнова смелют беспременно». — Взял он ету свою охоту, тигрѣнка, и волченка, и соловья-разбойника, приходит к етой мельнице. Заходит в мельницу, в ей чугунная лесница больша. На перву ступеньку стал, замолот жорнов; на другу ступеньку поднялся зачелалась и лестница; на третью только взнялся, заходили все жарнова. Успел он из мельницы выскочить, мельница захлобыслалась, а охота вся его осталась там.

Стоит у мельницы, жалет свою охоту, идет сам леший к ему. «Ну, што стоишь? ведь, я сънсь тебя хочу». — «А как ты меня сейчас заешь? Я то в поту то в бусу», говорит: «а я вот истоплю баню, вымоюсь, тожно ты меня, как красное яичко скушаешь». — Затопил Вася баню, сидит, голову повесил, а ето он все поджидает, не идет ли к ему его охота. Прилетает к ему воробей и летат над его головой, чекочит. — «А што ж ты тут зачекотал, мне без тебя досада есть?» — «Ну да, Вася, я в вашу пользу чекочу, ты не ладно же баню затопил, ты затопи её сырым дровам осиновым, она доле будет топиться. А соловей-разбойник уж крышу проклявыват у мельницы — оне придут к тебе». — Набросал Вася сырого осиннику в баню. А леший бегат да торопит: «Скоро ли ты вымышься?» — А Вася ему говорит: «Да у тебя и путных-то дров нету, вот сырьём затопил».

Мало-мало протопилась, пошел Вася мыться. Только Вася разделся мыться, прибежала таки его охота с мельницы — не смолола мельница, живы остались. Потом Вася, как обрадовался, мало-малу вымылся, обкатился, идет леший, отворят баню, а Вася распорядился: «Ну-ка, охота берись за етого!» — Ну и разорвали етого лешего в пух и прах. Остался Вася живой.

Тогда он етого лешего в пепел сжег, в пух и прах извеял, иссеял, и поехал к сестре. Приезжат к своей к сестре. «Ну, негодяйка, изводила ты меня, я твоего лешего извеял!» Собирает свое именье и выезжат из етой избушки. Сбдит сестру на коня, сам пошел песчией. Подъезжают к этой самой мельнице, у лешего были два столба вкопаны. Тогда привез он сестру к етому месту. «Вот где твой милóй!» — Она плакала, плакала, пепел рыла, рыла, и клык нашла, етот клык схватила, к сердцу прижала, воеет об им, об лешего клыкú.

Тода он между етих, между двых столбох, подвешиват ящик и сбдит сестру в етот ящик, и ставит по бочке на ету сторону. — «Вот, как ты, сестра, надо мной гáлилась, так вот тебе и казнь. Меня чужой старик спас, а ты — сестра, да изводишь!» Посадил сестру в ящик и «вот», говорит: «бочку наплачь обо мне и бочку наплачь об етим лешем, тогда опушшу тебя. Об ком же ты напереть плакать будешь: обо мне или вот о клыке?» — «Нет, братец, напереть о клыке буду плакать, потом об тебе». — Ну и уехал, оставил её тут.

Ну, выезжат. — «Не поеду я к отцу, поеду

страмствовать, посмотреть чужи города». Приезжат с охотой етой в чужой город. В етим городу все основано чорным троуром; он заезжат, стает в гостинницу, и спрашивает: «Чо у вас в етим городе кроится?» — «Да в етим городу нешто у нас хорошего не получатся: змей народу поедат, и вот до царской дочери добился, завтра уж царскую дочь надо ему вести на съедание». Он говорит: «Я могу заштитить». — Как он тут в гостиннице переночевал, привезли царскую дочь змею на съедание. В корете её привезли, сидит она там. Пошел он со своей охотой к царевне етой. «Што же вы, царевна, так за унывно сидите?» — «Как же мне не горевать, я единственного отца дочь, и сейчас меня змей съест». — И привезёна она, сидит у моря уж.

Вот видит, море раздваиватся надвое. Вылазит змей трехглавой. А етот с ём и говорит: «Я есть защитчик царской дочери, не дам тебе её съись». — «Тогда давай, поборёмся». — «Как будем воевать: попросту голову рубить, или силу узнавать наперёд друг у дружки?» — «В етем лесу расчистим себе площадь и на етой площадке повоюем». — И змей своим по-свистом свистнул — на двадцать верст лес, как метлой замёл. А Вася соловья заставил свистнуть, и соловей свистнул — на сорок верст лес размёл. Тогда стали они с ём воевать. Одну голову сам Вася ему ссек, а тут остальные — звери ему пахитили. Тогда пахитили змея, царская дочь приехала домой; нежданная даже, и царь весьма обрадовался: «Почему ты аставилась живая?» — «А вот из чужой земли

появился тут новый заштитчик и пахитил змея».

Послал царь за ём посланника, штоб к нему на лицо шел он. На посланой зов он не идет. Подыматся царь сам искать его. Приезжат в гостиницу и берет его. Пошла у них по всему городу радость, пение, што пахитили етого змея. — «Чём же мы вас, каким топерь чинам, наградим за ето?» — «Никаких мне от вас наградох не надо — я, любя, вас спас». — Ну, царь, все-таки повенчал дочь свою, ондал за него.

Ну, как он повенчался, прожил несколько время, пала ему на ум ета сестра. Как она там, жива ли нет, сказнённая ета сестра. Ну и собрался, и поехал сестру смотреть в этом яшшике. Приезжат, а она ешо жива, едва дышит. — «Ну, што, сестра, наплакала ты обо мне и о клыке?» — «Нет, братец, ешо о клыке не могу наплакать не токмй о тебе». — Тогда сожалел он все-ж-таки сестру, взял, повез её к себе. Привозют домой, приставляют к ей горнишну, как ходить за ней. Как она маломало оздравливать стала, справила она брату подушку. — «Как ты, братец, с молодой жаной живешь, мне тебя одарить нечем, вот тебе подушка».

Как братец легли спать на новую подушку, утре не может стать. Молода ево жана будит, будит. Пошла у их крик, плак. «Молодой наследник помер!» — Потом завесили ети зеркала троуром, царь запечалился, што зять был у его любимый, и што ешо он заштитчик был, и весь город запечалился. А сестра его ешо

распоряжатся. — «Вы хороните, как в нашем месте, а не по вашему». — «А как же у вас хоронют?»

Вот царь установил два столба на воде, гробницу вызолотил, украсил и повесил между двух столбов. Ну, повесил. А про его охоту и забыли. Никто их не настаивал, есть не давали. И они двери прогрызли, убежали, прибежали к хозяину и уташили этот гроб на остров, с воды сняли.

Соловей-разбойник прислушался, он ешо совсем не помер. Вот они признали у него в ухе этот же самый клык. А она, сестра его, этот самый клык в подушку ему зашила. И не могут они этот клык вытаскавать. Соловей говорит: «Ежли мне вытаскавать, я шибко сильной, я ему голову расцанаю». А серый волк говорит: «А мне и вовсе нечем». Бежит заяц. — «Эй, косой, поди сюды!» — Прибежал заяц. — «Вот выташи у нашего восподина клык из уха, а то не выташишь, пахитим тебя сейчас же, а выташишь — кормить будем».

Как ушкан отгрыз тоненькой пруточек, насторожил ему в ухо, и заставил волка тихонько поколачивать лапкой етыт пруток, — в друго ухо выскочил этот клык самый. — «Фу», грит: «как я долго спал!» — «Да, спали вы, вот вац гроб, вот ваше всё. Вот как сестрица тебя подушкой наградила». — Приезжат на охоте домой, опять пошла у их радость. Потом сестру он привязал лошади ко хвосту, и лошади растарзали все её кости. А сами с царевной живут, да поживают, да добра наживают.

20. ПРО ПЕРФИЛА

(СОЛДАТ ЧЕТЫРЕХ ПОПОВ ХОРОНИТ)

Жил-был старик со старухою, старик занимался сапожничеством, а она пряла пряжу. Он был пьяница. Кака грош-копейка заведется, што заробит, то и пропьёт. Вот в одно время сидит он, шьёт, а старуха пряжу прядет, и смекнул он дело, што у старухи есть шесть гривен денег и умствует: «как мне их вывести у старухи?»

Вот сидел, шил, шил, бросат чирок, ругатся, по избёнке забегал. «Работай, работай, не поись, ни што!» — «Ну, што ты, старик, ошалел, заругался?» — «Да, што, толи захворал, толи отошшал, ись хочу, а ись нечего. Дай-ка, старуха, у тебя де-то шесть гривен есть, пойду-ка на базар, куплю што-набидь понеть». — «Ну да так-то тебе и дала! Подёш в кабак, да пропьёшь!» — «Тебе говорят, не пропью, а куплю што-набить. Давай!» Старуха достала шесть гривен свои, подала. — «Ну, ты, старуха, тут ладь горшок, я сечас приташшу, живо».

Побежал старик на базар. Забегат в кабачок. — «Ну-ка, восподин цаловальник, налей шкалик вина!» — Падает ему двадцать копек. — «А ети я ешо вам оставлю в обратну выпить». Пошол, и опять, короче сказать, в кабачок, в другой уж, забегат и подает двадцатку. — «Вот тебе за шкалик, а ети в обратной путь». Также и в третий кабачок. Побежал с пустым рукам на базар; три шкалика он выпил, ша п-

чонку скрючил и бегат по базару, как ошалелый, как его пьяницы все знали.

Ну, как он побежал домой, едет их же батюшка домой. — «Ей, садись, Перфил, я тебя подвезу!» Сял Перфил с попом, поверстался мимо кабачка. — «Эх, батюшка, стыд сказать, грех утаить. Мне, ведь, выпить надо зайти». — «Ну, свет, и я зайду, у меня тут дело есть». Ну, как заходит Перфил: — «Ну-ка, скорей восподин цаловальник!» Цаловальник живкóм налеват крjóк, подает ему. Перфил выпил, шапочку на голове вскинул. — «Ну, што, мы в ращоте, восподин хозяин?» — «В ращоте». А батюшка на деньги выпил. И так они во все три кабачка заежжали.

Из третьего-то кабачка вышли, сяли, поп и спрашивают: «Ето почему, Перфил, так? я во всех кабаках по гривне уплатил, а ты без денег выпил?» — «Ах, батюшка, вы сейчас и сметили». — «Ну, скажи же, Перфил, мне всиё правду, пошто ты без денег пил водку?» — «У меня, батя, шапочка ета. Ты не гляди, што она плохá, а где што куплю, шапочку вскину, вот и в ращоте. Я шапочкой живу». — «Поедем-ка, Перфил, ко мне чайку попить в гости!» — «Нет, батюшка, спасибо, неколда мне». — Ну, да батюшка: «Поедем!»

Приводит себе Перфила в дом. «Ну-ка, матушка, нам закусить скорее ладь», а прислугу отправили за дьяконом, да за причотником. — «Скорее!» Приходит дьякон, приходит причотник. Батюшка на стол графин станóвит, а дьякона и причотника отозвал секретные речи говореть. — «Давай Перфила сомущ-

шáть, купим у его артелью ету шапку. Вот уж, на моих глазах, в трех кабаках пил и денег не платил». — «Продай, Перфил, шапку нам!» — «Ах, батюшка извините, што я вам скажу. И верно говорят, што поповские глаза завидúшные. Увидал у голово волово и выманиваете». — «Ах, да нет, Перфил, выпей ешо». Поят и выманивают: «Продай да продай, Перфил, шапку. Ну, сколько, Перфил, возьмёшь за шапку?» — «А для вас, батюшка, за сто рублей ондам». И дали, сложились они артелью, дали Перфилу сто рублей.

Бежит старик домой, пьяный и с деньгами. Старуха из окна увидала, заругалась: «Налил глаза и опять бежишь!» — «Ну, не ругай, старуха, вот тебе деньги». — «Ах ты пьяница, плут, украл где-набить, тебя завтра ешо посадят за них!»

Ну, вот как батюшка говорит: «Завтра я напереть поеду товары покупать». Надел Перфилу шапку и поехал в мангазин. Тут его стретили: «Проходите, батюшка, пожалуста!» Ну, и спрашивают тот—не наши злыдни—того и етого, набрал там на тысячи и снимат шапочку: «В ращоте, господин прикащик?» Прикащик улыбнулся сперва, думал, што он шутит. Потом видит, што поп берет уж все. — «Да вы што, батюшка, шутите!» Он одно, етой шапкой трясет: — «В ращоте!»

До того оне поспорили, что прикащик заходит с прилавку, отбирает товары и попа в толчки выбрасывает. Поп не знат, куда глаза деть, а на уме думат: «Погоди же, пусть не одному мне будет совестно, скажу дякону и причот-

нику, што все благополучно». И так, короче сказать, все трое ездили, ничего не получили, одного только конфузу нажили.

Перфилка купил некорыстную себе кобылёнку, и потом разменял там пятитку, в ожидании, как попы придут. И кобылку ету загнал под сарай. И в навоз свежий натыкал ети деньги, серебро. Как видит, попы идут, налил воды в чашку, рукава за скáл, и побежал под сарай. Приходят попы к старухе. — «Де, баушка, Перфил твой?» — «Што-то под сарай делать побежал». Поп под сарай к ему. Вот, Перфил закрыл етот навоз чашку тряпкой. Они залезли к ему под сарай, попы ети. «Чо, Перфил, тут работаешь?» — «Да, не што, батюшка!» — «Ну-ка чо, чо, покажи». — Отталкиват его. «Да вот, батюшка, кобыленку купил некорыстну, а она вот серебрушкам кладёт». Да один шевяк разломат — там гривеник, да в другом — двугривеной. «Она бы ишо больше клала, да вот, кормить нечем». — «Ты продай, Перфил, нам ету кобылку». — «Ах, батюшка, так вам и продавать. Вы вот шапочку купили, да я слышал, у вас неудачно вышло. А вы у пьяного меня купили, да не спросили с каким наговором надо дело делать». — «Ну, не разговаривай, Перфил, сколько возьмёшь за кобылу?» — «Да што уж с вас, двести рублей возьму». Попы обрадовались, увели кобылу.

Поп говорит: «Я, ребята, напереть её возьму». Вот загнал её в хлев, насыпал ей овса, сена, пшаницы, навалила она тут ему целы пошевни. Встает поп, идет, рукава засыкат, по локоть руки выгадил в кале, а больше ничего. Бежит

дьякон по кобылу. «Сутки выдержал, теперь мне давай! Ну как, батюшка, какова достáча?» — «Да ничего, ладная!» — Короче сказать, также и дьякон и причетник.

Опять к Перфилу бегут. Перфилу делать нечего. Он сбежал на базар, купил бычий пузырь и налил его полон крови и подвязал подмышку старухе. — «Старуха, попы придут, ты сиди, пряди. Я скажу, ставь самовар, ты сиди, молчи. Раз скажу, два скажу, ты сиди. В третий раз я тебя ножом ударю, ты и упади!» Идут попы к Перфилу. — «Ну, што же, Перфил, какú кобылу ты нам продал? Мы никакой достачи из её не достали». — «Ну, што, батюшка, я навязывал её вам што ли, вы сами её у меня выманили. Кобылу-то взяли, а с радостей взяли, опять наговор не спросили. Старуха, ставь-ка самовар, гости пришли!»

Раз сказал, два сказал, три сказал, берет ножик, бац старуху в пузырь. Старуха упала, полна комната крови. «Ты што же это, Перфил, наделал?» — «Не ваше дело, батюшка, без вас обойдётся». Вёсится у его плетка. — «Ну-ка, плётка-живулька, оживи мою жонку!» Раз стегнул, старуха вскочила, побежала за самоваром.

Попы друг на дружку взглянули. — «Ето што, ребята, у Перфила надо купить. Купимте, ребята, от Перфила ету плетку. Наши жены нас ни в чем не слушают. Продай нам ету плетку». — «Што вы, батюшка, старуха толды меня слушать не будет». А старуха просит потихоньку: — «Купите, батюшка!» Ну, и взяли плётку у его за пятьсот рублей. Приносят домой, и, короче сказать, похитили жен. Потом давай плеткой

бить: бил-бил, — ну, чо же, не встает. Короче сказать, также и дьякон и причетник похитили своих жен. А Перфил в ожидании попов купил хороший леворверт и ушел в пригон под сарай егот.

Попы прибегают. «Де-ка, баушка, Перфил твой, пú тальник?» — «Чо-то под сараем делат». — «Поди-ка, отец дьякон, зови его сюды». Дьякон только под сарай забегат — бац его, удёрнул себе, сидит. Ждали, ждали, долго нет дьякона. Посылат опять причетника. — «Иди, зови его, опять чо-то там торгует у его». Таким же порядком опять его придёрнул к себе. Пошел поп сам и то же получил. Поправился Перфил с попами со всемя. Попадёв нет и попов нет.

Вот стали народ проговаривать: «Де же у нас попы, де батюшка, весь причот потерялся?» А Перфил склал попов и сидит. Лежат день у его, лежат два. Вот в одно время забегат к Перфилу солдат. — «Можно ли у вас переночевать?» — «Ночуй, служивый, ночуй! Ну-ка, старуха, вари скорей ўжну!» Как сели оне ужнать, Перфил становит на стол графин водки. Подает солдату стакан и другой. Солдат на уме думат: «Вот-то в рай я попал!» Выпили всею бутылку, весь графин солдату спои.

Как солдат весь в порé стал ходить. Как солдат его выхвалят: — «Какой ты, дедушка, доброй!» Он под ето число и говорит: — «Я хошь и бедной, да меня все люди знают, даже и хорошие люди ко мне гостят. Вот нонче у меня была старуха именница. Ну, и кое-которые люди ладно пособрались. Ну, и — гово-

рит — приезжий батюшка ко мне на именины, захал. Подвыпили мы тут хорошо. И вот мой же грех: он на двор ушел и там, сердо у его плохое, то ли чо, упал да и умер, а я боюсь его шевелеть». — «Ну дак чо, сташил его в Ангару и все тут! Хош, я снесу?» — «Пожалуйста, служивый, я тебе заплачу». — «Ну-ка, неси его на крыльцо, я сечас мундер надену, да поташшу его в Ангару!»

Взял солдат попа на плечо, да и отправился. Перфил в это время вынимат другого попа, облил водой и поставил у крыльца, а сам ушел в избу. Как солдат попа на плечо взвалил, идет мимо а п х а т ы, спрашивают: «Тут кто идет?» — «Чорт!» — «Кого несешь?» — «Попа!» — «Куда несешь?» — «Топить!» Бросил попа в Ангару, ворочатся, видит: поп мокрый у крыльца стоит. — «Што такó, да ты ранé меня домой вернулся? Ну, нет погоди!» — Схватил, снова поташшил. А Перфил тем времем третьего поставил и водой облил. Со вторым идет мимо а п х а т ы, опять же его спрашивают: — «Кто идет?» — «Чорт!» — «Кого несёшь?» — «Попа!» — «Куда несешь?» — «Топить!» Бросил попа в Ангару. Приходит домой, тут третей наготове. Он его большой матушкой! — Схватил, поволок.

Как мимо гапвахты с остальным попом побежал, часовые-то и говорят: «Вот где попов-то таскают. Надо нашему батюшке сказать, штоб берегся», да и идут к своему попу с докладом: — «Батюшка, берегись, чорт третьего попа унес!» — «О, батюшки, я лугче на фатеру иду!» Стал, свою шубу долгу надел и шкатулку под пазуху. Только батюшка направился чересь дорогу,

а солдат тут и есть. — «Ты долго надо мной шутеть будешь!» Рассерчал, схватил на плечо, да в Ангару. Тот кричит, молит, никаких резонов не принимает солдат, притаскивает, привязывает камень к шее, и култых в воду, — а шкатулку себе забрал.

А Перфил смекнул, што долго где-то солдат. Прибегат солдат к Перфилу. — «Вы как ето долго?» — «Да изволь радоваться, он — колдун! таки четыре раза я бегал. Четвертый-то раз он сухой был, да в шубу оделся». А Перфил думат: «Што такое, почему четыре раза, когда у меня всего три попа было?» Да и заметил у его подмышкой шкатулку. — «Ну-ка, старуха, ташши скорее графин! С придатку подать солдату!» Налеват ему стакан. — «А, служивой, ето у вас тут што такое? Ты смотри, дома ли у нас шкатулка, не украл ли её у нас поп?» — «Ну, што кричитё, вот шкатулка!» Шкатулку Перфил отомкнул, там денег шесть тысяч. Солдату дал одну тысячу. Ну, а Перфил разбогател, живет богато.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказки Н. О. Винокуровой записаны М. К. Азадовским в 1915 году; опубликованы в журнале «Сибирская живая старина», в. в. II, III—IV, имеется отдельное издание: Марк Азадовский. Сказки Верхнеленского Края, вып. I, Ирк. 1925. Изд. Вост.-Сиб. Отд. Русск. Геогр. О-ва (№№ 1, 4, 6, 22).

17. Орел-царевич. Соединение сказки об орле (Анд. 222В) с сюжетом кашековой смерти в яйце (Анд. 302). Спор мыши с воробьем — начало, довольно часто встречающееся как вступление к сказке о роковом подарке или об «обещанном сыне»; отец героя получает в награду чудесный ящичек, который нельзя открывать до дому; он нарушает запрет, открывает ящик в пути, не умеет закрыть и за помощь должен отдать то, «чего не знает дома» (см. вариацию этого сюжета у той же Винокуровой, № 19). В таком соединении — А ф. 125, а, б, с; Сок. 66; Вят. сб., Перм. сб. 24, С. м. 5 и нек. др.

Соединение такого типа, какое дано текстом Винокуровой, более нигде не встречается. Возможно, что оно возникло на почве забвения основного сюжета и представляет собою новое мастерское сочетание различных элементов, разработанное в строго реалистическом плане.

18. Колдун и его ученик (Анд. 325). Один из самых распространенных сюжетов, известный в специальной литературе под формулой «Хитрая наука». Основные варианты можно разбить на две группы: со включением мотива предвещения будущей судьбы и — без него. К первым относятся: А ф. 140 d; С д. 64; Вят. сб. 30; С. м. 72. Ко второму — А ф. 140 а, б, с; Худ. I, 19; III. 94; Эрл. 18; Перм. сб. 57, С. м. 24.

Подробный анализ этого сюжета винокуровского текста дан во вступительной статье.

19. Брат и сестра. В основе — известный мировой сюжет о цеврной сестре (Анд. 315 А. «Звериное мо-

локо»), он соединен с сюжетом: победитель-змея (А н д. 300 А). Завязкой служит тема «заклятого или обещанного сына» (А н д. 313 А), см. в наст. сб. № 36 (Марья-Царевна — текст Антона Чирошника).

Соединение с последним сюжетом более нигде не встречается; сочетание же с сюжетом освобождения царской дочери от змея — довольно обычно. Варианты: А ф. 118 *a-d*; Х у д. I, 10; III, 84; Э р л. 11; С а д. 11; В я т. Сб. 6; П е р м. Сб. 5; К р а с н. I, 52; II, 29, 37; С м. 7, 229. Иногда вместо неверной сестры — выступает неверная мать: А ф. 119 *b*. Такая редакция имеется и в репертуаре самой Винокуровой (А з. I, 5 «Сын от цаловка»). Анализ текста дан во вступительной статье. Из других вариантов наиболее разработан вар. Перм. сб. (Текст А. Д. Ломтева). Мотив самопожертвования старика в сюжете об обещанном сыне, видимо, принадлежит к моментам личного творчества сказочницы.

20. «П р о П е р ф и л а». Соединение двух сюжетов: «шут» (А н д. 1539) и «мужик хоронит трех попов» (А н д. 1730 I). Сюжет «шут» имеет обычно следующую схему: корова продана за козу; шляпа — все заплачено; палка, оживляющая мертвых; горшок, варящий сам собою пищу; лошадь, приносящая деньги и т. п. Герой должен быть брошен в воду или дает похоронить себя живым и колет из могилы ножом (см. в наст. сб. № 16). Варианты: А ф. 223 *a-c*; С а д. 32; В я т. сб. 135; П е р м. сб. 21; О н ч. 131, 269; К р а с н. I, 42; С о к. 5, 87, 104.

Соединение с сюжетом похорон попа дают, кроме Винокуровой, В я т. сб. 35, С о к. 87 (текст В. В. Богданова: «Старичок Осип и три попа»). Отдельно последний сюжет: О н ч. 82; С о к. 33; С м. 129.

Имя героя и его социальное положение — постоянно. Перфил — только у Винокуровой; в других вариантах: Фомка-шут (А ф. 223*b*); Ерема-работник (ib., *c*.); шут Баламут (О н ч. 269); шут Максимка (С а д. 32); Микула-шут (П е р м. сб. 21, текст Ломтева); Сеня-шут (С о к. 104); «Старичок Осип» — крестьянин (ib., 87); Гришка-шут (ib. 145). Очевидно, первоначально этот сюжет рассказывался, как проделка шута-скомороха; позже он был усвоен крестьянской средой и приобрел значительную социальную остроту, включившись в цикл рассказов о попах, которых одурачивает ловкий работник или хитрый крестьянин-бедняк.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От составителя	7— 8
Марк Азадовский. Русские сказочники	9— 90
Сказки А. В. Чупрова.	
А. В. Чупров	95— 97
1. Царь-Чернокнижник	98—104
2. Федор-царевич, Иван-царевич и их оклеветанная мать	104—121
3. Царь и Черепан	121—124
Примечания	125—128
Сказки А. Новопольцева.	
Абрам Новопольцев	131—135
4. Спящая девица	136—143
5. Иван-царевич и Марья-краса, черная коса	143—171
6. Барин и мужик	171—172
7. Про нужду	175—176
Примечания	177—179
Сказки И. Семенова.	
Илья Семенов	183—185
8. Иван-царевич и богатырка Синеглазка	186—199
9. Купец богатой	199—211
Примечания	212—214
Сказки Е. М. Кокорина (Чимы).	
Е. Кокорин (Чима слепой)	217—223
10. Иван-Кобыльников сын	224—236
Примечания	237
Сказки П. Богданова.	
П. Богданов	241—244
11. Золотое яичко	245—266

12. Как поп работников морил	267—275
Примечания	276—278

Сказки А. Д. Ломтева.

А. Д. Ломтев	281—286
13. Ванюшка	287—300
14. Иван-царевич и Елена Прекрасная	300—316
15. Василишка Варегин	316—343
16. Микула шут	343—352
Примечания	353—356
Приложение: Сказка старушки Тара- евой	357—368

Сказки Н. О. Винокуровой.

Н. О. Винокурова	371—376
17. Орел-царевич и его сын	377—390
18. Колдун и его ученик	390—401
19. Брат и сестра	401—410
20. Про Перфила (солдат четырех попов хоронит)	411—418
Примечания	419—420

*Редактор М. К. Азадеский. Техн. редактор П. П. Филиппов.
Сдана в набор 28/XII 1930 г. Подписана к печати 4/XII 1931 г.
№ 1. Тираж 10.100 экз.*

*Ленинград № 73280. Заказ № 3453.
Бумага 73×105 см, 1/32—печ. л. 13 1/4 Тип. зн. в 1 печ. л. 65 тыс.
20-я тип. Огиз'а им. Евг. Соколовой, Ленинград, пр. Кр. Кол., 29*

